

ЕВРОПЕЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОПОС

JOURNAL FOR PHILOSOPHY AND CULTURAL STUDIES

№ 2, 2021

ISSN 1815-0047 (print)
ISSN 2538-886X (online)

ТЕМА НОМЕРА

ПРЕОДОЛЕВАЯ АВТОРИТАРИЗМ:
БЕЛАРУСЬ И ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЙ РЕГИОН
30 ЛЕТ СПУСТЯ

OVERCOMING AUTHORITARIANISM:
BELARUS AND THE EASTERN EUROPEAN REGION
30 YEARS LATER

Журнал включен в международные базы данных:
The Philosopher's Index;
EBSCO-CEEAS (Central & Eastern European Academic Source)

Периодичность: два номера в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ EDITORIAL TEAM

А. Возьянов	A. Vozyanov
А. Горных	A. Gornykh
В. Кораблева	V. Korablyova
А. Лангеноль	A. Langenohl
Г. Орлова	G. Orlova
И. Полещук	I. Poleshchuk
А. Усманова	A. Ousmanova
К. Шталенкова (ученый секретарь)	K. Shtalenkova (academic secretary)
Т. Щитцова (гл. редактор)	T. Shchytsova (editor-in-chief)

НАУЧНЫЙ СОВЕТ EDITORIAL BOARD

Ю. Баранова	J. Baranova	(Lithuania)
У. Бруган	W. Brogan	(USA)
Б. Вальденфельс	B. Waldenfels	(Germany)
Е. Гапова	E. Gapova	(USA)
А. Ермоленко	A. Yermolenko	(Ukraine)
Х. Р. Зепп	H. R. Sepp	(Germany)
Д. Комель	D. Komel	(Slovenia)
К. Мейер-Драве	K. Meyer-Drawe	(Germany)
А. Михайлов	A. Mikhailov	(Belarus)
В. Молчанов	V. Molchanov	(Russia)
Дж. Саллис	J. Sallis	(USA)
Ф. Свенаеус	F. Svenaeus	(Sweden)
Е. Трубина	E. Trubina	(Russia)
Л. Фишер	L. Fisher	(Hungary)
В. Фурс	V. Fours	(Belarus)
А. Хаардт	A. Haardt	(Germany)

Адрес редколлегии: journal.topos@ehu.lt
Сайт журнала: <http://journals.ehu.lt/index.php/topos>

Адрес издателя: Европейский гуманитарный университет
Savičiaus st. 17, LT-01127, Vilnius, Lithuania

© Topos, 2021

© Европейский гуманитарный университет, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

ПРЕОДОЛЕВАЯ АВТОРИТАРИЗМ:
ПАТН-DEPENDENCE И НОВАЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ | 7

| ПРЕОДОЛЕВАЯ АВТОРИТАРИЗМ:
ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ В БЕЛАРУСИ В 2020–2021 |
ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

David R. Marples | 15
Александр Филиппов | 20
Tora Lane | 25
Владимир Гельман | 29
Gintautas Mažeikis | 32
Helen Petrovsky | 35
Marta Jaroszewicz | 39
Алексей Пензин | 41

| АКТИВНОЕ ГРАЖДАНСТВО И ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ПРОТЕСТ |

МИХАИЛ МИНАКОВ

ВСЕМИРНО-ГРАЖДАНСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ
БЕЛАРУССКОГО ПРОТЕСТА – 2020 И ПОСТСОВЕТСКИХ
ПРОТЕСТНЫХ ДВИЖЕНИЙ | 45

ЕЛЕНА ГАПОВА

БЕЛАРУССКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ
АНТИАВТОРИТАРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ | 75

ГРИГОРИЙ МИНЕНКОВ

БЕЛАРУССКИЕ ПРОТЕСТЫ 2020 ГОДА
В КОСМОПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ | 96

ТАТЬЯНА ЩИТЦОВА

СУВЕРЕННАЯ ВЛАСТЬ И ЭТИКА НЕНАСИЛИЯ:
СТРУКТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ
МОБИЛИЗАЦИИ В БЕЛАРУСИ | 119

| GRASSROOTS: ИНИЦИАТИВЫ И САМОРЕФЛЕКСИЯ |

ВЛАДИМИР МАЦКЕВИЧ

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ «ОТВЕЧАЯ ЗА СЕБЯ.
ЗАПИСКИ ФИЛОСОФА С ВРЕДНЫМ ХАРАКТЕРОМ» | 145

УЛАДЗІСЛАЎ ІВАНОЎ

ФЭНОМЭН ЖАНЧЫНАЎ У БЕЛЫМ:
ГЕНДАРНАЕ ВЫМЯРЭНЬНЕ
БЕЛАРУСКІХ ПРАТЭСТАЎ ДРУГОЙ ПАЛОВЫ 2020 –
ПАЧАТКУ 2021 ГОДУ | 150

АНДРЭЙ ВАЗЬЯНАЎ

НІЗАВАЯ САЦЫЯЛОГІЯ І МАГЧЫМАСЦІ СТАВІЦЬ
РЭЛЕВАНТНЫЯ ПЫТАННІ ПРА БЕЛАРУСЬ ПАДЧАС РЭПРЭСІЙ | 175

АЛЕКСАНДР САРНА

КОММУНИКАТИВНЫЙ ДИЗАЙН ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ
В СУБКУЛЬТУРЕ ПРОТЕСТА | 197

| РЕЦЕНЗИИ |

ВЕРА ДЗЯДОК

АГЛЯД ПУБЛІКАЦЫЙ, ПРЫСВЕЧАНЫХ УДЗЕЛУ ЖАНЧЫН
У ПРАТЭСТАВЫХ АКЦЫЯХ 2020 ГОДА | 219

VIKTORYIA SLIAPTSOVA

BELARUSIAN POLITICAL CRISIS:
A COLLAPSE OF PREEMPTIVE AUTHORITARIANISM
A review of the book *Belarus: The Last European Dictatorship*
by Andrew Wilson | 226

ІНФАРМАЦЫЯ ДЛЯ АЎТАРАЎ | 232

ІНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ | 233

CONTENTS

Preface

OVERCOMING AUTHORITARIANISM:
PATH-DEPENDENCE AND NEW CITIZENSHIP | 7

| OVERCOMING AUTHORITARIANISM:
PROTEST MOVEMENT IN BELARUS IN 2020–2021 |
ANSWERS TO QUESTIONS FROM THE EDITORIAL TEAM

David R. Marples | 15
Alexander Filippov | 20
Tora Lane | 25
Vladimir Gel'man | 29
Gintautas Mažeikis | 32
Helen Petrovsky | 35
Marta Jaroszewicz | 39
Alexei Penzin | 41

| ACTIVE CITIZENSHIP AND DEMOCRATIC PROTEST |

MIKHAIL MINAKOV
UNIVERSAL SIGNIFICANCE
OF THE BELARUSSIAN PROTEST – 2020
AND OF OTHER POST-SOVIET PROTEST MOVEMENTS | 45

ELENA GAPOVA
THE BELARUSIAN ANTI-AUTHORITARIAN
CITIZENS' REVOLUTION | 75

RYHOR MINIANKOU
BELARUSIAN PROTESTS OF 2020
IN COSMOPOLITAN DIMENSION | 96

TATIANA SHCHYTTSOVA

SOVEREIGN POWER AND ETHICS OF NON-VIOLENCE:
STRUCTURAL FOUNDATIONS
OF CIVIL MOBILIZATION IN BELARUS | 119

| GRASSROOTS: INITIATIVES AND SELF-REFLECTION |

VLADIMIR MATSKEVICH

EXCERPT FROM THE BOOK
“RESPONSING FOR YOURSELF.
NOTES OF A HARMFUL PHILOSOPHER” | 145

ULADZISLAŨ IVANOŨ

THE PHENOMENON OF WOMEN IN WHITE:
THE GENDER DIMENSION OF THE BELARUSIAN PROTESTS
OF THE SECOND HALF OF 2020-EARLY 2021 | 150

ANDREY VOZYANOV

GRASSROOTS SOCIOLOGY AND POSSIBILITIES TO POSE
RELEVANT QUESTIONS ABOUT BELARUS DURING THE REPRESSIONS | 175

ALEKSANDR SARNA

COMMUNICATIVE DESIGN OF THE URBAN ENVIRONMENT
IN THE PROTEST SUBCULTURE | 197

| REVIEWS |

VERA DZIADOK

REVIEW OF PUBLICATIONS, DEDICATED
TO THE PARTICIPATION
OF WOMEN IN PROTESTS OF 2020 | 219

VIKTORYIA SLIAPTSOVA

BELARUSIAN POLITICAL CRISIS:
A COLLAPSE OF PREEMPTIVE AUTHORITARIANISM
A review of the book *Belarus: The Last European Dictatorship*
by Andrew Wilson | 226

AUTHOR GUIDELINES | 235

ПРЕОДОЛЕВАЯ АВТОРИТАРИЗМ:
PATH-DEPENDENCE
И НОВАЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ

Прошел год, как Беларусь вступила в период тяжелейшего социально-политического кризиса — самого тяжелого за всё время существования этой постсоветской страны. 2021 стал годом масштабных репрессий и массовой вынужденной эмиграции: наступил период политической реакции госаппарата на революционный подъем гражданского общества 2020 года. Одновременно с этим, 2021-й был годом 30-летия распада СССР, геополитического и идеологического коллапса, имевшего глобальное историческое значение и положившего начало новой, постсоветской, эпохе для огромного региона.

«Постсоветской» совсем не обязательно — и не сразу — означало «не-советской». История трансформаций бывших советских социалистических республик — это история постепенного преодоления path-dependence, зависимости от советского прошлого. За три десятилетия ближайшие соседки Беларуси — Литва, Россия, Украина — прошли в этом отношении очень разные пути. Литва форсированно вошла в ЕС, идиосинкратически стряхнув с себя налет советской идеологии, не ставшей в этой стране «своей» благодаря сильному антидоту в виде национально-демократических традиций. Украина, пройдя через два Майдана и мобилизацию национального патриотизма, уперлась в два системных препятствия, с которыми ей предстоит каким-то образом разобраться: внешнюю угрозу («необъявленную войну») со стороны России и внутреннюю угрозу со стороны патрональной модели демократии. Россия после первоначального периода «олигархической анархии» переработала советское прошлое в определенном смысле

по-гегелевски: обретя при Путине новую политическую устойчивость в патрональной автократии, основывающей свою идеологию на реактуализации идеи империи.

Среди европейских постсоветских стран Беларусь, на пару с Россией, пошла по пути переработки советского авторитарного наследия в «превращенную форму» постсоветской автократии. При этом режим Лукашенко в своей политике, идеологии и официальной риторике демонстрировал — и нарочито подчеркивал — больше скреп с советским, нежели режим Путина. В этой связи политическая реакция режима Лукашенко на демократический протест 2020–2021 гг. может рассматриваться как судорожное усилие сохранить модель власти, которая «кровно» связана с советским режимом, прекратившим свое существование 30 лет назад.

Характерно, что к последним президентским выборам Лукашенко пришел с той же проблемой, что и коммунистическая партия СССР к 1990-му: утратой морального авторитета и идейного лидерства. Под давлением массовых демонстраций руководство СССР пошло тогда на чрезвычайную меру, исключив из советской Конституции статью о монополии КПСС на власть: колосс дал трещину, за которой вскорости последовало и полное разрушение. Нужно подчеркнуть, что стремительное крушение советского коммунистического проекта в период с 1989 по 1991¹ было контекстуально связано с чередой «бархатных революций» 1989 года, положивших конец коммунистическим режимам в Центральной Европе. В этом отношении массовый демократический протест против режима Лукашенко в 2020 г. разворачивался в существенно ином международном контексте, который мог, скорее, укреплять веру Лукашенко в перспективность авторитарного правления, несмотря на отчетливые признаки кризиса народного доверия к его президентству.

Синхронизация белорусского авторитарного режима с новыми автократиями и антилиберальными тенденциями в Центральной и Восточной Европе создала видимость попадания Беларуси в генеральные тренды социально-политических трансформаций в европейском регионе, в результате чего некоторые эксперты даже предложили переименовать белорусского правителя из «последнего» в «первого» диктатора Европы. Однако генеалогия и характер белорусского режима — в особенности отсутствие необходимой легитимирующей поддержки со стороны народа — не позволяют сделать Лукашенко «своим» в компании

1 Значимые события этого периода: 1989 — первые в СССР альтернативные выборы народных депутатов; 1990 — выборы в Верховные Советы союзных республик.

новых европейских автократов (о чем красноречиво свидетельствует его нынешняя «нерукопожатность»). Новейшие правые и авторитарные тенденции в европейских странах обусловлены разочарованиями в той модели либеральной демократии, которая сформировалась на почве неолиберального капитализма и долгое время считалась образцовой и безальтернативной (Фукуяма стал в этой связи автором глобального философского мема о «конце истории»). Беларусский авторитарный режим возник и вплоть до сегодняшнего дня удерживает власть в силу совершенно иных причин, связанных в том числе с советским наследием в социально-политическом устройстве беларусского государства.

Формирование и устойчивость режима Лукашенко в первые десять лет правления были обусловлены соответствием его политического курса базовой потребности людей в обретении более-менее стабильной социально-экономической опоры после краха СССР. Как и в других постсоветских странах, распад Советского Союза был встречен в Беларуси противоречивыми переживаниями: экзистенциальная тревога из-за утраты привычной мировоззренческой системы координат и государственной системы социальной защиты сочеталась с надеждами на возможность построения принципиально иного общества. Надежды, пробужденные еще на этапе Перестройки, были связаны с двумя генеральными направлениями: либерализацией (включавшей переход к рынку и демократизацию социальных институтов) и возрождением национального сознания. Поэтому общественно-политическое движение, которое в конце 80-х составило реальную альтернативу коммунистической партии, было национально-демократическим — его название заключало в себе сильный мобилирующий месседж: Беларусский Народный Фронт «Возрождение». Однако после распада СССР проект национального возрождения, продвигаемый БНФ, не смог конкурировать с предложением, которое исходило от Лукашенко на первых президентских выборах в истории независимой Беларуси. Представая в сознании избирателей как альтернатива советской коммунистической власти (воплощенной тогда в фигуре В. Кебича), Лукашенко дал понять, что его курс — это, фигурально выражаясь, сохранение СССР в отдельно взятой стране, только... без коммунистической диктатуры. Никто не думал тогда, что популистская победа молодого кандидата приведет к новой диктатуре: после референдума 1996 года не только либерально-демократический принцип разделения властей, но и партийная модель распределения ответственности были отклонены первым президентом, не желавшим никаким образом ограничивать свою власть как суверена. Так произошла квазиархаизация государственной власти:

форсированный переход к *patria potestas*, власти Хозяина, которая чем дальше, тем больше обнаруживала черты *hybris*.

Таким образом, среди европейских стран возникшего на карте «постсоветского региона» в Беларуси уже в 90-е годы обозначились реверсивные тенденции: с приходом к власти Лукашенко началось подавление национальной культуры и укрепление авторитарного управления во всех сферах общественной жизни. Новый авторитарный режим, с одной стороны, выступал наследником советской системы (тоталитарных институтов, социалистической экономики, идеологических/исторических мифов, ценностных стереотипов), с другой — последовательно осваивал возможности, связанные с включением Беларуси в контекст глобального капитализма. Эта амбивалентная ситуация выявляла ограниченность доминирующей модели интерпретации постсоветских трансформаций в парадигме транзитологии и догоняющей модернизации, или подражания западным либеральным демократиям. Характер социально-экономических процессов в Беларуси уже в 90-е годы не вписывался в линейную логику «постсоветского транзита», указывая на необходимость замещения ориентации на идеально-типическую «западную» модель фокусированием на комплексном взаимодействии локальных политических, культурно-исторических и аксиологических факторов.

Закрепление авторитарного режима в Беларуси в значительной степени объяснялось многолетней гражданской пассивностью — политической индифферентностью — большей части населения страны. Бессилие и неконструктивность традиционной оппозиции, подвергавшейся систематической критике с самых разных сторон, были проявлениями более фундаментальной проблемы — слабости гражданского общества, которое потенциально призвано быть ключевым политическим субъектом в демократической республике. Легитимность режима Лукашенко долгое время основывалась, с одной стороны, на укоренившемся представлении о его эффективности, с другой — на так называемом «социальном контракте»: согласии граждан на политическую лояльность взамен на базовые социальные блага со стороны государства, а также — в периоды «оттепелей» — взамен на возможность выстраивать свою «параллельную реальность» в виде проектов и начинаний, ментально и эстетически потусторонних «официальной Беларуси».

Недееспособное, атомизированное гражданское общество было, возможно, главной «ценностью», которую первый президент независимой Беларуси получил в наследство после распада СССР и которую целенаправленно культивировал, опираясь на фасадную демократию. При этом любовь Лукашенко к плебисциту

(как форме коммуникации между гражданином и сувереном) была оборотной стороной нелюбви к сообществам (партиям, объединениям, НКО и т. п.) как формам гражданской и общественной автономии. Когда в постсоветском регионе началась волна «цветных революций», белорусский авторитарный режим легко справлялся с созвучными общему тренду всплесками протестной гражданской активности в рамках президентских электоральных кампаний: так было в 2006 (см. TOPOS №2, 2006 / тема номера: *Выбор и выборы*) и в 2010 (см. TOPOS №2, 2011 / тема номера: *19 декабря*). Введенная Виталием Силицким дефиниция «превентивный авторитаризм» была удачной и точной прежде всего в плане характеристики работы режима с гражданским обществом. В 2016 году по заказу международной некоммерческой организации Pact в Беларуси был проведен национальный социологический опрос «Тест на гражданственность»². Ниже приводятся данные из этого опроса, отражающие ситуацию по одному из основополагающих моментов гражданской субъектности — вере индивида в то, что его/ее действия могут что-то изменить.

Как вы считаете, ваш личный выбор и поведение (действия или бездействие) влияют на что-либо в Беларуси?		
	Согласен с утверждением, %	Не согласен с утверждением, %
Влияют на качество моей личной жизни	27,2	72,8
Влияют на качество моей личной жизни и жизни моей семьи, родных и близких	33	67
Влияют на политику местных органов власти	1,4	98,6
Влияют на решения высших органов власти и государственную политику	1,2	98,8
Нет, не влияют — в Беларуси всё решает государство	64,1	35,9
Затрудняюсь ответить/отказ от ответа	7,8/1,1	

Когда мы знакомимся с результатами данного опроса, важно помнить, что значительная часть опрошенных — госслужащие. Поэтому в приводимых цифрах мы находим объяснение не только тому, что способствовало устойчивости режима «извне» (слабое гражданское общество), но и тому, что обеспечивало

2 Результаты опроса были опубликованы на официальном сайте организации Pact в феврале 2017. См. https://www.pactworld.org/sites/default/files/Belarus_Civic_Literacy_Test_Memo_RU_final_.pdf

воспроизводство режима «изнутри». Работа государственных институций осуществляется за счет послушной конформности воли индивидов авторитарным паттернам, которые, с одной стороны, опираются на дефицит субъектности у служащих, а с другой стороны, сами постоянно осуществляют депривацию субъектности (agency). На вопрос «Кто в Беларуси является единственным источником государственной власти и носителем суверенитета, согласно Конституции Республики Беларусь?» 54,9% опрошенных ответили «президент», и только 33,1% ответили «народ». Устойчивость белорусской авторитарной власти разоблачает определенную утопичность кантовских надежд на различение частного и публичного пользования разумом. Такое различие выглядит слишком механистическим и не учитывает, что человек, ответивший «президент», не станет ничего предпринимать в публичной жизни именно потому, что уверен — и политически обездвижен тем, — что «всё решает государство». Пример постсоветской Беларуси убедительно показал, что для культивирования гражданской субъектности и формирования дееспособного гражданского общества требуется не только просветительская работа, но и широкая группа людей, занятых в негосударственном секторе — то есть не скованных силками государственной авторитарной модели.

С течением времени экономические сложности, с которыми в силу разных причин (перебои с российской финансовой помощью, глобальный экономический кризис, откладывание реформ) сталкивался режим, привели к тому, что концепт социального государства стал всё больше приобретать черты идеологического мифа. В свою очередь, сложившаяся вокруг «вертикали власти» система государственного капитализма сильно ограничивала развитие свободного предпринимательства. Всё это вызывало в обществе фрустрирующий эффект, заставляя переключаться в режим выживания — не только в экономическом смысле, но и морально-психологическом: потому что всякое креативное начинание нужно было отстаивать вопреки сопротивлению государственной бюрократической машины. После 2010 года в обществе росло понимание того, что фундаментальной проблемой белорусских властей является кризис репрезентации.

Критическим является отсутствие систематической функциональной взаимосвязи между государственным аппаратом и гражданским обществом. Авторитарная власть не представляет и не принимает во внимание интересы граждан, общественности. Сложился такой тип авторитарного правления, который строился на неуважении к гражданам — на их политическом бесправию. Фактически продвигался авторитарный вариант биополитики, так как

граждане принимались во внимание преимущественно как единицы рабочей силы и налогоплательщики — то есть в категориях демографии и экономики, а не политики (*res publica*).

Последний период относительной либерализации общественной жизни (2015–2019) позволил «параллельной» — неофициальной — Беларуси осознать собственный кооперативный созидательный потенциал, который приоткрылся через многочисленные низовые (*grassroots*) инициативы самых разных некоммерческих НГО и локальных сообществ по всей стране. Многие из проектов (включая краудфандинговые платформы) предполагали социальное партнерство бизнеса и представителей разнообразных культурных и экспертных областей. Появление в белорусской экономике отдельного «класса» айтишников добавляло ощущение новых возможностей, свободно вплетающих белорусскую интеллектуальную продукцию в глобальную трансграничную коммуникацию. Антиковидная мобилизация гражданского общества весной 2020 стала бесспорным доказательством того, что оно в Беларуси сформировалось и представляет собой автономную дееспособную силу.

Судя по тому, как развивалась далее электоральная кампания 2020 года, граждане совершенно очевидно «забыли» о том, что — с точки зрения власти — вся их общественная жизнедеятельность допустима при условии политической лояльности. Общество выросло из «социального контракта», который, надо отметить, оно, строго говоря, и не заключало. «Социальный контракт», на котором базировалось прежнее относительно мирное сосуществование граждан с режимом (политическая пассивность/лояльность в обмен на базовые социальные блага), не был реальным политическим действием. Это был воображаемый принцип, который далеко не всеми осознавался. При этом сложившийся социальный порядок функционировал и воспроизводился именно благодаря тому, что самые разные социальные акторы в своем поведении сообразовывались с прагматической целесообразностью указанного обмена. Большинство граждан даже никак не рефлексировало на этот счет. Сами того не осознавая, люди просто жили в соответствии с изложенной моделью договора, приспособляясь к специфике авторитарной государственной системы. Владимир Фурс называл эту адаптивную стратегию «самоумалением личности». Предвыборная кампания показала, что большая часть граждан притязает не только на моральную вменяемость, но и на политическое участие — на то, чтобы стать/быть *zoon politikon*. События, которые произошли после выборов, позволяют говорить о формировании и утверждении гражданского общества как нового политического субъекта.

Данный номер посвящен осмыслению специфики, предпосылок и перспектив белорусского гражданского протеста 2020–2021 гг. против авторитарного режима. Редакция журнала выражает искреннюю благодарность всем авторам выпуска за солидарность и внимание к событиям в Беларуси.

Татьяна Щитцова

Редколлегия журнала *Топос* обратилась к ряду иностранных ученых с просьбой ответить на вопросы, касающиеся нового протестного движения в Беларуси. Мы благодарны всем, кто откликнулся на наше приглашение. В данной рубрике мы публикуем полученные реакции. Некоторые из них придерживаются формы интервью, другие представляют собой мини-эссе, затрагивающие отдельные вопросы из предложенного редколлегией списка.

DAVID R. MARPLES

Distinguished University Professor of Russian
and East European History, University of Alberta

The Impact of the 2020 Elections in Belarus

Introduction

The Belarusian election campaign of 2020 was an unprecedented event in the history of the independent state. The regime of Aliaksandr Lukashenka had lost much of its popularity and dissatisfaction had spread from the traditional opposition to workers, and also to the ruling elite. To some extent, the disaffection was a result of the president's longevity. But it was also a result of his inertia in the face of economic decline and a world pandemic.

Previously, election campaigns could be carefully managed and Lukashenka was flexible enough to adopt different roles: as a protector of his people, ensuring reasonable wages and pensions as well as job security; as a guarantor of peace and stability; and as a leader who would continue to promote good relations with Russia, its main partner and the provider of valuable energy supplies, both for domestic use and for re-export to countries of Europe.

Belarus' Problems

In 2020, Belarus faced problems on several fronts. The first issue was its relations with Russia, which had been difficult for some time, as Moscow began to place limits on its largesse, demanding that Belarus

pay world prices for oil and gas, as well as an export tax. Vladimir Putin tried on several occasions to push Belarus to integrate more deeply with Russia. Earlier, he had tried with limited success to coax Lukashenka into taking a more active part in several Russian-led bodies such as the Collective Security Treaty Organization and the Eurasian Economic Community. Latterly, the agency on which he focused was the hitherto dormant Russia-Belarus Union. Its revival allowed Russia more scope to pursue questions such as a common currency, borders, and joint military maneuvers. The question of a Russian air base on Belarusian territory had been broached and avoided by Lukashenka.

On the other hand, the European Union sought better relations with Belarus, perceiving in Lukashenka a leader who was prepared at times to resist the encroachments of Moscow and work more closely with the EU as a partner. In the background to the situation in Belarus was the conflict between Russia and Ukraine that began in 2014 after the Euromaidan uprising resulted in the departure of President Viktor Yanukovich, the Russian invasion of Crimea, and a Russian-fomented war in the Donbas. Lukashenka had in fact offered his services not as an ally of Russia, but as an intermediary in the war. He had been reticent in supporting Russia's annexation of Crimea, seemingly unwilling to jettison the good relations with Ukraine that had been maintained throughout the independence period.

Secondly, Lukashenka opted to ignore the Covid-19 pandemic, treating it almost as a common cold or something that could be cured by visits to the countryside or to a sauna. The anger this attitude elicited is evident. In addition, his response to significant challenges from candidates who were part of the ruling structures – banning them from running and arresting two of them on the flimsiest of pretexts – further added to the general dissatisfaction. The unification of the elite campaigns under Sviatlana Tsikhanouskaya, while enforced by the official measures, served to revitalize the election and offer a clear alternative to Lukashenka. Crowds turned out for her rallies in thousands and tens of thousands, despite restrictions on location and other inconveniences.

A third factor that brought mass protests to the streets in the post-election period was the announcement of official election results that did not correspond with reality, i.e. over 80% to Lukashenka and only 10% to his main challenger. That elicited widespread outrage. Most protesters believed that Tsikhanouskaya had won the election. The poll results obtained by the Golos organization indicated that she had won the city of Minsk (about 22% of the total population of the republic) by a landslide. Though ascertaining the precise results may be impossible it is very clear that the official totals were fabricated.

The protests were sustained by social and digital media. The main coordinating site was NEXTA-Telegram, which proved impossible for the authorities to stop. They were deliberately leaderless and

non-violent, a factor that made them difficult to predict other than the announcement of the protest date and name, but also of significance in their failure to unseat Lukashenka.

Why Lukashenka Survived

The regime managed to preserve itself through the use of mass violence and repressions, the incarceration of thousands of people, and the threat of job losses and other pressures on those who participated. The large-scale student involvement also was halted through the threat of expulsion and for the most part, the regime support of some higher-placed personnel.

Likewise, Lukashenka retained the loyalty of his security forces and most of his Cabinet, refused to negotiate at any level with Tsikhounouskaia and the Coordination Council, all members of which were arrested if they remained in the country. The crackdown has continued without a pause and widened to include even minor transgressions such as wearing red and white clothing. The leaders of the unified opposition election campaign likewise are either imprisoned and serving lengthy sentences or else they are operating outside the country.

International support came belatedly. The most severe sanctions were imposed by the EU, the UK, United States, and Canada only after the hijacking of the Athens-Vilnius RyanAir flight in May 2021 in order to detain passenger Raman Pratsevich, one of the founders of the NEXTA-Telegram site. In other words, the Western powers reacted strongly to an act of international terrorism rather than the constant domestic repressions.

But within the pan-European sphere, it is the actions of Russia that have been most decisive. Lukashenka and the security forces sought the backing of Russia despite the fact that Belarusian-Russian relations had reached an impasse for several years previously on the question of oil and gas prices, a proposed Russian air base on Belarusian territory, and other issues. At the start of the election campaign, Belarusian authorities arrested several members of the Wagner Group who were staying in Minsk before taking a flight to Africa.

In turn, though Vladimir Putin hesitated to get involved in the election campaign, and although at least two of the candidates in the early stages were perceived as pro-Russian and possibly Russia's choices (Valery Tsapkala and Viktor Babaryka), the Russian leader opted to support Lukashenka over the opposition. His commitment contrasted with the position of Belarus' southern neighbor, Ukraine, which offered support to the protesters. Within the context of Europe, Tsikhounouskaia's visits to various EU capitals and interaction with European leaders rendered the struggle one of Russia versus the West. Lukashenka's rhetoric became manifestly anti-Western, while its media outlets were largely subordinated to Russian ones and spouted Russian propaganda.

The Pan-European Perspective

Ironically, while the Western countries had played no role in the election campaign, and the policies of the unified opposition were carefully neutral with regard to both Russia and the West, by November 2020, the forces were divided along the lines familiar in the Cold War period. Lukashenka now maintained that Western interference was behind the mass demonstrations against his leadership. Together with Putin, he “uncovered” an assassination attempt.

At the time of writing, the future of democracy in Belarus looks bleak. However, there are some lessons for the West in terms of democracy building. First of all, protests cannot survive without outside assistance if the authorities resort to violence. Second, if the West is committed to supporting the democratic movement in Belarus, assurances need to be provided that those protesting have some financial support should they lose their employment. There can be no half-measures.

Conversely, though the 2020 election and the hopes it brought are now a fading memory, the impact has been broader than simply a struggle for power. For the first time during the independence period, Belarusians took to the streets en masse to express themselves. Psychologically, a change has occurred within society. Belarus cannot go back to the pre-election period because the people’s mentality has changed. Lukashenka is widely regarded as a usurper outside the country, but also by a large contingent of the public within it.

The Russian Barrier

At the same time, the quest for democracy, as in Ukraine, came up against the barrier of Putin’s Russia. Putin’s support for Lukashenka and his followers is conditional: it requires the gradual assimilation of Belarus into the Russian sphere, both economically and politically. Today, the problem of Belarusian intransigence for Russia is resolved: Lukashenka has become a vassal of Moscow. He has made seven visits to the Russian capital over the past year. Putin, symbolically, never travels to Minsk. He is the provider rather than the supplicant. Even Lukashenka’s language has changed to one of servility and reverence when speaking to Putin.

Only Moscow has benefited from the power struggle in Belarus but even Putin and his Foreign Minister Sergei Lavrov recognize that Lukashenka is a short-term phenomenon. That is why Russia seeks to nurture new political parties and constitutional change in Belarus to ensure that the successor to Lukashenka provides stability and a pro-Russian outlook but also comes with significant popular support.

Western powers in analyzing the Belarusian impasse need to keep in mind that most residents are sympathetic to or supportive of Russia

and its interests. Belarusians are very different in this regard from Ukrainians. Their perspective on politics has been framed largely by Russian and pro-Russian media and social media. Thus, the importance of the latter in swaying the views of Belarusians can hardly be overstated. During the Cold War, RFE/RL, the BBC, the Voice of America, and other outlets provided a clandestine but much-needed alternative voice to Soviet propaganda. In the era of social media, this need is accentuated today.

АЛЕКСАНДР ФИЛИПPOB

Профессор НИУ ВШЭ, Москва

К динамике учредительной власти

События в Беларуси лишь самым общим образом могут быть описаны в терминах, которые стали общепринятыми в политической науке и текущей аналитике. Мне представляется, что они не могут и не должны пониматься как уникальные, выпадающие из всех возможных рядов. Скорее, речь идет о движении — более или менее заметном в разных странах — к автономизации политической власти, то есть о принятии суверенных, независимых ни от внутренних, ни от международных норм решений, которые разрушают механизмы, основанные на старой нормативности. Нет сомнения в том, что понятие авторитаризма все еще предполагает здесь достаточно пригодный язык описаний, и, строго говоря, все происходящее с большей или меньшей степенью надежности можно понимать как одну из стадий в трансформациях авторитарного правления. Однако с точки зрения политической философии, мы, возможно, переживаем сейчас переломный момент, когда выбор иного, причем не более нового, а более старого, языка оказывается столь же продуктивным. Если мы откажемся от попыток (все еще нередких) связать проблематику авторитаризма и концепцию модернизации, мы утратим часть оптимизма, но приобретем более адекватную теоретическую оптику.

В этой перспективе я предлагаю посмотреть на происходящее как на кризис, сопровождающийся манифестацией *учредительной власти*. Он продлится дольше и разрешится иначе, чем обычным образом представляемый исход борьбы народа против тирана или временная остановка на пути модернизации, которой авторитарное правление может способствовать на первоначальных этапах, но потом все равно начнет ее тормозить и будет сметено ею в итоге. В образцовом рассказе о борьбе против тирана народ может, правда, потерпеть временное поражение, однако самим ходом истории обречен на победу. Власть, лишенная опоры, то есть поддержки народа и, следовательно, легитимности, не имеет исторических шансов удержаться. Это старая риторика

революции: если источником власти является народ, то и вернуть ее себе, отняв у тирана, может лишь народ. Говорить от имени народа, не представляя его, может лишь узурпатор и, невзирая на продолжительность его правления, временщик. С точки зрения разума, его правление «поставлено на ничто», является временным триумфом голой силы.

Этот рассказ о народе и узурпаторе существует во множестве вариантов, и, в общем, наименее удовлетворительны из них те, в которых смешаны две разные традиции. В одной из них народ остается одним и тем же единством, цельным, подобным организму (или симбиозу нескольких организмов) существом, которое готово принять властителя, но может и отринуть его. В республиканской политической философии Макиавелли показано трудное положение правителя, вынужденного ради сохранения власти опираться на одну часть народа против другой. Разумеется, правителю не гарантирован успех, а народ, призвав его или изгнав, действует заодно с Фортуной или против нее, побеждает врагов или гибнет. Так понимаемый народ в Новое время надолго исчезает из политической философии, чтобы возродиться, изменившись до неузнаваемости, в романтических версиях философии истории. Совсем другую традицию представляет концепция общественного договора, в русле которой и появляется идея учредительной власти. На ней нам придется остановиться чуть подробнее, потому что именно здесь появляются идеи, приведшие к пониманию принципиальной опасности, разрушимости любого политического строя, каким бы прочным он ни казался.

Европейские мыслители Нового времени столкнулись с тем, что много позже в социологии было названо «проблемой Гоббса». Она состоит в том, что естественным образом разумный человек может понять вечные законы права и справедливости, но следовать им не станет, если не договорится с другими людьми. Как возможно общество? Как возможен политический порядок? Сжатый ответ всем известен: через договор. Общественный договор означает преобразование разрозненного множества людей в народ, который, таким образом, *учреждает* свое политическое состояние. Он обретает коллективную мощь. Но что происходит потом? Гоббс считал, что сам по себе народ не сохранится, он должен передать власть суверену, *авторизовать* его. Это значит, что больше у него этой власти нет и новые действия учредительной власти невозможны и незаконны. Суверену и подданным достаточно того, что они получают защиту, а он — повиновение. Так изобретается формула полицейского государства.

Иначе подошел к этому вопросу младший современник Гоббса Спиноза. Сохраняя идею договора, он попытался совместить понятие о высшей власти как соединенной мощи подданных с идеей добровольного согласия, которое невозможно обеспечить ника-

ким принуждением. Сила государства производится солидарным действием, а это возможно, когда каждый решает не просто подчиниться, но свободно и разумно соучаствовать в поддержании коллективной мощи и верховной власти. Повиновение злым и неразумным властям возможно, но государство не держится одним повиновением, и подданные сохраняют за собой достаточно прав, чтобы при определенных обстоятельствах снова стать учредительной силой.

Менее чем через столетие после Спинозы Жан-Жак Руссо в трактате «Об общественном договоре» представил эту точку зрения еще более радикально. При учреждении государства человек теряет естественную свободу и обретает гражданскую. Но соединенная мощь граждан не может быть подвергнута отчуждению, ее нельзя репрезентировать. Все отделенные от народа властители являются узурпаторами. Народ — это организм, обладающий особым рода способностью — «всеобщей волей». Она занята исключительно важнейшими делами, которые имеют конститутивное значение для существования народного единства. Но это значит, что она, по идее, постоянно активна, она не желает знать ограничений, в том числе и тех, что могут быть наложены ею самой. По сути дела, общественным договором учреждается не стабильное, веками продолжающее существовать по одним и тем же законам государство, но состояние перманентной революции. Сам Руссо был более умеренным, чем его последователи времен Французской революции. Традиционно считается (хотя и оспаривается в последнее время), что выдающийся деятель революции Ж. Сийес, в частности, опираясь на идеи Руссо, придумал концепцию учредительного собрания, которое закладывает основы конституционного строя, не будучи связано ни предшествующими законами, ни необходимостью и впредь заниматься рутинным законодательством. Фактически Сийес начинал с менее радикальных предложений, у него, среди прочего, было предложение считать источником формирования собрания не только народ, но и короля, высшего единоличного правителя. Политико-философское значение его идей огромно, потому что он, в отличие от Руссо, постоянно, так сказать, заглядывает в бездну, в ту изначальную спонтанность, которой порождается действующая власть и которая эту власть может переназначить, снести и переучредить. Мы вспоминаем о Сийесе в преддверии кризиса легальности, который поражает многие современные политики.

Кризис легальности состоит в том, что, опираясь на действующий закон и практику его применения, можно вводить все новые и новые нормы и меры, которые делают политическую систему неуязвимой. Создание закона, интерпретация закона и применения закона находятся, строго по Гоббсу, в одних и тех же руках. Но только у Гоббса предполагалось, что народ опознает себя как

единство в лице суверена, а развитая система легального принуждения обращает все меньше внимания на спонтанность народного правосознания.

Вот это и составляет предмет современной озабоченности. Я попытаюсь вкратце показать это, указав на родство демократии и диктатуры. Разумеется, здесь точкой отсчета выступает концепция диктатуры Карла Шмитта, однако ее надо, так сказать, вывернуть наизнанку. Шмитт глубоко изучил сочинения Руссо и Сийеса, когда писал свой основополагающий труд «Диктатура» (1920). Здесь он провел различие между диктатурой комиссарской и суверенной. И та, и другая являются отрицанием действующего права. Но в первом случае диктатура вводится по поручению суверена, в ограниченных объемах, на ограниченное время, ради восстановления и сохранения того порядка, который в отдельных аспектах нарушает. Суверенная диктатура — это полное отрицание действующего правопорядка, замена его новым, который с правовой точки зрения рождается из ничего. Шмитт был настроен против демократии, в ее конститутивной власти он видел исток комиссарской диктатуры, которая во времена Французской революции переросла в суверенную, то есть бесконечно уничтожала как изначально существующий старый порядок, так и все прочное и надежное, что могло бы возникнуть в результате превращения законодательства в новую рутину. В вину Шмитту — и не всегда несправедливо — ставили то, что он тем самым выступил апологетом диктаторов, которые, подавляя революцию, ставят выше всего свой произвол. Современные левые интерпретаторы Шмитта говорят, что само описание конститутивной власти как низовой стихии здесь важнее консервативной апологии порядка и поиска сил, способных его создать.

Современный кризис легальности легче всего было бы объяснить тем, что силы порядка утрачивают связь с силами демократической спонтанности, которую пока еще умеют подавлять, но которой в перспективе не могут противостоять. Однако ситуация, возможно, немного сложнее. Вспомним об одной из первоначальных идей Сийеса и одновременно о концепции суверенной диктатуры Шмитта. В предложениях Сийеса король выступал одной из сил персонального конституирования порядка. В теории диктатуры Шмитта новое учреждение порядка могло удасться на пути личной репрезентации, то есть возвращения практики аккламации, демонстративного народного одобрения, не нуждающегося в либеральных процедурах для образования политического единства народа и суверена. Но есть еще и третья возможность, которая реализуется на наших глазах. Не только народная спонтанность, но и решения суверенного властителя не обязательно должны быть источником порядка. Единоличное правление — не источник предсказуемости и нормативности, а голый спонтанный

произвол, который — и в этом существе момента — наталкивается на столь же голую и непримиримую спонтанность демократической массы. Не два порядка сталкиваются между собой, не две учредительные силы, которые могут быть в согласии источником будущей рутины, но два принципа обещания будущей легальности и отрицания легальности нынешней.

Если это так, то вопрос может стоять не о том, кто и в какой мере нарушает букву и дух закона. Политическая жизнь возвращается в состояние между традициями республиканизма и омертвевшим гоббсовским порядком. Возвращение легитимной легальности (обратим внимание на то, что это перевернутая формула Макса Вебера, говорившего о легальной легитимности), то есть системы политических норм, принятой и усвоенной как правила по умолчанию, несомненно, произойдет. Но путь предстоит длинный, он ведет через кризис, который еще не достиг стадии полной манифестации, уже созревает, но еще не опознан как таковой.

TORA LANE

Research Leader at the Centre for Baltic and East European Studies,
Södertörn University, Sweden

– *What is your overall take on the objective prerequisites and key incentives for the mass protests against the authoritarian regime that have taken place in Belarus from 2020?*

There were two main demands voiced during the mass protests: fair elections (democracy), and Lukashenka's resignation. I learnt that the most frequent slogan was: "Lukashenka ukhodi" (Lukashenka, go away/ leave (office)). These two are also closely related to a third, as formulated by the opposition as the protests were unfolding and as police and/or military violence was escalating, namely, the need to establish the rule of law. There were other incentives, as for instance a desire for EU-integration linked to anti-Russian sentiments, and discontent with decreasing social welfare, but the by far most important incentive is discontent with abuse of power on the part of the state and Lukashenka.

When it comes to the prerequisites, there are two sides of the coin. Firstly, the ability of the opposition to join behind the face and person of Sviatlana Tsikhanouskaya, and secondly – the phrase I mostly hear: *on dostal*, which can be understood as people having had enough, or/ and as Lukashenka having gone too far. Whatever he represents cannot be had or tolerated any more. Where and why that line was crossed is very interesting, and one could also reverse it by asking – why was it crossed only now?

What struck me as particularly interesting in this situation is the lack of party politics or ideological distinctions on all sides, at least as we know them in many Western European countries, for instance, in Sweden, my country of birth. Lukashenka himself, being simply the "last dictator of Europe", does not represent a clear political or ideological programme, and the opposition do not seem to have other political demands than fair elections. The very word "opposition" is typical of this non-ideological distinction between people in power (a regime if you wish) and those who manifest their discontent. The "opposition" is based primarily on being opposed. That this is

the case of Belarus is in fact not very surprising. In fact, it seems difficult to apply ideological distinctions across a left-right divide in many countries in the former Soviet Union and in other countries in Eastern Europe. In Ukraine, what united the opposition was rather nationalist and anti-Russian issues, than visions for the future basing on distinctions between conservative, liberal and socialist ideas. In other words, the lack of ideological distinctions seems to be a feature of politics in the post-Communist space. This is not to say that there are no political distinctions to be made, but that ideological distinctions have not been made prominent in public debates nor in political programmes that could distinguish between the State and the protest movements. One can therefore wonder, is this because the opposition is not united or cannot rally support around a political programme, and if so why? Is it related to the fact that Lukashenka himself is an autocratic ruler with a clear political ideology? Or is this a question of strategy? It is unlikely that the Belarusian people would become pro-liberal in the sense of favouring market reforms and privatization on a large scale, since this has been so devastating for neighbouring countries in the post-Soviet sphere. Further, if this is so, how do then the protest movements translate into political parties, what and how could a democracy form itself after possible fair elections – what would be the possible political distinctions, and what are the visions for the future of Belarus? More so, can a democracy emerge without ideological oppositions (i.e. parties)? This seems to have presented a problem in other former Soviet countries, what would happen in Belarus?

– What was the most surprising and striking for you in the Belarusian events throughout the last year?

The most surprising was that people joined on the larger scale through solidarity, and that it spread to the people on the countryside. I guess that there are several reasons why the people have not joined protest movements before. Lukashenka stood for stability against the experience of 1991, and the consequent destruction of social welfare in many countries. Considering Belarus' precarious geographical location as a buffer state between the East and West, he also for a long time seemed to manouver well between Europe and Russia. Adding to this the lack of a clear political alternative (and this concerns the post-Soviet space in general), and previous stolen revolutions, the president could stay in spite of growing discontent. So what happened now? Why this time? Either people were so tired of the present regime that they were ready to join the protests be what may, or they felt that there was a political alternative. Perhaps a bit of both? This being said, before the protests actually were a fact and showed that it could rally such great support, I was not aware that they were in the making.

– *How do you see the prospects for the Belarusian protest movement against the unprecedented scale of repression by the authorities on the one hand, and the lasting international support for the Belarusian democratic forces on the other hand?*

Currently there seems to be a kind of stalemate between Belarus (with Russia) on the one hand, and the opposition and EU on the other, with the migrants become captives as bricks in a conflict zone. Although Tsikhanouskaya has called for a second wave of protests, it appears that the terrible repression seems to have killed the protests for now. I am not enough familiar with the situation in the country to understand how people could again gain confidence enough to take to the streets and dare the police, but it seems unlikely. More so, most opposition leaders are either abroad or imprisoned. As concerns international support, there is no reason to doubt that the EU will continue to take sides with the protest movements and support it in different ways, but can they do more than use economic and diplomatic pressure? Also, it is likely that the question how pro-active the EU will be can also be dependent on a variety of factors as economy, security etc.

– *How do you place the Belarusian authoritarian regime and the internal democratic struggle against it in the pan-European social-political context?*

I find it very difficult to answer this question, precisely because of the previous point – namely the question how to translate not only Belarusian politics, but also politics in the post-Soviet sphere generally to a Western European socio-political context. I understand Lukashenka as a corrupt pragmatist with Fascist tendencies, who is less successful in the reforms than in the preservation of institutions (many in need of reform). In the lack of a clear political alternative with visions for change – how can this be different? Therefore, when it comes to the protest movements, there is a kind of negative translation. They are protests, they are in opposition, but where are the visions? Ivan Krastev described it in his book *After Europe* from 2017 about the condition of politics in Europe today, as following: “The protesting citizen wants change, but resents any form of political representation. Basing his theory of social change on ad copy from Silicon Valley, he values disruption and scoffs at political blueprints. He longs for political community, but refuses to be led by others. He will not risk clashing with the police but is afraid of trusting any party or politician.” The point of distinction between Belarus and Europe is then rather the presence or absence of democratic institutions.

– *What argument does the Belarusian case provide for the future of democracy vs the future of autocracy? What evidence does it give on the political use of (digital) media?*

It is interesting that Lukashenka defines himself as “the last dictator”. If we take him on his words, he does not really see a future for his form of governing. He only wants to stay as long as possible, presumably until he dies. This also seems to belong to a sickness of our times – exploit as long and as much as you can, without perspectives for the future. In Lukashenka’s statement, the lack of future is put in very crude terms, but the sense of living as the last, at the end, before imminent catastrophes and without visions for the future also prevails in European politics and culture. Can there be any visions in the face of climate change? Could environmental issue rally more support in Belarus?

When it comes to the political use of digital media, I am not convinced about its positive effects. It seems to imbue people with a sense that change is possible no matter what and no matter how. Still, although digital media in Belarus has been important in the mobilization of pro-democratic protest movements, in other places, it has proven a fertile soil for radical anti-democratic movements. Today, there is much critique of the way that social media atomizes and polarizes public opinion.

– *The crisis of democracy is ubiquitous these days, even if with various underpinnings in different (e.g. Western and East European) settings. From your perspective, is there anything Belarusians should learn from Westerners and vice versa for the sake of a viable democratic society?*

The anatomy of the Belarusian protest movement is certainly interesting, but what it can teach us about the crisis of democracy? Is it not also a part of this crisis? This is not to say that there not many things to learn from each other, and especially from the different experiences of politics, democracy and authoritarianism that countries in the West and the East have gone through, also in order to distinguish between these experiences. What became clear after 1989/1991 is that democracy will not just come about if you set people free to vote, and if some would argue that you need the right institutions, to my view, it must be added that you need a politics that can bring about such institutions. This being said, the Belarusian protest movement reminds us of the possibility and necessity to protest and resist current political orders and abuse of power, and perhaps we really need to do so no matter what, especially when power today despite of all talk of transparency is so good at hiding how it works. Protest ultimately also uncovers the anatomy of power of national and supra-national institutions and means of governing.

ВЛАДИМИР ГЕЛЬМАН

Профессор Европейского университета
в Санкт-Петербурге и Университета Хельсинки

– Каковы, на ваш взгляд, объективные предпосылки и ключевые стимулы массовых протестов против авторитарного режима, которые происходили в Беларуси в 2020 году?

Объективные предпосылки для протестов в Беларуси вызревали длительное время: развитая, урбанизированная и образованная страна продолжительное время находится под властью персоналистского авторитарного режима, чья повестка дня и политический курс откровенно идут вразрез с предпочтениями многих граждан. Безусловно, президентские выборы 2020 года на фоне предшествовавшей им откровенно наплевательской реакции властей на пандемию стали важнейшим триггером протестов. Однако стоит отдавать себе отчет в том, что, если бы режим Лукашенко оказался чуть более осмотрительным и не допустил Тихановскую до участия в этих выборах, протесты могли бы так и не проявить себя и предшествующий статус-кво мог сохраняться долгие годы, если не десятилетия.

– Что было для вас самым неожиданным и ярким в белорусских событиях за последний год?

Граждане Беларуси проявили чудеса гражданского активизма и массовой мобилизации в ситуации, когда условия для протестов изначально были крайне неблагоприятны. Я ожидал, что масштаб этих протестов окажется значительно ниже. Что касается властей, то они первоначально были напуганы, но позднее справились с этим шоком и ожидаемо перешли в контрнаступление, используя все имеющиеся у них ресурсы для подавления протестов.

– Каковы, на ваш взгляд, перспективы белорусского протестного движения, учитывая, с одной стороны, беспрецедентный

масштаб репрессий внутри страны, с другой — устойчивую международную поддержку белорусских демократических сил?

Если мы посмотрим на историю борьбы за демократизацию в самых разных странах мира, то увидим, что массовым общественным движениям довольно редко удается одолеть с первой попытки консолидированные авторитарные режимы — тем более в отсутствие сильных и влиятельных организаций, подобных профсоюзам или религиозным объединениям. Как правило, эта борьба включает в себя несколько раундов. Здесь можно провести параллели с Польшей (от протестов 1980–1981 годов до «круглого стола» 1989 года) или Южной Кореей (от студенческих восстаний 1980-х годов до опережающей протесты демократизации 1987 года). А в более длительной исторической ретроспективе стоит вспомнить, например, Францию, где от Великой французской революции до становления Третьей республики прошло свыше восьми десятилетий.

— Какое место, на ваш взгляд, занимает белорусский авторитарный режим и внутренняя демократическая борьба с ним в общеевропейском социально-политическом контексте?

В известной мере случай Беларуси на восточноевропейском фоне выглядит как отложенный на долгие десятилетия всплеск борьбы за демократизацию, отчасти напоминающий Венгрию 1956 года или Польшу 1980–1981 годов. Конечно, любые параллели условны: в Восточной Европе тогдашние авторитарные режимы были навязаны Советским Союзом, а в сегодняшней Беларуси картина иная, и источники нынешнего авторитаризма в основном внутривнутриполитические. Но есть и общие характеристики: поддержка авторитарного режима со стороны Советского Союза в 1950–1980-е годы и со стороны России сегодня служит важным источником сопротивления переменам.

— Какой аргумент в пользу будущего демократии может быть предоставлен белорусским кейсом? О чем свидетельствует белорусский опыт в плане политического использования (цифровых) СМИ?

Главные уроки событий 2020 года в Беларуси для изучения демократии и автократии состоят в том, что демократический потенциал массового участия не стоит недооценивать, но не стоит и переоценивать. Граждане развитой, урбанизированной и образованной страны способны выступить за смену авторитарного режима, даже когда он глубоко укоренен и консолидирован.

Однако массовые протестные выступления — условие необходимое, но недостаточное для смены авторитарного режима, особенно когда за ними не стоит организационной структуры, способной конвертировать протестные настроения в реальные действия, в том числе (хотя далеко не всегда) сопряженные с насильственным сопротивлением режиму в различных формах. Хорошо ли, плохо ли, но мирная и бескровная демократизация — это скорее исключение, нежели правило. В свою очередь, авторитарные режимы успешно учатся друг у друга, и, в частности, то «закручивание гаек», которое наблюдается в России в 2020–2021 годах, во многом стало реакцией на события в Беларуси.

GINTAUTAS MAŽEIKIS

Professor, The Head of The Center of Social and Political Critique,
Vytautas Magnus University, Kaunas

– What is your overall take on the objective prerequisites and key incentives for the mass protests against the authoritarian regime that have taken place in Belarus from 2020?

I think it is necessary to distinguish between an occasion and reason. The occasion was the elections, the triggers were activists such as Mikola Statkevich, Pavel Seviarynets and Siarhei Tsikhanousky. The successful and active participation of Viktor Babaryka, the former head of Gazprombank in Belarus, showed that many citizens expected a more moderate opposition, a more peaceful resistance to the Lukashenka regime. Therefore, I think the main reason is the emergence of a broad but moderate movement of citizens demanding greater transparency of elections and respect for constitutional rights. The emergence of a moderate civil movement is also characterized by the class character of the revolution, the basis of which was a politically weak, but already conscious middle class, for whom the existing dictatorship and the vertical of power became unacceptable.

– What was the most surprising and striking for you in the Belarusian events throughout the last year?

The most significant were “the female face of the revolution” (following the title of the book of Olga Shparaga), the rapid organization of the joint staff of three unregistered candidates and the smart and energetic behavior of the new leaders: Sviatlana Tsikhanouskaya, Maria Kalesnikava and Veranika Tsapkala. The growth of the political and diplomatic competence of Svetlana Tikhanouskaya, who turned from a housewife into an experienced political professional and a real leader of the moderate opposition, was very impressive. The case of the “female face of the revolution” shows the possibilities of finding and attracting women to the political and revolutionary leadership and the unreadiness of the ruling regime to democratic political innovations.

– *How do you see the prospects for the Belarusian protest movement against the unprecedented scale of repression by the authorities on the one hand, and the lasting international support for the Belarusian democratic forces on the other hand?*

First of all, I think it is necessary to create civic trust groups, not to allow the regime to destroy civic consciousness. One of the forms of preserving solidarity can be the extensive assistance to the families of political prisoners and the constant continuation of the work and thoughts of political prisoners through international seminars and discussions. In addition, I agree with the opinion of the now arrested philosopher Uladzimir Matskevich that it is necessary to separate the mobilization and demobilization periods of the revolution. Demobilization involves broad-based diplomatic work abroad, which is what Sviatlana Tsikhanouskaya does; it is as well consideration of mistakes, analyzing the national, class and gender nature of revolutions, preparing new models, methods and plans for taking power and thinking through internal and external steps to change the state regime.

– *How do you place the Belarusian authoritarian regime and the internal democratic struggle against it in the pan-European social-political context?*

Modern Kremlin Russia supports the policy of incomplete peace, the growth of political and military tensions, the manipulation of demarcation and red lines, the manipulation of peace enforcement, the support of convenient authoritarian regimes. The authoritarian regime of Lukashenka gradually became a Kremlin puppet. The European Union does not find the necessary and effective tools to influence the Putin-Lukashenka conglomerate and is divided by itself in accordance with economic interests. The Belarusian opposition plays a significant role in the European democratic rhetoric, but does not have the necessary proposals and arguments for the selfish and selfish capital of the EU. The problem is that the Belarusian opposition is only playing rhetorical games, but not in military power and not in economic movements. Tsikhanouskaya's coordination headquarters does not have the necessary skills and tools of power and economic influence and is waiting for a new uprising of the people. These are important but insufficient political decisions. In addition, I find a rather low level of self-criticism in opposition circles, which is not a good sign.

– *What argument does the Belarusian case provide for the future of democracy vs the future of autocracy? What evidence does it give on the political use of (digital) media?*

The Belarusian case shows the great risk of having a strong presidential power in post-totalitarian societies. This is also an example for Ukraine with a fairly strong presidential power. On the contrary, the example of the Baltic republics shows that it is best to develop multi party parliamentary republics. An analysis of the Asian former Soviet republics shows that strong presidential power leads to authoritarianism and dictatorship. The Belarusian opposition may promise to change the constitution and turn Belarus into a fully parliamentary republic. Digital platforms and people's skills open up opportunities for broad involvement of people in the political life of the state. And in the future it will become even more important when hundreds of thousands of Belarusians want to participate in the public life of Belarus from abroad.

– The crisis of democracy is ubiquitous these days, even if with various underpinnings in different (e.g. Western and East European) settings. From your perspective, is there anything Belarusians should learn from Westerners and vice versa for the sake of a viable democratic society?

I do not support the idea of a crisis of democracy in the modern West, but in some countries of Eastern Europe, yes, there is such a thing. It is determined by a deep distrust of state power. The indices of trust in the authorities bring together countries such as Russia, Ukraine, Bulgaria and Romania, regardless of their relationship to each other. In another sense, the crisis of democracy has always existed, because democracy means competition of groups of people, influence politics and tough debates, and it is difficult for people to believe their own representatives. The other problem lies in the criticism of cooperation between large corporate capital and the political interests of the states. The case of Nord Stream 2 is the best example: the discussion of democratic values and corporate interests can contradict each other, and the problem of democratic forces is that economic and military arguments do not coincide. For example, the programs of social democratic parties are very weak in the case of modern military policy and military conflicts, and democratic populism does not reflect the reasonable interests of large corporations. Rational and well-founded arguments are needed there.

HELEN PETROVSKY

Philosopher, Russian Academy of Science, Moscow

– *What is your overall take on the objective prerequisites and key incentives for the mass protests against the authoritarian regime that have taken place in Belarus since 2020?*

It is always important to rely on hard facts, but I think that what was abused and therefore had to be restored was a sense of justice. The Belarusian elections left no doubt as to who was the actual winner: Lukashenka had been clearly defeated. But even prior to this outcome there was already a surge of solidarity, namely, people announcing their political preferences with the help of visible signs (to show how many of them were against Lukashenka) while they were standing in line ready to vote at their precincts. However, it is impossible to predict what will tip the scales, in other words, what will result in unified mass action. It may be worthwhile to recollect Fredric Jameson's remarks on the suddenness of a spark that flies between base and superstructure, bringing about actual change. No one knows when this moment will arrive. Jameson's comments have to do with the notion of messianic time in Walter Benjamin, something that completely escapes human prediction. For Jameson it is a way of expressing hope in conditions of utter hopelessness (indeed, such were Benjamin's own circumstances in the 1930s when revolution was inconceivable in any meaningful sense). Even if one does not sympathize with the concept of the messianic (which is too heavily imbued with religious connotations), one has to admit that transformation — in our case collective action — cannot be predicted in any conventional way. The event, continues Jameson, siding here with Derrida, “demands a different preparation and approach”.

However, a public upheaval did occur in Belarus and it undoubtedly was the result of a combination of heterogeneous factors. The worsening economic condition, a new generation of free-minded citizens willing to become part of a different world order (as opposed to the remnants of a former empire with Russia as the dominating imperial center), a sense of violated human dignity, which brings us back to justice with the only qualification that this kind of justice is directly

expressed through action itself — such are some of the important factors. Of course, the exact timing of the event remains basically unpredictable. Again, it is the mentioned spark that sets all the factors in motion, that triggers off manifestations of public discontent. Was it the rigged election itself that served as such a spark? Or the prospect of enduring an unwanted and discredited person for another presidential term? I will not speculate on this issue. But what is absolutely obvious is that the majority of Belarusians refused to put up with the existing state of affairs. The only way in which this sentiment is truly expressed, especially in the absence of a democratic infrastructure, is collective action, and so Belarusians took to the streets. I admire their determination and courage, as well as the forms of solidarity that were invented in the following months when protestors were faced with appalling acts of police violence amid a general crackdown.

– *What was most surprising and striking for you in the Belarusian events throughout last year?*

Everything depends on the perspective. If one follows the development of a protest movement in a foreign country with a similar political regime, one experiences a very special kind of feeling. I would call it enthusiasm, and although the idea itself goes back to Kant and has to do with national audiences watching the grand spectacle of the French Revolution, there is something about this description (and likewise concept) that is relevant today. Obviously, the mentioned audiences themselves were not part of the historical “upheaval”, yet they were very sympathetic towards it. For Kant, the phenomenon of the French Revolution proved that humanity was advancing on the path of progress, while enthusiasm, a modality of the feeling of the sublime, was an “as-if presentation” of Ideas (more specifically those of progress and civil society) that could not be presented directly. What is interesting, however, is that Kant’s famous interpreter Jean-François Lyotard focuses on enthusiasm as deriving from *sensus communis* and therefore as something potentially universal (it is a rule that awaits its universality, which has to do with the faculty of judgment, according to Kant). I will repeat that enthusiasm is a feeling shared by the observers placed on various national arenas. It turns out that in the contemporary world we are often reduced to the same position. Only if in Kant’s case republicanism was the ideal, with us it seems to be the very triumph of democracy.

We Russians were truly enthused and followed the Belarusian events with a heightened sense of solidarity. The most striking thing, perhaps, was the sudden collective upheaval, especially after so many years of what appeared to be a political standstill. The intensity and the duration of the protest, its various creative forms more

reminiscent of public festivities than protest actions in the proper sense of the word – all of this was indeed fascinating. And since the protest became visible via still or moving images, it was breathtaking to see tens of thousands assembling in the Minsk city squares every weekend. This is what you never see exactly with your own eyes while being on the ground, among the protestors themselves, i.e., a bird's-eye view or a drone captured scene, the visualization allowing one to grasp the power of numbers. And such power, in its turn, points to what remains invisible, namely, to the dynamic of the struggle itself, which is articulated in the concept of the multitude. So, one might suggest that today the notion of enthusiasm may be somewhat readjusted or reformulated. The multitude, being expressly a social dynamic, is not restricted by national borders. Rather, it manifests the undulations of social matter that affect national “audiences”, however differently, at the same time. The movement of such matter contains both impact and plasticity, and its macrorhythms are due to transform all possible forces involved.

The speed of social transformation may therefore be predictably slow and uneven. Also, what brings about enthusiasm is far from being a simple psychological reaction. What is implied is the non-subjective dimension of protest, although psychologically we (sympathetic neighbors) cannot but respond.

– What argument does the Belarusian case provide for the future of democracy vs the future of autocracy? The crisis of democracy is ubiquitous these days, even if with various underpinnings in different (e.g., Western and East European) settings. From your perspective, is there anything Belarusians should learn from Westerners and vice versa for the sake of a viable democratic society?

I would like to unite these two questions by addressing the problem of democracy in the most general terms. It seems that there is no alternative to democracy as a form of government, by which I understand not so much a set of institutions as the rule of the people. We live in mass societies and democracy reflects this situation. However, institutionally it always betrays the expectations of the masses. This is perhaps what contemporary scholars had in mind when they spoke of democracy in terms of a promise, as something that remains essentially deferred. To this I must add that protest movements, such as the one in Belarus, plainly show the discrepancy between mass action that develops according to its own logic and the functioning of institutions, albeit democratic ones. Institutions are always normalizing and restrictive, they tend to homogenize complex and multifaceted phenomena, for such is their predestination, so to speak. And the movements themselves are pretty much like waves that come and go, but, most importantly, produce long-time disturbances. Personal political engagement

is indeed a powerful affect, however in terms of desired social transformation its time span may be exasperatingly short. Protestors would surely like to see visible changes right away or at least in their lifetime, but immediately institutions step in (or even worse, lawlessness pure and simple), and all there is left is the feeling of a lost cause or even betrayal.

As for the Belarusian situation, it is changing right before our eyes. Quite recently we have seen the video of a man defending his home with a rifle in his hands and shooting one of the heavily armed policemen who forced his door open. This, of course, is a symbolic act despite its actual circumstances. It serves as a counterpart to the well-known image of Lukashenka armed with a Kalashnikov machine-gun and equipped with a bullet-proof vest. It should be remembered that the photo was taken in August 2020 in response to a mass rally attended by some 100.000 demonstrators and was thus designed to be an act of defiance and intimidation. However, all this time the protests were exclusively peaceful, while police violence only kept intensifying. Although the comparison might seem a bit far-fetched, Belarus reminds one of necropolitics, a situation when human life is both absolutely unprotected and hence unaccounted for. Moreover, according to Achille Mbembe, the author of this concept, necropolitics is a right (exploited by dictators) to expose other people to death. Of course, Belarus is still far from being one of those African countries where such mode of governance prevails. Yet, it is becoming a kind of dark territory in the heart of a democratic Europe that seems to be mesmerized by the spectacle of this very transformation. Now, the counterimage to state violence (as exemplified in Lukashenka's machine-gun), namely, a citizen armed with his rifle, can be read in terms of resistance. Which is to say that human life is no longer dispensable, a mere object of manipulation and abuse. What comes to the fore, then, is struggle, but this time on completely different terms. I don't know if this is the only way to fight dictatorial regimes. But I do know that their power, however cynical and brutal, is in no way meant to last.

MARTA JAROSZEWICZ

Political scientist, assistant professor, University of Warsaw

– *What is your overall take on the objective prerequisites and key incentives for the mass protests against the authoritarian regime that have taken place in Belarus from 2020?*

Key incentives were similar to those observed in the mass protests of 2010 or 2006, namely: deep dissatisfaction with the authoritarian regime, hope for a political change, desire for freedom and economic reforms. Yet in my opinion the people's motives that accompanied the protests in 2020 were rooted much deeper than during the previous demonstrations. They exemplified the existential social desire to live human dignified life. This desire has apparently become a collective national emotion and thus led to the appearance of different forms of social solidarity, that was a novelty for an atomized Belarusian society. Korosteleva & Petrova (2021) call this solidarity phenomenon a rising of Belarusian peoplehood which initiated a bottom-up process of democratic change in Belarus. Even if due to the unprecedented level of repressions observed after August 2020, social solidarity cannot be freely developed in Belarus, we can notice unprecedented level of social and political mobilization among Belarusians diaspora in Poland and Lithuania.

– *What was the most surprising and striking for you in the Belarusian events throughout the last year?*

I would say the scale of the demonstrations that in fact covered whole country, even if not for long, and what was mentioned earlier the level of determination/deepness of the protests moods that was observed among so many Belarusians there weren't politically engaged before.

– *How do you see the prospects for the Belarusian protest movement against the unprecedented scale of repression by the authorities on the one hand, and the lasting international support for the Belarusian democratic forces on the other hand?*

The recent court judgments in the so-called Tikhanousky case where Mr Siarhei Tsikhanousky was sentenced to 18 years in prison following the July 14-year verdict against Viktor Babryko, another candidate in 2020 presidential elections and many other opposition politicians including 'iron' Mikola Statkevich who was also sentenced to 14 years of imprisonment) are absolutely unprecedented. Polish experts as a whole agree that during martial law times, in the gloomy 80s, the representatives of Polish Solidarity had never been punished with such high sentences. This is really bad as this brings little hope that Lukashenka will come back on the path of 'popular authoritarianism' or 'sultanism' where he would build his popularity also on his autocratic 'charisma' and social popularity, not only on repressions. Therefore it is very difficult, mainly from the moral point of view, for the opposition to start negotiations with the regime. I can observe now vivid discussions whether such a possibility could be taken into account, as some Belarusian intellectuals have suggested so. I have no easy answer to that, and I also believe it is up to the Belarusians to forge an agreement. Yet what literature on democratic transformation clearly shows is that it is much more difficult to peacefully change the authoritarian regimes built mainly on coercion and repressions. Thus different forms of round table are the most efficient ways to lead to the transformation, even if this form of transition brings many adverse effects for the future political regime. At the same time, I think that no matter which tactics Belarusian civil society will choose, they may rely on the international support mainly thanks to their credibility, enthusiasm, political creativity, but of course political opposition should not rest on their laurels. An important factor for the political opposition to strengthen its capacities (not such much on the international scene, but rather internally) would be to actively engage the representatives of trade unions, employers' organization etc.

– *How do you place the Belarusian authoritarian regime and the internal democratic struggle against it in the pan-European social-political context?*

Well, some experts are suggesting that 2020 events in Belarus sort of close the wave of democratic transitions that occurred in Central Europe in early 90s. I hope this is the case, however Belarusians should more closely look at the recent history of Ukraine which in my opinion is a more relevant case of constant struggle of the civil society for democratic principles and institutions. As a whole, also the example of Central Europe indicates in my opinion, that there is no point of no return in democracies and much more important than formal institutions are social resilience and bottom-up activism.

АЛЕКСЕЙ ПЕНЗИН

Философ, Российская академия наук, Москва

Постсоветская политика между реальным авторитаризмом и обещанием формальной демократии

Свое короткое высказывание я хотел бы начать со слов безусловной поддержки, адресованных множеству людей, которые были репрессированы режимом Лукашенко, и с констатации своего восхищения их отвагой, упорством, борьбой и желанием перемен. С августа 2020 года мы следили за событиями в Беларуси и очень им сопереживали. Этой вовлеченности также способствовали напрашивающиеся аналогии с тем, что может произойти и в России (и уже происходило, начиная с первой серии массовых протестов 2011–2012 годов). При всем трагизме ситуации очень радовало появление новых активистских голосов, в том числе женских и феминистских, в этих событиях.

Вряд ли я смогу сказать что-то оригинальное с точки зрения конкретного анализа политической ситуации в Беларуси во всей ее динамике и сложности. Скорее, я хотел бы предложить несколько рассуждений вокруг понятия, придающего смысловую артикуляцию происходящим событиям. Я имею в виду понятие демократии, которое становится основной ставкой в борьбе с угнетением и бесправием, до боли знакомым жителям не только Беларуси, но и значительной части постсоветского пространства. Откликнувшись на предложение редакторов журнала «Топос» порассуждать о белорусских событиях как представитель «левого» сообщества, я должен признаться в том, что разделяю присущую марксистской традиции подозрительность в отношении понятия демократии — особенно той его версии, которая принята в рамках либерального консенсуса.

Эта подозрительность не означает безответственных утверждений, что демократия «не лучше» авторитарной узурпации власти, а также того ужасающего положения бесправия и повседневного насилия, которое возникает в этом случае. Речь об этом не идет. Более того, я прекрасно понимаю, что напоминание об этой

подозрительности может показаться неуместным или, по меньшей мере, слишком отстраненным — в ситуации, когда сотни людей прямо сейчас страдают из-за полицейского насилия и унижений, которым они подверглись из-за своего участия в продемократической политике.

В данном случае я говорю скорее как теоретик о критической подозрительности в отношении понятий и основывающихся на них режимах легитимации социального порядка. Помимо соображений интеллектуальной честности, я не думаю, что критика понятия демократии может подорвать энтузиазм борьбы против авторитарной власти. Напротив, она может побудить задуматься — в более стратегическом плане — о том, что нас ждет после возможного ухода авторитарных режимов — или, по крайней мере, их части — из постсоветского пространства.

Левая подозрительность в отношении демократии исторически и интеллектуально возникла не на пустом месте. Начиная со своих ранних работ («К еврейскому вопросу», «К критике гегелевской философии права»), Маркс оспаривает основания либерализма и представительской демократии, которые вводят формально-правовое равенство граждан, однако не учитывают или замалчивают, как он говорит, «фактические различия» индивидов и классов. Маркс имеет в виду существующее, актуальное, субстанциональное *неравенство* — в смысле отсутствия доступа к материальным условиям достойной жизни и возможностей для индивидуального развития. Степень этого неравенства выражает степень власти господствующего класса, которая носит анонимный, неформальный, косвенный характер повседневной экономической и социальной артикуляции отдельных неравенств, охватывающих все аспекты жизни людей. (Здесь Маркс уже, возможно, предвосхитил развернутую в 1970-х годах фукианскую критику, которая также устанавливает фактические отношения власти, замаскированные ее формально-правовыми формами.) В «Государстве и революции» Ленин расширяет это критическое понимание «формальной» демократии: это всего лишь форма правления, *технология власти* внутри капиталистического общества, а не независимая от нее «автономная» область моральных и политических идеалов. Коммунизм, о котором Ленин осмеливается рассуждать, одиноко скрываясь в своем знаменитом шалаше, есть утверждение реального, фактического равенства и отмирание любых форм власти, выражавших неравенство, — то есть государства и технологий господства, включая и демократические.

В отличие от былой связности этих основополагающих высказываний, сделанных в другую эпоху, современная левая мысль расколота именно вокруг вопроса о демократии. Она либо продолжает высказывать свою подозрительность в отношении понятия демократии, либо пытается коренным образом его

переосмыслить. Так, Жак Рансьер предлагает преодолеть левую «ненависть» к демократии и переосмыслить ее как «диссенсус», протестное несогласие. Сходным образом Шанталь Муфф говорит об «агонистической» демократии, подтачивающей любой гегемонистский порядок, возникающий в неизбежно произвольных, исторически-контингентных условиях. В отличие от Маркса и Ленина, подобные позиции рассматривают сферы труда и повседневного угнетения как внеполитические, а политику представляют как особую автономную сферу, которая не зависима от «фактических различий» классов и разделения труда. Пожалуй, лишь единственный из всех значительных участников этих дебатов, Антонио Негри, понимает демократию как «учредительную власть», массово генерируемую снизу в моменты революционных и протестных процессов и неразрывно связанную с современной формой класса («множеством»), а тем самым — с производством и трудом. Однако и такое материалистическое понимание демократии сталкивается с проблемой ее чрезвычайной редкости и нестабильности, поскольку коллективный пыл и энтузиазм борьбы снизу невозможно поддерживать все время, в отличие от рутины каждодневного труда.

Я разделяю классическую марксистскую подозрительность к понятию демократии и поэтому могу оценить сарказм философа Алена Бадью, который называет этот режим легитимации «капитало-парламентаризмом», перелагая мысль Маркса и Ленина в более злободневный и современный регистр. Население некоторых бывших советских республик смогло в полной мере вкусить этот парламентаризм, под хаотический аккомпанемент которого разворачивалось brutальное и полное насилия первоначальное накопление времен «шоковой терапии» 1990-х, надолго отбившее вкус к демократии. В противовес либеральной интерпретации, связывающей последовавшее воцарение постсоветских автократий с техническими неудачами внедрения демократии и рыночной экономики, в процессах блуждающего «перехода» стоит видеть скорее не исключение из правил, а случай саморазоблачения самого режима легитимации, основанного на понятии демократии. При этом неолиберальная рыночная модель вполне прижилась в России и других странах бывшего СССР, но именно ценой своего «развода» с демократией.

В заключение позволю себе несколько личных замечаний, которые, как я надеюсь, проиллюстрируют мои рассуждения. В значительной части оппозиционной среды в России, включая и часть левых, есть убежденность в том, что с уходом авторитаризма демократия и честные выборы станут реальностью, а ситуация тем или иным образом откроет возможности для тех, кто был исключен из участия в политике в рамках авторитарного режима. Эта убежденность есть своего рода преимущество — оптимистическая

энергия, которой, например, нет у многих активистов из демократических стран.

Возьмем, к примеру, оппозиционную политику в Великобритании, которую я достаточно знаю, прожив и проработав здесь некоторое количество лет. В Великобритании демократия: на выборах власти не манипулируют статистикой в ходе подсчета голосов и объявления «победителей». Поэтому надежд, связанных с «еще более честной демократией», нет, так как она уже и так — как сказал бы саркастически Ленин, «формально» — честная. При этом партия консерваторов-тори, чем-то напоминающая партию «Единая Россия», в Великобритании у власти уже больше 10 лет, и она очевидным образом разрушает страну и благосостояние ее населения: достаточно вспомнить популистский Брэкзит, урезание публичных фондов, циничную коммерциализацию образования и культуры, огромное количество бездомных в городах, хаотическую популистскую политику в отношении пандемии. Наверное, в будущем в Великобритании можно было бы улучшить пропорциональность и репрезентативность демократии. Исторически так сложилось, что почти из каждой глухой деревни здесь выбирают одного депутата, как правило, сельского правого консерватора, а прогрессивные депутаты популярны в больших городах, где на одного депутата нужно завоевать гораздо большее количество голосов, и поэтому победить тут намного сложнее. Но это уже вопрос, что важнее: территория или население, деревня или город, — и это уже вопрос биополитики, то есть другой набор проблем (в более глобальном плане, таких как уничтожение живых видов и изменение климата, которые вряд ли можно вообще решить в рамках такой модальности капитализма).

Возвращаясь к Беларуси, отметим, что, с точки зрения Рансьера или Муффа, мы уже видим демократическое несогласие, агонизм и — почему бы и нет? — шанс на радикальную политику, ставящую вопрос о субстанциональном, а не формальном равенстве. Но мы не должны забывать, что с точки зрения «метаполитики» (марксистской или фукианской) демократия — это скорее введение в другую — биополитическую — модальность капитализма. Лучше ли демократическо-биополитическая модальность авторитарной? Безусловно, так как в ней меньше прямого насилия и произвола, а также существует минимальная правовая защищенность как отдельных индивидов, так и дискриминируемых меньшинств. Однако в таком режиме легитимации капитализма существует гораздо меньше шансов на радикальные перемены, поскольку они уже не связываются с демократией — ведь она формально «уже тут». Демократия лишь вводит нас в другую модальность капитализма. Вопрос же состоит в том, чтобы найти из него выход.

ВСЕМИРНО-ГРАЖДАНСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ БЕЛАРУССКОГО ПРОТЕСТА — 2020 И ПОСТСОВЕТСКИХ ПРОТЕСТНЫХ ДВИЖЕНИЙ

Михаил Минаков

UNIVERSAL SIGNIFICANCE OF THE BELARUSSIAN PROTEST — 2020
AND OF OTHER POST-SOVIET PROTEST MOVEMENTS

© Mikhail Minakov

Dr. habil. in Philosophy, Senior Fellow, Kennan Institute/Woodrow Wilson
International Center for Scholars
1300 Pennsylvania Avenue NW, Washington, DC 20004, USA

ORCID ID: 0000-0002-0619-7321

Email: mikhailminakov1971@gmail.com

Abstract: This article provides an answer to two questions: (1) which factors enabled and undermined the protest movement's democratic agenda in 2020 in Belarus, as well as in other post-Soviet mass movements of the recent decade? and (2) what are the lessons that the post-Soviet protest movements have for the global civil society? The author argues that the regime survived the 2020 protests due to the protesters failing to consolidate their energy with the political parties and due to the loyalty of the political class to the top-down vertical nature of the Belarusian 'pyramid of power'. However, repressive turn of the Lukashenka regime undermines its legitimacy in the mid- to long-term perspective. The Belarus protest movement is compared to similar movements in other post-Soviet societies, demonstrating positive and negative influences of the protests for political community.

The author concludes this article with the definition of three universal lessons of the Belarus and other post-Soviet protests movements: (1) adherence to the political freedom needs practical justification, not official and media rhetoric; (2) civil and partisan involvement in a collective action should be in agreement based on mutual trust of citizens and politicians; (3) each protest movement should be aware of the negative consequences of the radical agenda for the sovereignty of political community.

Key words: universal, Belarus, Eastern Europe, protest, regime, movement, Armenia, Georgia, Moldova, Ukraine, Russia

1. Введение

Восточноевропейские страны все чаще оказываются в центре внимания политиков и исследователей всего мира. Если в начале 1990-х гг. многие западные философы сетовали, что Восток перестал производить универсальные идеи¹, то в XXI веке Восточная Европа отчасти исправилась, став производить практики, претендующие на всемирно-гражданское значение². Эти практики связаны с коллективным опытом посткоммунистического транзита — разнообразнейшего коллективного опыта, включающего, среди прочего, опыт государственного строительства и политического развития обществ, сформированных при сильном влиянии марксистской социальной инженерии и советского проекта в XX веке, а также неолиберальной, леволиберальной и националистической идеологий конца XX — начала XXI столетий. Последнее тридцатилетие было временем, где полагание новых начал в публично-политической сфере и влияние прошлого вместе создали особый мир переизобретения капиталистической современности с ее разделением публичности и приватности (после опыта тоталитарного проникновения публичного во все сферы приватного), изобретением национальной (зачастую трайбалистской) традиции с ее демодернизирующей и очаровывающей силой (после опыта построения сложных социалистических многонациональных государств) и человека, распятого на разнонаправленных и разноскоростных векторах драматических посткоммунистических изменений³. Среди восточноевропейских практик со всемирно-гражданским значением — или исторической претензией на него — оказались массовые гражданские протестные движения.

Постсоветские протестные движения — социально-политический феномен, в котором проявляется борьба универсальных противоречивых начал: свободы и подчинения, гражданственности и подданничества, политического творчества в его либеральной и консервативной формах, неравенства и солидарности. В последнее десятилетие, которое все чаще называют началом «третьей

1 Об этом, например, см.: Höslе, 1992: 228 и далее.

2 Всемирно-гражданское значение как в кантовском смысле (Kant, 2019), так и в смысле современного глобального гражданского общества (Kaldor, 2013; Francis, 2021), которое трансцендирует и принимает как свой элемент интерес автономной личности гражданина и интересы социальных, религиозных или этнических групп, составляющих многообразное сообщество (Mouffe, 2013).

3 Об этом см.: Minakov, 2018: 13ff.

волны автократизации»⁴, несколько восточноевропейских массовых протестов — украинский Евромайдан (2013–2014), армянская «бархатная революция» (2018) и белорусский Протест-2020 — стали событиями международного значения, значительно влияющими не только на политическую ситуацию на континенте или на соотношение глобальных военно-политических блоков, но и на понимание того, что такое гражданское общество и какие блага и риски оно несет для свободы и достоинства.

Однако если, к примеру, Евромайдан и ереванская «бархатная революция», их происхождение и влияние на постсоветскую политику, на безопасность Европы и Евразии, а также на отношения глобальных военно-политических союзов хорошо описаны и осмыслены⁵, то белорусский Протест-2020 — это событие, которое, может, уже и завершилось⁶, но чье всемирно-гражданское влияние все еще предстоит понять и описать. Впрочем, уже сейчас ясно, что фальсификация президентских выборов в Беларуси в 2020 г., последовавшие за этим массовые протесты и превращение относительно «мягкой» постсоветской автократии в крайне репрессивный режим, системно нарушающий и собственную Конституцию, и неформальные правила прежней белорусской системы, и фундаментальные нормы международного права, — все это выводит белорусскую ситуацию в центр изучения глобальной волны автократизации и борьбы за гражданские права (Benedek, 2020; HRW, 2021).

В этой статье я попытаюсь ответить на два связанных с вышеизложенным контекстом вопроса, политологический и социально-философский, а именно:

1. Какие факторы работали против демократической программы протестующих и способствовали углублению автократизации режима Лукашенко?
2. О чем говорит опыт борьбы за свои права современных белорусов в контексте глобального ухудшения ситуации с политическими правами и гражданскими свободами? Какие уроки Протест-2020 несет для глобального гражданского общества?

Чтобы ответить на эти вопросы, я сначала обращусь к эмпирическому анализу, который позволит «заземлить» осмысление протестных движений. Идеализирующие и идеологически заряженные «осмысления» гражданских протестов, которые так заметны

4 О третьей волне автократизации см.: Hellmeier et al., 2020; Skaaning, 2020; Boese et al., 2021.

5 См., например: Marples & Mills, 2014; Abrahamian & Shagoyan, 2018; Feldman & Alibašić, 2019; Der Matossian, 2020; Zhuravlev & Ishchenko, 2020; Minakov, Kasianov & Rojansky, 2021.

6 Завершение «Белорусской революции — 2020», к примеру, отрицает Ольга Шпарага с аргументацией, которая заслуживает внимания (Shparaga, 2021).

в случае, например, Евромайдана, можно предупредить именно с помощью эмпирических (и сравнительных) аргументов политологического характера и лишь затем обратиться к собственно социально-философскому осмыслению гражданских протестных движений. Следуя этой логике, я сначала опишу основные тенденции тридцатилетнего политического развития Беларуси в сравнении с другими постсоветскими странами. Затем я проанализирую факторы, поддерживающие как массовые протестные движения, так и репрессивный поворот белорусского режима в сравнении с другими протестными движениями в Восточной Европе. И в конце я попробую выделить уроки постсоветских протестных движений, и белорусского Протеста-2020 прежде всего, во всемирно-гражданском плане.

2. Постсоветская ситуация и политическое развитие Беларуси

После распада Советского Союза белорусская политическая система развивалась в сочетании советского политического наследия и специфического постсоветского консервативного творчества (Marples, 2013: 7 и далее; Etkind & Minakov, 2020: 10–11). Руководство Белорусской Советской Социалистической Республики было в числе инициаторов распада Советского Союза. Беловежские соглашения 1991 г. были разработаны на территории республики при активном участии Станислава Шушкевича (председатель Верховного Совета БССР), Вячеслава Кебича (председатель Совета Министров БССР) и Петра Кравченко (министр иностранных дел БССР). Первые два политика остались у власти после распада Союза, управляли страной в момент приобретения независимости и период разворачивания политического и социально-экономического постсоветского проектов (Marples, 2013: 9 и далее; Aslund, 2007: 57 и далее). Внутренняя политическая борьба между элитами по вопросам стратегии государственного строительства задерживала экономические реформы и усугубляла социально-экономический упадок в первые годы независимости. К 1995 г. белорусская экономика потеряла 36% своего ВВП по сравнению с 1990 г. (Aslund, 2007: 60).

Александр Лукашенко, в то время ярый оппозиционный популист, сумел использовать недовольство населения национал-демократами и ностальгию по советской «стабильности» для победы на президентских выборах в 1994 г. и победил с 80% голосов избирателей (т.е. получил около 56% всех избирателей Беларуси) (ЦИК, 1994; Koulinka, 2012: 23 и далее). Это событие в корне изменило направление и темп постсоветской трансформации в Беларуси, которые из медленных демократических превратились в быстрые

автократические. В силу этого на Западе укрепилось мнение о Лукашенко как о «последнем европейском диктаторе» (BBC, 2001; European Parliament, 2006). Однако более реалистичный анализ показывает, что Лукашенко был не последним, а первым постсоветским диктатором и своего рода чемпионом автократизации в Восточной Европе (Minakov, 2019: 178 и далее; Skaaning, 2020: 1538 и далее).

Автократические реформы Лукашенко были направлены на создание единой «пирамиды власти», которая включала в себя все ветви государственной власти, все центральные и местные государственные учреждения, все крупные государственные и частные предприятия и основные неформальные властные группы (Hale, 2014: 68 и далее). Эта вертикаль власти управлялась знаковым для постсоветского пространства институтом «администрации президента» — гибридным институтом власти, способным неформально контролировать все формальные государственные учреждения, структуры безопасности и обороны, крупные государственные и частные корпорации, а также неформальные группы властных элит. Другим важным органом является межведомственная комиссия по вопросам безопасности и информации, которая координирует работу всех белорусских силовиков и медийщиков и обеспечивает режиму полный контроль над политической ситуацией в стране. Под руководством президентской администрации автократические реформы были проведены быстро и решительно при поддержке населения — их поддержали белорусские граждане на референдумах 1995 и 1996 гг.⁷ Лукашенко также был признан набравшим достаточное количество голосов для занятия президентского поста на преимущественно сфальсифицированных и нечестных выборах 2001, 2006, 2010, 2015 и 2020 гг. Уже к 2001–2002 гг., когда появились первые признаки автократического поворота в режимах Владимира Путина и Леонида Кучмы, Беларусь представляла собой устоявшуюся эффективную автократию (Karatnysky et al., 2003).

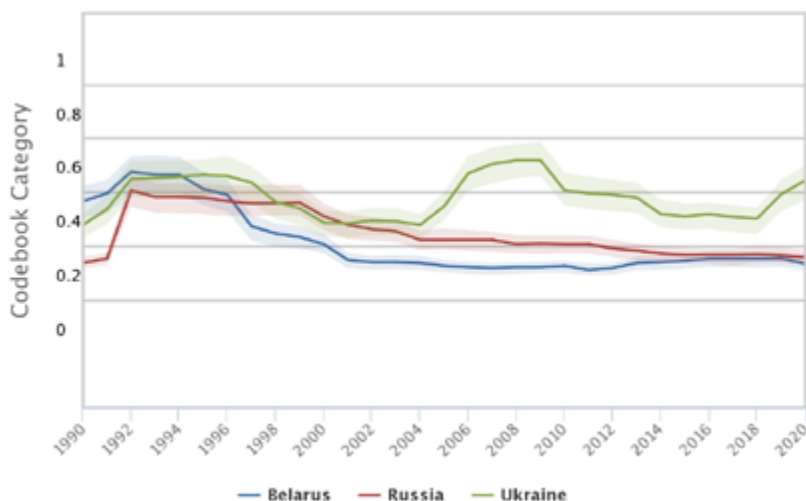
Опираясь на информацию, собранную в базе данных Varieties of Democracy, можно визуализировать динамику политического режима в Беларуси (V-Dem, 2021). Если измерять эту динамику в соответствии с тремя основными элементами демократизации — электоральным, либеральным и партиципативным компонентами (Brunkert et al., 2019: 425), — можно увидеть, как быстро Беларусь развивала свою автократию.

Электоральный компонент измерения демократического развития описывает практику приведения политики правящих групп

7 Автократия получила поддержку и на референдуме 2004 г., но тут существуют основания сомневаться в реальности результатов референдума, поскольку он проводился уже в условиях, не способствующих открытой дискуссии и принятию информированного решения гражданами.

в соответствии с запросом граждан, «достигаемого посредством избирательной конкуренции за одобрение электората» (Hicken et al., 2021: 43). Итак, с точки зрения электоральной демократии, ситуация в Беларуси и во взятых для сравнения России и Украине улучшалась с 1990 до 1994 г., когда в Беларуси началось сокращение избирательных прав граждан. Радикально состояние избирательных прав ухудшилось в 1997 и 2002 гг. При этом в России объем избирательных прав граждан начал сужаться примерно в 2000–2001 гг. с радикальным обвалом в 2003 и 2011 гг. В Украине сужение прав началось в 1998–1999 гг. и ухудшилось в 2010 г., однако качество выборов радикально улучшалось в 2004 и 2019 гг. (для всех трех стран см.: график 1).

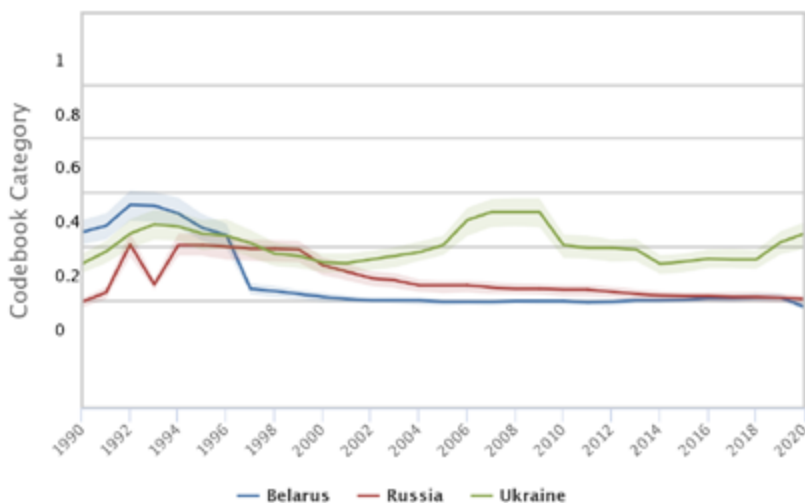
График 1. Индекс электоральной демократии в Беларуси, России и Украине 1990–2020 гг.

Источник: V-Dem (версия 11)

Следующий показатель — индекс либеральной демократии — измеряет защиту «прав личности и меньшинств от тирании государства и тирании большинства» (Hicken et al., 2021: 44). Опять же, после нескольких лет одинакового всплеска демократизации в Беларуси, России и Украине в начале 1990-х гг. первая начала терять свои либерально-демократические качества в 1996 г. и оставалась стабильно нелиберальной до лета 2020 г., когда ситуация еще больше ухудшилась. Россия стабильно теряет либеральный компонент демократии начиная с 2000 г. А Украина колеблется между сравнительно худшей (1998–2004, 2010–2018) и лучшей (2005–2009, 2019–2020) ситуациями с точки зрения прав личности и меньшинств (для всех трех стран см.: график 2).

График 2. Индекс либеральной демократии в Беларуси, России и Украине в 1990–2020 гг.

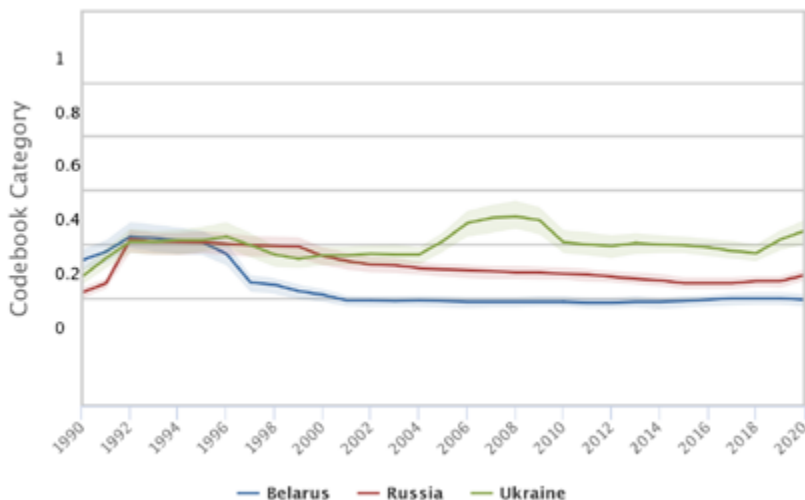

Источник: V-Dem (версия 11)

Индекс демократии участия измеряет, насколько активно «участие граждан во всех политических процессах, избирательных и неизбирательных» (Hicken et al., 2021: 44). С точки зрения партиципативной демократии, в Беларуси началось сужение прав в 1994 г., и этот процесс достиг дна к 2001 г. С 2002 г. выборы, референдумы, местные советы и другие общественные институты потеряли возможность для участия граждан в принятии решений с демократическим эффектом. Вертикаль власти в Беларуси использовала де-юре демократические институты для своей легитимации вплоть до 2020 г., когда несвободные и нечестные выборы стали работать против легитимности Лукашенко. Россия же постепенно ограничивала участие граждан, но все еще использовала этот элемент для легитимации правления Путина, в том числе в 2020 г., когда ему потребовалось одобрение автократических изменений в Конституции РФ. Между тем Украина сохранила участие граждан в принятии решений на уровне не ниже 1992 г. с двумя периодами улучшения (2004–2009, 2019–2020) (см.: график 3).

Из трех восточноевропейских стран именно Украина продемонстрировала свою приверженность пути демократизации, хотя она так и не достигла статуса свободной политической системы или демократического государства ни по одному из измерений. В то же время Беларусь была постоянным лидером автократизации в Восточной Европе. На раннем этапе белорусское общество, несмотря на собственную историю демократической культуры, которая проявила себя в массовых протестных движениях

График 3. Индекс демократии участия в Беларуси, России и Украине в 1990–2020 гг.

Источник: V-Dem (версия 11)

и особенно была заметна в 2020 г., приняло такой «общественный договор», при котором социально-экономические интересы большинства населения отдавались в обмен на все более авторитарную консолидацию власти в руках неизменного президента (Wilson, 2016: 79). В результате социальное обеспечение, доходы домохозяйств и распределение ВВП на душу населения у белорусов оставались намного выше, чем у украинцев; при этом объем гражданских прав и политических свобод украинцев был неизменно шире, чем у белорусов (Minakov, 2019: 176, 189). Иначе говоря, в рамках такого «автократического общественного договора» белорусы обменяли свои политические права на социально-экономические интересы, при этом так и не став ни обществом благосостояния, ни богатым обществом, сравнимым с соседней Польшей или странами мир-системного ядра.

После двух десятилетий существования режим Лукашенко вступил в период подготовки передачи власти. Как и в других постсоветских автократиях, белорусский режим был основан на авторитарном правлении и патрональной/неопатримониальной культуре (Fisun, 2012: 88–89; Hale, 2014: 18 и далее). Для таких режимов обычно главной слабостью является здоровье авторитарного правителя и его/ее способность сохранять контроль над вертикалью власти. Так, стареющие постсоветские азербайджанские и казахстанские автократы смогли передать власть подготовленным преемникам — Ильхаму Алиеву в 2003 г. и Касым-Жомарту Токаеву в 2019 г. соответственно.

Александр Лукашенко начал подготовку к постепенной передаче власти в 2015 г., как и Нурсултан Назарбаев. После шока от российской агрессии против Украины в 2014 г. белорусский президент предпринял несколько критических шагов для обеспечения своей безопасности: он организовал досрочные президентские выборы в 2015 г., подавил гражданские организации как прозападного, так и пророссийского характера, а также сменил руководителей спецслужб и армии на более лояльных (и менее связанных с Кремлем) лиц. Благодаря этому он легко переизбрался, тогда как попытки гражданских протестов были эффективно подавлены милицией и КГБ (Minakov, 2017: 47 и далее). Но при этом он потерял время на принятие решения о преемнике. Его выбор постоянно колебался между одним из сыновей (азербайджанская модель) и одним из его самых верных чиновников (казахстанская модель) (BBC, 2015; Intellinews, 2021).

Также автократии уязвимы в связи с фактором «личных ошибок» правителей, поскольку в принятии стратегически важных решений принимают крайне узкий круг лиц и групп, что приводит к гораздо более частым ошибкам, чем, скажем, в устойчивых демократиях. Лукашенко, к примеру, игнорировал растущее народное недовольство, связанное с эпидемией COVID-19 (серьезность которой Лукашенко долго отрицал) и социально-экономическими проблемами, подрывающими легитимность «авторитарного общественного договора» (Guriev, 2020; Ilyushina & Picheta, 2020). Попытка повторить привычный трюк с перевыборами в 2020 г. оказалась гораздо более рискованной, и эти риски были проигнорированы престарелым правителем.

Итак, Беларусь была первой европейской диктатурой посткоммунистической поры, положившей начало авторитарному творчеству сначала восточноевропейских, а затем и центрально-европейских элит. В XXI веке Беларусь стала важным звеном в восточноевропейском «авторитарном поясе» наряду с Азербайджаном, Россией и Турцией (Minakov, 2020). В этом «поясе» у Беларуси была своя геополитическая и геоэкономическая ниша: она выигрывала от того, что была основным каналом торговли между Россией, Китаем и ЕС, особенно после российско-украинского конфликта в 2014 г., одновременно удерживая силы НАТО и России на расстоянии друг от друга. Лукашенко успешно балансировал между Западом и Россией, защищая автономию и экономический успех своего режима, сохраняя сильное недемократически консолидированное государство и территориальную целостность страны в регионе, где все остальные страны имеют проблемы с контролем своих международно-признанных территорий⁸.

8 Территориальные проблемы существуют у Азербайджана, Армении, Грузии и Молдовы с 1991 г. и у Украины с 2014 г. Также за последнее тридцатилетие

Беларусское общество заплатило за эту территориальную целостность и относительный социально-экономический успех авторитарным государственным строительством, секьюритизированной политикой, несвободой СМИ, контролируемым образованием, минимальным развитием партийной системы и гражданского общества (Marples, 2013; Wilson, 2016; ВТИ, 2020; HRW, 2021). И такой баланс достижений и потерь определял политическую ситуацию перед президентскими выборами 2020 г. и массовыми протестами в Беларуси.

3. Массовые протестные движения в Беларуси в восточноевропейской сравнительной перспективе

Беларусь имеет собственную историю протестных движений, которая привела к созданию специфической политической культуры, проявившей себя так ярко в Протесте-2020.

Корни белорусской протестной культуры уходят в перестройку. В отсутствие сильных политических партий — как специфически белорусских, так и местных отделений общесоюзных партий — протестные движения носили общегражданский, внепартийный характер. В современных исследованиях протестных движений исследователи различают партийный и общегражданский способы вовлечения граждан в политические движения (Cohen & Arato, 1992; Bohman & Regh, 1997; Mische, 2015). Партийное участие обычно ассоциируется с «инструментализмом и стратегическим манипулированием» интересами граждан и групп населения, в то время как гражданское участие больше направлено на «диалог и неполитизированные формы объединения» (Mische, 2015: 45; см. также: Putnam, 2000: 17 и далее). В начале 1990-х гг. бум малых партий в Беларуси не привел к продуктивному вовлечению граждан в процессы принятия решений по поводу фундаментальных вопросов, стоящих перед новым обществом, что и было использовано Лукашенко в его популистской кампании 1994 г. (Koulinka, 2012: 27). Поэтому первые крупные протесты против зарождающейся автократии в 1997–1998 гг. вернулись к гражданскому способу вовлечения граждан в движения сопротивления времен перестройки. Протесты *Менскай вясны* (1996–1997), к примеру, были направлены на защиту Конституции, а не на программные цели отдельных партий, и проводились они объединенными силами гражданских организаций при участии активистов националистических, коммунистических и демократических партий (Шрайбман, 2016).

у РФ были периоды, когда Москва не контролировала полностью свою территорию.

Эти протесты были жестко подавлены, что дало формирующемуся режиму новый опыт, приведший к пониманию властями, что необходимо осуществлять системный превентивный контроль над СМИ и образовательными учреждениями, а также подавлять гражданскую и политическую оппозицию (Вясна, 1999: 7, 12, 23–30). Режим использовал жесткие репрессивные меры для борьбы с оппозиционными партиями, решившими провести «альтернативные президентские выборы» в 1999 г. Эти меры включали похищения и убийства оппозиционных политиков (Там же). Но одновременно строилась система управления образовательными и научными учреждениями и контроля за гражданскими организациями и частным бизнесом.

Противоречия между дальнейшей консолидацией власти в руках одного человека и новым объединением общегражданских протестных движений вновь достигли пика перед президентскими выборами 2001 г. На этот раз массовые протестные движения были организованы при лидерстве нового класса мелких частных предпринимателей. В этих протестах приняли участие до 200 000 человек, во главе которых стояли сначала экономические, а затем социально-политические требования (Вясна, 2001: 7). Позже протесты были поддержаны профсоюзами рабочих, оппозиционными партиями и белорусской интеллигенцией. И протесты продолжались, спустя много месяцев после окончания президентских выборов, на которых Лукашенко победил в нечестной борьбе. Эти протесты продолжались вплоть до 2003 г. (Вясна, 2002, 2003).

В список дальнейших значимых протестных движений в Беларуси следует также включить:

– *Плошча-2006*, или «джинсовая революция», – своего рода попытка «цветной революции» в Беларуси в 2006 г., была связана с очередной президентской избирательной кампанией (Костенко и др., 2006: 12);

– *Плошча-2010* – протесты против фальсификации президентских выборов 2010 г. (БП, 2016);

– *Молчаливый протест 2011 г.*, возникший на фоне ухудшения социально-экономических условий жизни, был организован с использованием социальных сетей и спровоцирован падением экономики Беларуси. Привыкшие к определенному уровню социально-экономического развития, белорусы не были готовы мириться с падением доходов – нарушением лукашенковского «общественного договора». Эти протесты не были особенно массовыми, но они прошли по всей стране, и их участниками были молодые люди⁹;

9 См. ежемесячные и ежеквартальные отчеты на сайте Spring96.org за 2011 год.

— *Марши нетунеядцев* в 2017 г. вывели десятки тысяч беларусов на улицы в знак протеста против закона о запрете «тунеядства», социально-экономических проблем и очередных несвободных выборов. Эти марши прошли не только в Минске, но и в небольших городах по всей Беларуси в период с февраля по апрель 2017 г.¹⁰

Эта далеко не полная, обращающая внимание лишь на действительно массовые движения ретроспектива показывает, что Протест-2020 был событием скорее закономерным, чем уникальным. В пользу этого вывода говорят четыре фактора. Во-первых, беларусские протестные движения 1996–2017 гг. также были общегражданскими, внепартийными инициативами. В отсутствие сильных массовых партий беларусские протесты организовывались вокруг широкого комплекса интересов и требований, которые объединяли экономические, социальные и политические вопросы: доходы населения, стоимость коммунальных услуг, налогообложение, политическое представительство, честные выборы и гражданские свободы в целом. Это отличает беларусские протесты от других протестных движений в Украине (2004, 2013–2014) и Грузии (2004, 2006), в которых партийные цели сопresentствовали с общегражданскими и социально-экономическими, а иногда были важнее последних. Тем не менее гражданская повестка постсоветских «цветных революций», Евромайдана и беларусских протестов последних 25 лет во многом совпадала, поскольку коренилась в общем «перестроечном» опыте (Минаков, 2012: 60; Gerlach, 2014: 12 и далее).

Во-вторых, беларусские протесты, как правило, распространялись и на столицу, и на периферийные города, и охватывали различные слои населения, объединенные общим делом. Такая широкая распространенность протестов стала привычной практикой в последние десятилетия и была важным элементом Протеста-2020. В то же время в грузинских и украинских протестах столицы — Тбилиси и Киев — играли несколько более важную роль, чем Минск в беларусских протестах.

В-третьих, протестные движения обычно были связаны с перспективой или результатами выборов. В отсутствие других демократических институтов нечестные выборы вызывали сильные гражданские эмоции, подчеркивавшиеся рестриктивным и эксклюзивным характером беларусского режима. Чувство ущемленного гражданского достоинства и гражданского гнева было заметно в беларусских протестах последних 20 лет. Это очень похоже на эмоциональные импульсы, стоявшие за армянскими (2018), грузинскими (2004, 2006), молдавскими (2009, 2015, 2018),

10 См. ежемесячные и ежеквартальные отчеты на сайте Spring96.org за 2017 год.

российскими (2011–2012) и украинскими (2004, 2013–2014) протестными движениями.

И, наконец, в-четвертых, белорусские протесты превратились в неотъемлемую часть политической культуры, которая приводила к тому, что, несмотря на отсутствие политических изменений, протесты неизменно вовлекали десятки и сотни тысяч граждан на довольно долгое время. Протесты 2010 и 2017 гг. продолжались много месяцев. Эта способность противостоять отсутствию положительного ответа на требования протестующих стала важным аспектом Протеста-2020. Это же отличает белорусское протестное движение от армянского, грузинского и украинского, которые были гораздо более прагматичными: последние были, по выражению Чарльза Тилли, настоящими «претендентами» на установление нового политического порядка, были менее готовы к длительным протестам и в нескольких случаях добились смены режима и некоторого временного демократического прогресса (Tilly, 1978: 52; Atanesyan, 2018: 82; Nodia et al., 2018: 8 и далее; графики 1–3).

Таким образом, Протест-2020 был важным, но не уникальным событием в ряду политического феномена давно сформировавшейся политической культуры постсоветского белорусского протеста. И в то же время Протест-2020 оказался уникальным событием в силу того, что стал пиком этого длительного процесса, принимая во внимание (1) приверженность участников именно мирному стоическому протесту, несмотря на его прагматическую бесперспективность и насилие властей, (2) «тактике воды» — отказу от жестко структурированных протестных действий, асимметрично подрывавших успешность противодействия властей, и (3) необычно длительному участию в акциях сопротивления огромной численности протестующих.

Несмотря на все социально-экономические, политические и эпидемические осложнения, белорусское правительство сохранило твердое намерение провести выборы в обычном режиме. На выборах 2020 г., в отличие от предыдущих кампаний, было несколько кандидатов, не принадлежавших к разрешенным оппозиционным группам (которые обычно участвуют в постановочной электоральной борьбе). Блогер Сергей Тихановский, бизнесмен Виктор Бабарико и предприниматель Валерий Цепкало оказались слишком опасными для сценария, подготовленного режимом. В силу этого первые двое были арестованы, а последний был вынужден эмигрировать. Вместо них зарегистрированы пять кандидатов, казавшихся менее опасными; среди них оказалась и Светлана Тихановская. После первого тура выборов (9 августа 2020 г.) Александр Лукашенко был объявлен победителем выборов: он якобы набрал 80,10% голосов (ЦИК, 2020).

Результаты президентских выборов оспаривались внутренними и внешними субъектами. Уже к концу дня голосования 9 августа

многие граждане, сомневающиеся в том, что их голоса будут учтены правительством, начали собираться на центральных площадях крупных городов. Более или менее достоверные опросы показывают, что большинство белорусов — более 70% (Astapenia, 2020) или 65% (Krawatzek, 2021) — считали результаты президентских выборов сфальсифицированными¹¹. Поскольку белорусы, как и другие общества с опытом перестройки, приписывают особую моральную ценность честным выборам, влияющую на политическую легитимность элит (Herzog, 2009: 12ff), то циничное поведение белорусских властей перед выборами и применение ими грубой силы в первые дни после вовлекли огромное число граждан — включая и тех, кто ранее был политически пассивен, — к массовым протестам.

Начавшись вечером 9 августа 2020 г., массовые протесты продолжались до марта 2021 г. По разным данным, к концу 2020 г. в протестах по всей Беларуси приняли участие от 700 000 до 1 миллиона человек (Krawatzek, 2021). Протестующие были готовы к мирной кампании против правительства, длящейся многие месяцы вплоть до года, — и большинство из них не боялись избиения, пыток и тюремного заключения (Thinktanks.by, 2020). Более 70% протестующих впервые участвовали в массовых акциях (Onuch, 2020). По состоянию на декабрь 2020 г. более 30 000 протестующих были арестованы, более 1300 получили ранения, десятки пропали без вести, а тысячи — вынуждены покинуть Беларусь (Там же). Хотя спорадические протесты продолжались до июня 2021 г., после марта лидеры и активисты протестов либо эмигрировали, либо были заключены в тюрьму.

Как и в других постсоветских странах, переживших массовые протесты, в белорусском обществе произошел раскол между сторонниками протестов и сторонниками режима. По одним данным, от 14 до 15% опрошенных заявляли о прямой поддержке или участии в протестах (Krawatzek, 2021), а по другим — уже год после начала протестов — около 37% респондентов все еще поддерживали активный протест, тогда как 65% хотели новых и честных выборов президента (Astapenia, 2021). Кроме того, 42% опрошенных резко критиковали режим, 13% решительно поддерживали Лукашенко, а 17% выражали умеренную поддержку по отношению к нему (Krawatzek, 2021). Белорусский уровень поддержки и участия в протестах напоминает уровни поддержки Евромайдана или армянской бархатной революции 2018 г. (ФДІ, 2015; Atanesyan, 2018).

Еще одна общая черта белорусских и других постсоветских протестных движений связана с ролью современных медиа. Украинскую Оранжевую революцию информационно поддерживали

11 Тут и далее приведенные данные опросов нужно принимать *cum grano salis*: они собирались разными компаниями, с разным доступом к населению Беларуси, зачастую в условиях препятствия официальными институтами для их сбора и в ситуации быстро меняющейся социальной динамики.

оппозиционный сайт «Украинская правда» и ТВ «5 канал». Твиттер сыграл особую роль в молдавских и армянских протестах последнего десятилетия. Как украинские участники Евромайдана, так и активисты антимайдана общались при помощи сетей Facebook и «ВКонтакте». А в 2020 г. содействие протестам в Беларуси оказывал Telegram-канал Nexta. В отсутствие формального руководства протестным движением гражданские акции нуждались в канале общения и обмена информацией.

Еще одна общая черта белорусских и других постсоветских массовых протестов — важность признания оппозиции как легитимной политической силы на Западе, за рубежом (Stewart, 2013: 111 и далее). Лидеры и активисты белорусской оппозиции, избежавшие тюремного заключения, сейчас действуют на основе оппозиционных центров, расположенных либо в Литве, либо в Польше. Правительства США и стран — членов ЕС признают Светлану Тихановскую политическим лидером оппозиции и не признают результаты президентских выборов 2020 г. (Moshes & Nizhnikau, 2021: 177 и далее).

Несмотря на многие общие черты с предыдущими протестами в Беларуси и соседних странах, Протест-2020 обладал четырьмя особенностями. Прежде всего, это отличие проистекает из уже упоминавшейся «тактики воды». Протестующие не собирали силы в одном месте в столице, где они могли бы вступить в схватку с силами безопасности. Вместо этого протесты проходили в разных местах столицы и по всей стране, где это было возможно. Кроме того, у протестного движения не было постоянного руководства: Светлана Тихановская и Мария Колесникова были скорее символическими фигурами, чем политическими акторами, нацеленными на получение власти. Такая тактическая сверхгибкость протестов не позволила милиции своевременно реагировать на акции и обеспечила значительную распространенность протестов в условиях замалчивания или очернения протестного движения в СМИ.

Во-вторых, белорусские протесты оставались мирными в течение очень долгого времени. Лидеры, сочувствующие интеллектуалы и рядовые активисты придерживались практики мирного сопротивления. Роль радикальных групп была минимальной, несмотря на жестокость милиции и массовые аресты. В отличие от армянских, грузинских или украинских протестов, белорусские активисты не захватывали государственные учреждения. Такой подчеркнутый пацифизм не привел к получению власти и изменению политического строя, но обеспечил движению моральное превосходство и постоянное мирное давление на режим.

В-третьих, политические партии в Беларуси играют гораздо менее значимую роль, чем сравнимые группы в других постсоветских государствах. В Армении, Грузии, Молдове и Украине

оппозиционные партии предлагали протестующим решения и инструменты, ведущие к политическому изменению. В Беларуси оппозиционные партии были очень слабы и неэффективны, поэтому их роль в продвижении политической повестки протестов была минимальной. Отчасти в силу этого «вертикаль власти» Лукашенко осталась верна своему патрону, несмотря на репрессивный поворот режима и его снижающуюся легитимность. В Армении, Грузии, Молдове и Украине бюрократия легко предавала правящую группу, понимая, с кем и как договариваться о своем будущем, но в Беларуси 2020 г. такой опции не было. Кроме того, если в постсоветских революционных странах местные силовики были слишком коррумпированы, чтобы эффективно подавлять протесты, то беларусская межведомственная комиссия, координирующая все различные группы силовиков и медийщиков, была достаточно эффективной, сплоченной и лояльной президенту.

Наконец, российский фактор в Беларуси имел иное значение. В Грузии, Молдове и Украине протесты были связаны, среди прочего, с конфликтом между Россией и Западом, а также между пророссийскими и прозападными элитными группами. Однако в случае с Беларусью российские элиты были разделены отношением к Лукашенко: часть из них поддерживала некоторые оппозиционные группы, другие российские партии были более склонны поддерживать существующий режим (Global Risks Insights, 2020). Значительная часть протестующих — по крайней мере, первоначально — была ориентирована на Россию, выступая при этом против Лукашенко (Deutsche Welle, 2020). Однако к концу августа российское правительство решило поддержать Лукашенко и стало предоставлять свои СМИ и советников беларусскому правительству, а также начало оказывать финансовую поддержку режиму (Wilson, 2021: 359–374).

Таким образом, Протест-2020 не смог добиться ни смены режима, ни более амбициозных революционных целей, воодушевлявших активистов Евромайдана или ереванской бархатной революции. Результатом Протеста-2020 стала потеря режимом Лукашенко своей патриархальной легитимности и переход к репрессивной модели. В 2021 г. возглавляемый Лукашенко «конституционный процесс» и постоянные переговоры с Кремлем о «более тесном союзе» сигнализировали о прекращении предыдущего «общественного договора». Кроме того, Протест-2020 создал огромную группу граждан, имеющих непосредственный опыт участия в массовых протестах и несправедливого наказания, а также понимающих «неспособность властей решить такие проблемы, как стагнация зарплат и пенсий, безработица и трудовая миграция» (Douglas, 2020). С августа 2020 г. Александр Лукашенко может править только силой, при очень низком уровне доверия к себе и легитимности его нового политического режима.

4. Уроки Протеста-2020 и других постсоветских протестных движений для глобального гражданского общества

В предыдущих двух частях этой статьи я рассмотрел эмпирические аспекты развития белорусской политической культуры и системы, а также сравнительные характеристики постсоветских протестных культур. В этом разделе я дам социально-философский ответ на вопрос о том, какие уроки Протест-2020 и другие массовые протестные движения постсоветских народов несут для глобального гражданского общества?

1. Практическое подтверждение ценности политической свободы и гражданственности. Гипотеза о том, что мы живем в период «третьей волны автократии», получает все больше эмпирического подтверждения (Hellmeier et al., 2020; Skaaning, 2020; Boese et al., 2021). Политические практики, ценности и институты, созданные после Второй мировой войны и во время «соревнования капиталистической и социалистической систем», привели к окончательному падению колониальной системы, распространению демократических политических систем и режимов, а также частичному проигрышу «социалистической системы», что стимулировало глобальную «третью волну демократизации» в 1975–2008 гг. (Wallerstein, 2010: 17 и далее; Huntington, 2012)¹². Распространение демократической политики в разных странах и культурных регионах нашло свое проявление в специфическом политическом творчестве, которое предполагает желанными нормами контроль граждан за правительством и элитами, верховенство права, свободу самовыражения во всех сферах жизни — от политики до интимности, сменяемость правителей при помощи выборов и постоянное участие граждан в принятии коллективно-важных решений (Inglehart & Welzel, 2010: 553; Brunkert et al., 2018: 3 и далее). Но третья волна демократизации «угасла», институты и практики демократии, созданные послевоенными поколениями, все менее эффективны, а новые автократии все более «умны», продуктивны и влиятельны (Brunkert et al., 2018: 4 и далее; Skaaning, 2020: 1539; Boese et al., 2021: 4 и далее; Merkel & Lührmann, 2021: 870). Политическое творчество автократических институтов и практики использования некогда демократических процедур в интересах автократов привели к заметному росту количества неэффективных демократий и электоральных и малоэффективных автократий,

12 Китайский, кубинский, северокорейский и вьетнамский «социализмы» живы и продолжили свое развитие и после падения СССР и «Восточного блока». Евроцентричная оптика игнорировала этот факт, считая, что Холодная война завершила «соревнование систем». Однако события последних лет показывают, что «соревнование» снова определяет геополитическое противостояние.

некоторому росту полноценных и эффективных автократий, а также уменьшению количества полноценных демократий в последние 10–12 лет.

Однако «третья волна автократии» — не приговор. Так, в восточноевропейском регионе за последние 10 лет Армения и Грузия улучшили ситуацию с политическими свободами (Hellmeier et al., 2020: 1055 и далее; V-Dem). И протестные гражданские движения, и государственное строительство в этих странах продолжили инерцию демократизации. Гражданское протестное движение в Украине, вылившееся в Евромайдан (2013–2014) и смену правящей группы (2014), хотя и несильно повлияло на либерально-демократическое качество политического режима (см. графики 1–3), но вернуло в социально-политическую повестку дня украинского общества и соседних обществ в Восточной и Западной Европе ценности политической свободы, контроля за поведением элит и общеевропейской солидарности (Минаков, 2019: 133 и далее). Фактически и до Протеста-2020 в последнюю декаду восточно-европейские общества демонстрировали ценность для них демократической «повестки 1991 года».

Беларусский Протест-2020 показал, что «повестка 1991 года» с ее ценностью политической и экономической свободы, национального государства и европеизации может воодушевлять широкие массы населения и выводить их на протесты вопреки действиям авторитарного режима и рискам для личной безопасности. Да, выделить универсальную идею Протеста-2020, которая бы удовлетворяла требованиям философской рефлексии начала 1990-х гг., нет возможности. Но как практика сопротивления автократизации массовым долгим мирным протестным движением Протест-2020 дает урок гражданственности не только постсоветским народам, эта практика имеет всемирно-гражданское значение и в кантовском, и в современном смысле.

Такое значение привело к тому, что с протестующими проявили свою солидарность европейцы и Запада, и Востока. Эта солидарность в данный момент проходит проверку белорусскими эмигрантами — интеллектуалами, студентами и предпринимателями, уезжающими в Германию, Литву, Польшу и Украину. Однако прекращение заигрывания правительств Запада с белорусским режимом и непризнание легитимности Лукашенко — шаг в направлении реализации этой солидарности.

2. Необходимость взаимной поддержки общегражданской и партийной вовлеченности в политическое действие. Для протестных движений последнего десятилетия характерно недоверие гражданских активистов к партиям. Это проявилось в первые дни Евромайдана, когда протестующие находились в двух разных лагерях — на площади Независимости и Европейской площади. Это же подчеркивали активисты Протеста-2020 на протяжении

активной фазы протестов в августе – ноябре 2020 г. (Onuch, 2020; Krawatzek, 2021).

Действительно, существует большое количество эмпирических исследований, указывающих, что акторы массовых протестов в разных странах ценят общегражданское вовлечение в движение и противятся партийному. Так же и партийные лидеры с недоверием относятся к «общественным аматорам», неспособным к эффективной борьбе за власть. Опыт протестных движений последнего десятилетия в постсоветских обществах показывает, что *взаимное доверие общегражданских групп и партийный организации является залогом успешности протестного движения.*

Прагматика протеста предполагает взаимную необходимость общегражданских групп и партийных организаций. Первые отстаивают такую программу, которая заботится непосредственно о «наивысшем из общих благ» и предполагает переобоснование политической системы. Постсоветская Беларусь политически развивалась как эффективная автократия, и сменой правящей партии ее качество не изменить. Однако партии являются институциями, способными транслировать запрос на изменение в политическом действии. Там, где общегражданская программа и партийные организации взаимодействовали, протестное движение привело к смене правящей группы, например в Украине в 2014 г. и в Армении в 2018 г.

Однако урок взаимности предполагает не только доверие граждан к партиям, но и ответственность партий, победивших в результате протестов, перед гражданами. В 2014 г. немало гражданских организаций продолжали свою активность уже после смены правительства, отстаивая «евромайданную программу». Несмотря на это, партии-победительницы не поменяли реальную политэкономическую систему Украины, ограничившись частичным изменением режима. В Армении партийные лидеры и организации оказались более ответственными в этом плане, и действительно их действия в 2018–2021 гг. изменили политэкономии республики. В силу этого, несмотря на военное поражение, Никол Пашинян и блок партий вокруг него победил на парламентских выборах 2021 г.

Взаимность общегражданских целей и задач политических партий является предпосылкой успешности выполнения программ протестных движений. Без этой взаимности, даже если протесты и меняют правящую группу, протестное движение не может считаться успешным.

3. Высокая цена за успех протеста для республики. Успешным массовый гражданский протест можно назвать, если он приводит к смене правящей группы и выполнению значительной части общегражданской программы движения. Однако успех протестов достигается путем, который, за редким исключением, нарушает

политический порядок и подвергает политическую систему риску распада или значительного ослабления. Одним из последствий победы Евромайдана стали временное ослабление правительства и неэффективность армии и спецслужб, что, в свою очередь, открыло возможности для правительства Российской Федерации аннексировать Крым, а для сепаратистски и ирридентистски настроенных групп в юго-восточных областях Украины попытаться отложиться и/или присоединиться к России. И хотя из семи областей, где были совершены такие попытки, лишь в двух регионах они были отчасти успешными, территориальная составляющая украинского суверенитета понесла серьезнейший урон.

Другой пример ослабления государства в связи с успешным протестом — Армения. В результате победы «бархатной революции» «карабахский клан», в который входили военные командиры и руководители спецслужб, оказался политически, экономически и административно маргинализован. Это ослабило Армению в целом и было одним из факторов поражения во Второй карабахской войне (2020).

Следует признать, что, хотя общегражданская программа протестов стратегически и в долгой перспективе дает политической системе республики новую жизнь, *в краткой перспективе победа протестного движения наносит серьезный удар по суверенитету государства в целом.*

В случае с Протестом-2020 политический режим устоял, а правящая группа сохранила свое влияние. Отказ от радикальной протестной программы¹³ активистами Протеста-2020 одновременно привел к высокому моральному влиянию — внутри Беларуси и далеко за ее пределами — движения, к тому, что правящая группа смогла относительно легко подавить движение, и к тому, что в средне- и долгосрочной перспективе политический режим был предельно делегитимирован.

Важным уроком постсоветских протестных движений стало понимание непростого выбора, стоящего перед гражданами, чьи права системно нарушают правящие элиты. Борьба за права имеет свои мотивы и ограничения, одно из которых — сохранить свое политическое сообщество, не поступаясь ценностями свободы, равенства и гражданской солидарности.

По моему мнению, эти три урока — ценности свободы в любых исторических условиях, взаимозависимости гражданского и политического обществ, а также цены успеха протестов — являются важным взносом постсоветских народов в современное понимание соотношения политики, гражданственности и свободы.

13 В СМИ появляется все больше информации, что радикальные группы из Украины предлагали поддержку белорусским радикалам (см., например: Лукашова, 2021). Однако радикалы не получили поддержки у самих активистов Протеста-2020.

5. Выводы

Выше я привел аргументы в пользу ответов на ключевые вопросы этой статьи. Теперь же я лишь суммирую эти ответы.

Итак, среди факторов, которые работали против успеха Протеста-2020 и его демократической программы, а также в пользу дальнейшей автократизации режима Лукашенко, можно назвать следующее.

Во-первых, протестное движение, несмотря на массовую мобилизацию, сравнимую с успешными революционными движениями в Армении (2018), Грузии (2004) и Украине (2004, 2013–2014), не имело твердой политической структуры, способной воплотить его требования в политические изменения. Однако продолжительность и массовость протестов показывает, что в Беларуси существует значительный потенциал для будущих политических изменений в направлении демократизации и интеграции с демократической частью Европы.

Во-вторых, Александру Лукашенко удалось сохранить контроль над страной ценой потери легитимности своего режима, большей зависимости от внешнеполитических факторов и разрыва мягкого авторитарного общественного договора, столь долго служившего целям неизменного правителя. Властная вертикаль осталась верна Лукашенко. Беларусские службы безопасности продемонстрировали высокий уровень эффективности в своей способности защищать правящую группу путем чрезмерного применения силы и системных незаконных репрессий. Беларусь теперь разделена изнутри; она подвергается санкциям и изоляции со стороны стран — членов ЕС и Украины и гораздо больше зависит от поддержки России. Ее экономическая модель «моста между Западом и Россией» теперь несостоятельна и не может служить основой для стабильности политического режима.

В-третьих, Протест-2020, как и другие постсоветские массовые протестные движения последнего десятилетия, проходит в условиях усиления автократических режимов. Паттерны поведения элит и граждан не способствуют массовому участию в нелегальных акциях. Однако массовость и длительность Протеста-2020 указывает на то, что паттерны третьей волны автократизации (пока еще) не сильны и их влияние обратимо. Транснациональные «волны» могут влиять на национальные движения, но не могут быть ведущими факторами политического творчества живущих сегодня поколений.

И наконец, важно отметить, что постсоветские общества занимают важное место в современном глобальном гражданском обществе. Наши практики отстаивания и утверждения политической свободы и гражданского достоинства в самых неблагоприятных условиях доказывают приверженность восточных европейцев

свободной самореализации в политике и других сферах деятельности. Те три урока, которые я вывел выше из практик постсоветских протестных движений, заслуживают рассмотрения и принятия ко вниманию транснациональных гражданских сетей.

Общества Запада, так долго претендовавшие на роль местоблюстителя ценности политической свободы и гражданственности под влиянием неоднозначных процессов в самом теле западных обществ, сопряженных с цифровым неравенством и невиданной по своей эффективности цензурой, с военными операциями, которые «во имя свободы» уничтожили секулярные современные общества в Ираке и Афганистане, с ксенофобией и строительством новых стен, утратили право на эту претензию. В то же время даже в самых безнадежно несвободных обществах европейского Востока закрепились практики, подтверждающие преданность значительных социальных групп ценностям политической свободы и гражданственности.

Если первый вывод можно расценивать как универсальную позитивную максиму, то два других урока имеют ограничительное всемирно-гражданское значение. Опыт белорусов и других постсоветских народов учит тому, что разрыв между гражданским и политическим действием должен быть преодолен. Тот же опыт говорит, что массовые движения за политическую свободу в случае принятия радикальной программы рискуют утратить само политическое сообщество, ради блага которого движение действует. Эти два ограничения — свидетельство о парадоксальной природе политического, где свобода и существование политического сообщества в случае радикального политического действия могут подрывать возможности друг друга.

Литература

- БП. (2016) Последний всплеск большого протеста. Площади-2010 — шесть лет. *Беларуская прада* (БП). Доступ: <https://belprauda.com/poslednij-vsplesk-bolshogo-protesta-ploshhadi-2010-shest-let/> [Доступ 23 сентября 2021].
- Вясна. (1999) Агляд-хроніка парушэнняў правоў чалавека ў Беларусі ў 1999 годзе. *Вясна* 24. Доступ: http://spring96.org/files/reviews/be/1999_review_by.pdf [Доступ 23 сентября 2021].
- Вясна. (2001) Агляд-хроніка парушэнняў правоў чалавека ў Беларусі ў 2001 годзе. *Вясна* 24. Доступ: http://spring96.org/files/reviews/be/2001_review_by.pdf [Доступ 23 сентября 2021].
- Вясна. (2002) Агляд-хроніка парушэнняў правоў чалавека ў Беларусі ў 2002 годзе. *Вясна* 24. Доступ: http://spring96.org/files/reviews/be/2002_review_by.pdf [Доступ 23 сентября 2021].
- Вясна. (2003) Обзор-хроника нарушений прав человека в 2003 году. *Вясна* 26. Доступ: http://spring96.org/files/reviews/ru/2003_review_ru.pdf [Доступ 23 сентября 2021].

- Костенко, А., Кашко, А., Михайловская, Е. (2006) Партизанская республика. Акции протеста в Минске 19–25 марта 2006 года. Москва: Панорама.
- Лукашова, С. (2021) Между партизанами и спецслужбами. Как связаны между собой «дело Семенченко», белорусские революционеры и украинская разведка. *Украинская правда*, 28 сентября. Доступ: <https://www.pravda.com.ua/rus/articles/2021/09/28/7308605/> [Доступ 23 сентября 2021].
- Минаков, М. (2012) «Цветные революции» в постсоветском мире. *Общая тетрадь* 2–3: 59–68.
- Минаков, М. (2019) Выбор 1991 года: как украинцы оценивают выбор в пользу национального государства, демократии и капитализма. *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры* 1–2: 123–139.
- ФДІ. (2015) Річниця Майдану — опитування громадської та експертної думки. Фонд демократичні ініціативи (ФДІ). Доступ: <https://bit.ly/3oc1tNM> [Доступ 23 сентября 2021].
- ЦИК. (1994) Сведения об итогах Президента Республики Беларусь 1 тур — 23.06.1994. Центральный избирком Беларуси (ЦИК). Доступ: <https://bit.ly/2Y3vUDR> [Доступ 23 сентября 2021].
- ЦИК. (2020) Сведения о результатах голосования 9 августа 2020 года. Центральный избирком Беларуси (ЦИК). Доступ: https://rec.gov.by/files/2020/gol_itog.pdf [Доступ 23 сентября 2021].
- Шрайбман, А. «Минской весне» — 20 лет. *Заўтра.by*. Доступ: <https://zautra.by/news/news-20964> [Доступ 23 сентября 2021].
- Abrahamian, L., & Shagoyan, G. (2018) Velvet revolution, Armenian style. *Demokratizatsiya* 26(4): 509–529.
- Aslund, A. (2007) *How capitalism was built: the transformation of Central and Eastern Europe, Russia, the Caucasus, and Central Asia*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Astapenia, R. (2020) What Belarusians Think About Their Country's Crisis. *Chatham House publications*. Available at: <https://bit.ly/3o8NmBp> [Accessed 23 September 2021].
- Astapenia, R. (2021) Belarusians live in an increasingly divided country. *Chatham House publications*. Available at: <https://bit.ly/3DiMjUp> [Accessed 15 November 2021].
- Atanesyan, A. (2018) “Velvet Revolution” in Armenia: Potential, Gains and Risks of Political Protest Activity. *Polis* 6: 80–98.
- BBC. (2001) News Profile: Europe's Last Dictator? Available at: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/116265.stm> [Accessed 23 September 2021].
- BBC. (2015) News: Why does Belarus President Lukashenko take son Kolya to work? Available at: <https://www.bbc.com/news/world-europe-34411326> [Accessed 23 September 2021].
- Benedek, W. (2020) *OSCE Rapporteur's Report under the Moscow Mechanism on Alleged Human Rights Violations related to the Presidential Elections of 9 August 2020 in Belarus*. Available at: <https://www.osce.org/files/f/documents/2/b/469539.pdf> [Accessed 23 September 2021].
- Bertelsmann. (2020) *Country Report — Belarus*. Gütersloh: Bertelsmann Stiftung.
- Boese, V., Lindberg, S., Lührmann, A. (2021) Waves of autocratization and democratization: a rejoinder. *Democratization* 47, DOI: 10.1080/13510347.2021.1923006.

- Bogaards, M. (2009) How to classify hybrid regimes? *Democratization* 16 (2): 399–423.
- Bohman, J., Rehg, W. (1997) *Deliberative democracy*. MIT Press, Cambridge.
- Brunkert, L., Kruse, S., Welzel, C. (2019) A tale of culture-bound regime evolution, “Democratization” 26(3): 422–443.
- Cohen, J., Arato, A. (1992) *Civil society and political theory*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Coppedge, M., Gerring, J., Knutsen, K., Lindberg, S., Teorell, J., Altman, D., Bernhard, M., Cornell, A., Fish, S., Gastaldi, L., Gjerløw, H., and Ziblatt, D. (2021) V-Dem Codebook v11.1. *Varieties of Democracy (V-Dem) Project*.
- Der Matossian, B. (2020) *Shattered Dreams of Revolution*. Palo Alto: Stanford University Press.
- Deutsche Welle. (2020) Социолог: Беларусь негативно оценили поддержку Лукашенко Кремлем. *Deutsche Welle*. Доступ: <https://bit.ly/3EXmP04> [Доступ 23 сентября 2021].
- Douglas, N. (2020) Belarus: From the Old Social Contract to a New Social Identity. ZOiS REPORT. Available at: <https://bit.ly/3ocxX3i> [Accessed 23 September 2021].
- Etkind, A., Minakov, M. (2020) Post-Soviet Ideological Creativity. In *Ideology after Union*. Edited by Alexander Etkind, Mikhail Minakov. Stuttgart: Ibidem, pp. 9–18.
- European Parliament. (2020) European Parliament on Belarus: The Last European Dictatorship. *European Parliament*. Available at: <https://bit.ly/39N-2Lil> [Accessed 23 September 2021].
- Feldman, D. L., & Alibašić, H. (2019) The remarkable 2018 “Velvet Revolution”: Armenia’s experiment against government corruption. *Public Integrity* 21(4): 420–432.
- Fisun, O. (2012) Rethinking post-Soviet politics from a neopatrimonial perspective. *Demokratizatsiya* 20(2): 87–96.
- Francis. (2021) *Fratelli tutti. On fraternity and social friendship*. The Holy See, 1 March. Доступ: <https://bit.ly/3A0wTS7> [Доступ 23 сентября 2021].
- Gerlach, J. (2014) *Color revolutions in Eurasia*. Berlin: Springer International Publishing.
- Global Risks Insights. (2020) Belarusian Protests: Russia’s Reluctance. *Global Risks Insights*. Available at: <https://globalrisksinsights.com/2020/09/belarusian-protests-russias-reluctance/> [Accessed 23 September 2021].
- Guriev, S. (2020) The political economy of the Belarusian crisis. *Intereconomics* 55(5): 274–275.
- Hale, H. (2014) *Patronal Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hellmeier, S., Cole, R., Grahn, S., Kolvani, P., Lachapelle, J., Lührmann, A., Maerz, S., Pillai, S., & Lindberg S. (2021) State of the world 2020: autocratization turns viral. *Democratization* 28(6): 1053–1074.
- Herron, E. (2009) Understanding Elections and Democracy in Post-Soviet Space. In *Elections and Democracy after Communism?* New York: Palgrave Macmillan, pp. 1–17.
- Hösle, V. (1992) The third world as a philosophical problem. *Social research* 22(2): 227–262.
- HRW. (2021) *Belarus: Human Rights Watch Report – 2021 (HRW)*. Available at: <https://www.hrw.org/world-report/2021/country-chapters/belarus> [Accessed 23 September 2021].

- Huntington, S. P. (2012) *The third wave: Democratization in the late 20th century*. Norman: University of Oklahoma Press.
- Ilyushina, M., Picheta, R. (2020) CNN Report: Belarus President dismissed Covid-19 as 'psychosis.' Now he says he caught it. Available at: <https://cnn.it/39VGxLv> [Accessed 23 September 2021].
- Inglehart, R., & Welzel, C. (2010) Changing mass priorities: The link between modernization and democracy. *Perspectives on politics* 8(2): 551–567.
- Intellinews. (2021) Belarus President Alexander Lukashenko names possible successors. *Intellinews*, 2021. Available at: <https://bit.ly/3udoBoK> [Accessed 23 September 2021].
- Kaldor, M. (2013) *Global civil society: An answer to war*. New York: John Wiley & Sons.
- Kant, I. (2019) *Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht. Vollständige Neuauflage*. Göttingen: LIWI Literatur- und Wissenschaftsverlag.
- Karatnycky, A., Piano, A., Puddington, A. (2003) Freedom in the World – 2003. *Freedom in the World*. Available at: <https://bit.ly/3idwZjs> [Accessed 23 September 2021].
- Koulinka, N. (2012) Belarus and Its Flight From Democracy. *Ideology and Politics Journal* 1: 21–38.
- Krawatzek, F. (2021) How united is Belarus against the regime? *ZoIS Publications*. Available at: <https://en.zois-berlin.de/publications/how-united-is-belarus-against-the-regime> [Accessed 23 September 2021].
- Levitsky, S., Way, L.A. (2010) *Competitive authoritarianism*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Marples, D. (2013) *Belarus: a denationalized nation*. London: Routledge.
- Marples, D. R., & Mills, F. V. (Eds.). (2014) *Ukraine's Euromaidan: Analyses of a Civil Revolution*. New York: Columbia University Press.
- Merkel, W., & Lührmann, A. (2021). Resilience of democracies: responses to illiberal and authoritarian challenges. *Democratization* 28(5): 869–884
- Minakov, M. (2016) *A Decisive Turn? Risks for Ukrainian Democracy After the Euromaidan*. Carnegie Endowment for International Peace. Available at: <https://bit.ly/3kHBEM8> [Accessed 23 September 2021].
- Minakov, M. (2017) Big Europe's Gap: Dynamic Obstacles for integration between EU and EAU. In *The Eurasian Economic Union and the European Union: Moving Toward a Greater Understanding*. Edited by Angela Di Gregorio, Angela Angeli. The Hague: Eleven International Publishing, pp. 45–56.
- Minakov, M. (2018) *Development and dystopia. Studies in post-Soviet Ukraine and Eastern Europe*. Stuttgart: ibidem.
- Minakov, M. (2019) Post-soviet Eastern Europe. Achievements in post-Soviet development in six Eastern European nations. *Ideology and Politics Journal* 14(3): 171–193.
- Minakov, M. (2020) Eastern Europe's Authoritarian Belt in Crisis. *Focus Ukraine*. Available at: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/eastern-europes-authoritarian-belt-crisis> [Accessed 23 September 2021].
- Minakov, M., Kasianov, G., & Rojansky, M. (2021) *From "The Ukraine" to Ukraine. A Contemporary History, 1991–2021*. Stuttgart: ibidem.
- Mische, M. (2015) Tensions between partisan and civic modes of engagement. In: *Social Movement Dynamics*. Edited by Frederic Rossi, Mark von Buelow. New York: Routledge, pp. 43–72.

- Moshes, A., Nizhnikau, R. The Belarusian Revolution: Sources, Interim Outcomes, and Lessons To Be Learned. *Demokratizatsiya* 29(2): 159–181.
- Mouffe, C. (2013) *Agonistics: Thinking the world politically*. New York: Verso Books.
- Nodia, G., Cenusa, D., Minakov, M. (2018) Towards becoming European-style democracies. In: *The Struggle for Good Governance in Eastern Europe*. Ed. by Michael Emerson. London: Rowman and Littlefield Publishers, pp. 9–55.
- Onuch, O. (2020) *Belarus rises: four months and counting*. ZOiS Publishing. Available at: <https://en.zois-berlin.de/publications/belarus-rises-four-months-and-counting> [Accessed 23 September 2021].
- Putnam, R. (2000) *Bowling alone: the collapse and revival of American community*. New York: Simon and Shuster.
- Skaaning, S.E. (2020) Waves of Autocratization and Democratization. *Democratization* 27(8): 1533–1542.
- Shparaga, O. (2021) *Die Revolution hat ein weibliches Gesicht. Der Fall Belarus*. Berlin: Suhrkamp.
- Stewart, S. (2013) *Democracy promotion before and after the ‘colour revolutions’*. London: Routledge.
- Thinktanks.by. (2020) Опрос: около 80% участников протестов в Беларуси готовы протестовать многие месяцы — вплоть до года. *Thinktanks.by*. Доступ: <https://bit.ly/3kltdQt> [Доступ 23 сентября 2021].
- Tilly, C. (1978) *From mobilization to revolution*. Reading: Addison-Wesley.
- V-Dem. (2021) Varieties of Democracy variable graph database — version 11. Доступ: <https://www.v-dem.net/en/analysis/VariableGraph/> [Доступ 23 сентября 2021].
- Wallerstein, I. (2010) *After liberalism*. New York: ReadHowYouWant.com.
- Wilson, A. (2016) Belarus: from a Social Contract to a Security Contract. *Journal of Belarusian Studies* 8(1): 78–91.
- Wilson, A. (2021) *The Last European Dictatorship*. New Haven: Yale University Press (ebook version).
- Zhuravlev, O., & Ishchenko, V. (2020). Exclusiveness of civic nationalism: Euro-aidan eventful nationalism in Ukraine. *Post-Soviet Affairs* 36(3): 226–245.

References

- Abrahamian, L., & Shagoyan, G. (2018) Velvet revolution, Armenian style. *Demokratizatsiya* 26(4): 509–529.
- Aslund, A. (2007) *How capitalism was built: the transformation of Central and Eastern Europe, Russia, the Caucasus, and Central Asia*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Astapenia, R. (2020) What Belarusians Think About Their Country’s Crisis. *Chatham House publications*. Available at: <https://bit.ly/3o8NmBp> [Accessed 23 September 2021].
- Astapenia, R. (2021) Belarusians live in an increasingly divided country. *Chatham House publications*. Available at: <https://bit.ly/3DiMjUp> [Accessed 15 November 2021].
- Atanesyan, A. (2018) “Velvet Revolution” in Armenia: Potential, Gains and Risks of Political Protest Activity. *Polis* 6: 80–98.
- BBC. (2001) News Profile: Europe’s Last Dictator? Available at: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/116265.stm> [Accessed 23 September 2021].

- BBC. (2015) News: Why does Belarus President Lukashenko take son Kolya to work? Available at: <https://www.bbc.com/news/world-europe-34411326> [Accessed 23 September 2021].
- Benedek, W. (2020) *OSCE Rapporteur's Report under the Moscow Mechanism on Alleged Human Rights Violations related to the Presidential Elections of 9 August 2020 in Belarus*. Available at: <https://www.osce.org/files/f/documents/2/b/469539.pdf> [Accessed 23 September 2021].
- Bertelsmann. (2020) *Country Report – Belarus*. Gütersloh: Bertelsmann Stiftung.
- Boese, V., Lindberg, S., Lührmann, A. (2021) Waves of autocratization and democratization: a rejoinder. *Democratization* 47, DOI: 10.1080/13510347.2021.1923006.
- Bogaards, M. (2009) How to classify hybrid regimes? *Democratization* 16 (2): 399–423.
- Bohman, J., Rehg, W. (1997) *Deliberative democracy*. MIT Press, Cambridge.
- BP. (2016) Poslednii vsplesk bol'shogo protesta. Ploshchadi-2010 – shest' let. Belaruskaia prauda (BP). Available at: <https://belprauda.com/poslednij-vsplesk-bolshogo-protesta-ploshchadi-2010-shest-let/> [Accessed 23 September 2021].
- Brunkert, L., Kruse, S., Welzel, C. (2019) A tale of culture-bound regime evolution, “Democratization” 26(3): 422–443.
- Cohen, J., Arato, A. (1992) *Civil society and political theory*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Coppedge, M., Gerring, J., Knutsen, K., Lindberg, S., Teorell, J., Altman, D., Bernhard, M., Cornell, A., Fish, S., Gastaldi, L., Gjerløw, H., and Ziblatt, D. (2021) V-Dem Codebook v11.1. *Varieties of Democracy (V-Dem) Project*.
- Der Matossian, B. (2020) *Shattered Dreams of Revolution*. Palo Alto: Stanford University Press.
- Deutsche Welle. (2020) Sotsiolog: Belarusy negativno otsenili podderzhku Lukashenko Kremlem. Deutsche Welle. Available at: <https://bit.ly/3EXmP04> [Accessed 23 September 2021].
- Douglas, N. (2020) Belarus: From the Old Social Contract to a New Social Identity. ZOiS REPORT. Available at: <https://bit.ly/3ocxX3i> [Accessed 23 September 2021].
- Etkind, A., Minakov, M. (2020) Post-Soviet Ideological Creativity. In *Ideology after Union*. Edited by Alexander Etkind, Mikhail Minakov. Stuttgart: Ibidem, pp. 9–18.
- European Parliament. (2020) European Parliament on Belarus: The Last European Dictatorship. *European Parliament*. Available at: <https://bit.ly/39N2Lil> [Accessed 23 September 2021].
- FDI. (2015) Richnitsia Maidanu – opituvannia gromads'koi ta ekspertnoi dumki. Fond demokratichni initsiatiivi (FDI). Available at: <https://bit.ly/3ocI-tHM> [Accessed 23 September 2021].
- Feldman, D. L., & Alibašić, H. (2019) The remarkable 2018 “Velvet Revolution”: Armenia's experiment against government corruption. *Public Integrity* 21(4): 420–432.
- Fisun, O. (2012) Rethinking post-Soviet politics from a neopatrimonial perspective. *Demokratizatsiya* 20(2): 87–96.
- Francis. (2021) *Fratelli tutti. On fraternity and social friendship*. The Holy See, 1 March. Доступ: <https://bit.ly/3A0wTS7> [Доступ 23 сентября 2021].

- Gerlach, J. (2014) *Color revolutions in Eurasia*. Berlin: Springer International Publishing.
- Global Risks Insights. (2020) Belarusian Protests: Russia's Reluctance. *Global Risks Insights*. Available at: <https://globalrisksinsights.com/2020/09/belarusian-protests-russias-reluctance/> [Accessed 23 September 2021].
- Guriev, S. (2020) The political economy of the Belarusian crisis. *Intereconomics* 55(5): 274–275.
- Hale, H. (2014) *Patronal Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hellmeier, S., Cole, R., Grahn, S., Kolvani, P., Lachapelle, J., Lührmann, A., Mazer, S., Pillai, S., & Lindberg S. (2021) State of the world 2020: autocratization turns viral. *Democratization* 28(6): 1053–1074.
- Herron, E. (2009) Understanding Elections and Democracy in Post-Soviet Space. In *Elections and Democracy after Communism?* New York: Palgrave Macmillan, pp. 1–17.
- Hösle, V. (1992) The third world as a philosophical problem. *Social research* 22(2): 227–262.
- HRW. (2021) *Belarus: Human Rights Watch Report – 2021* (HRW). Available at: <https://www.hrw.org/world-report/2021/country-chapters/belarus> [Accessed 23 September 2021].
- Huntington, S. P. (2012) *The third wave: Democratization in the late 20th century*. Norman: University of Oklahoma Press.
- Ilyushina, M., Picheta, R. (2020) CNN Report: Belarus President dismissed Covid-19 as ‘psychosis.’ Now he says he caught it. Available at: <https://cnn.it/39VGxLv> [Accessed 23 September 2021].
- Inglehart, R., & Welzel, C. (2010) Changing mass priorities: The link between modernization and democracy. *Perspectives on politics* 8(2): 551–567.
- Intellinews. (2021) Belarus President Alexander Lukashenko names possible successors. *Intellinews*, 2021. Available at: <https://bit.ly/3udoBoK> [Accessed 23 September 2021].
- Kaldor, M. (2013) *Global civil society: An answer to war*. New York: John Wiley & Sons.
- Kant, I. (2019) *Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht. Vollständige Neuauflage*. Göttingen: LIWI Literatur- und Wissenschaftsverlag.
- Karatnycky, A., Piano, A., Puddington, A. (2003) Freedom in the World – 2003. *Freedom in the World*. Available at: <https://bit.ly/3idwZjs> [Accessed 23 September 2021].
- Kostenko, A., Kashko, A., Mikhailovskaya, E. (2006) Partizanskaya respublika. Aktsii protesta v Minske 19–25 marta 2006 goda. Moskva: Panorama.
- Koulinka, N. (2012) Belarus and Its Flight From Democracy. *Ideology and Politics Journal* 1: 21–38.
- Krawatzek, F. (2021) How united is Belarus against the regime? ZOIS Publications. Available at: <https://en.zois-berlin.de/publications/how-united-is-belarus-against-the-regime> [Accessed 23 September 2021].
- Levitsky, S., Way, L.A. (2010) *Competitive authoritarianism*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lukashova, S. (2021) Mezhdru partizanami i spetssluzhbnami. Kak sviazany mezhdru soboi “delo Semenchenko”, belorusskie revoliutsionery i ukrainskaia razvedka. *Ukrainskaia pravda*, 28 sentiabria. Available at: <https://www.pravda.com.ua/rus/articles/2021/09/28/7308605/> [Accessed 23 September 2021].

- Marples, D. (2013) *Belarus: a denationalized nation*. London: Routledge.
- Marples, D. R., & Mills, F. V. (Eds.). (2014) *Ukraine's Euromaidan: Analyses of a Civil Revolution*. New York: Columbia University Press.
- Merkel, W., & Lührmann, A. (2021). Resilience of democracies: responses to illiberal and authoritarian challenges. *Democratization* 28(5): 869–884
- Minakov, M. (2012) "Tsvetnye revoliutsii" v postsovet'skom mire. *Obshchaia tetrad* 2-3: 59–68.
- Minakov, M. (2016) *A Decisive Turn? Risks for Ukrainian Democracy After the Euromaidan*. Carnegie Endowment for International Peace. Available at: <https://bit.ly/3kHBEM8> [Accessed 23 September 2021].
- Minakov, M. (2017) Big Europe's Gap: Dynamic Obstacles for integration between EU and EAU. In *The Eurasian Economic Union and the European Union: Moving Toward a Greater Understanding*. Edited by Angela Di Gregorio, Angela Angeli. The Hague: Eleven International Publishing, pp. 45–56.
- Minakov, M. (2018) *Development and dystopia. Studies in post-Soviet Ukraine and Eastern Europe*. Stuttgart: ibidem.
- Minakov, M. (2019) Post-soviet Eastern Europe. Achievements in post-Soviet development in six Eastern European nations. *Ideology and Politics Journal* 14(3): 171–193.
- Minakov, M. (2019) Vybor 1991 goda: kak ukraintsy otsenivaiut vybor v pol'zu natsional'nogo gosudarstva, demokratii i kapitalizma. *Forum noveishei vostochnoevropeiskoi istorii i kul'tury* 1-2: 123–139.
- Minakov, M. (2020) Eastern Europe's Authoritarian Belt in Crisis. *Focus Ukraine*. Available at: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/eastern-europes-authoritarian-belt-crisis> [Accessed 23 September 2021].
- Minakov, M., Kasianov, G., & Rojansky, M. (2021) *From "The Ukraine" to Ukraine. A Contemporary History, 1991–2021*. Stuttgart: ibidem.
- Mische, M. (2015) Tensions between partisan and civic modes of engagement. In: *Social Movement Dynamics*. Edited by Frederic Rossi, Mark von Buelow. New York: Routledge, pp. 43–72.
- Moshes, A., Nizhnikau, R. The Belarusian Revolution: Sources, Interim Outcomes, and Lessons To Be Learned. *Demokratizatsiya* 29(2): 159–181.
- Mouffe, C. (2013) *Agonistics: Thinking the world politically*. New York: Verso Books.
- Nodia, G., Cenusă, D., Minakov, M. (2018) Towards becoming European-style democracies. In: *The Struggle for Good Governance in Eastern Europe*. Ed. by Michael Emerson. London: Rowman and Littlefield Publishers, pp. 9–55.
- Onuch, O. (2020) *Belarus rises: four months and counting*. ZOIS Publishing. Available at: <https://en.zois-berlin.de/publications/belarus-rises-four-months-and-counting> [Accessed 23 September 2021].
- Putnam, R. (2000) *Bowling alone: the collapse and revival of American community*. New York: Simon and Shuster.
- Shparaga, O. (2021) *Die Revolution hat ein weibliches Gesicht. Der Fall Belarus*. Berlin: Suhrkamp.
- Shraibman, A. "Minskoi vesne" – 20 let. *Zautra.by*. Available at: <https://zautra.by/news/news-20964> [Accessed 23 September 2021].
- Skaaning, S.E. (2020) Waves of Autocratization and Democratization. *Democratization* 27(8): 1533–1542.
- Stewart, S. (2013) *Democracy promotion before and after the 'colour revolutions'*. London: Routledge.

- Thinktanks.by. (2020) Опрос: около 80% участников протестов в Беларуси готовы протестовать многие месяцы – вплоть до года. *Thinktanks.by*. Доступ: <https://bit.ly/3kltdQt> [Доступ 23 сентября 2021].
- Tilly, C. (1978) *From mobilization to revolution*. Reading: Addison-Wesley.
- TsIK. (1994) Svedeniia ob itogakh Prezidenta Respubliki Belarus' 1 tur – 23.06.1994. Tsentral'nyi izbirkom Belarusi (TsIK). Available at: <https://bit.ly/2Y3vUDR> [Accessed 23 September 2021].
- TsIK. (2020) Svedeniia o rezul'tatakh gosovovaniia 9 avgusta 2020 goda. Tsentral'nyi izbirkom Belarusi (TsIK). Available at: https://rec.gov.by/files/2020/gol_itog.pdf [Accessed 23 September 2021].
- V-Dem. (2021) Varieties of Democracy variable graph database – version 11. Доступ: <https://www.v-dem.net/en/analysis/VariableGraph/> [Доступ 23 сентября 2021].
- Viasna. (1999) Agliad-khronika parushen'niau pravou chalaveka u Belarusi u 1999 godze. *Viasna* 24. Available at: http://spring96.org/files/reviews/be/1999_review_by.pdf [Accessed 23 September 2021].
- Viasna. (2001) Agliad-khronika parushen'niau pravou chalaveka u Belarusi u 2001 godze. *Viasna* 24. Available at: http://spring96.org/files/reviews/be/2001_review_by.pdf [Accessed 23 September 2021].
- Viasna. (2002) Agliad-khronika parushen'niau pravou chalaveka u Belarusi u 2002 godze. *Viasna* 24. Available at: http://spring96.org/files/reviews/be/2002_review_by.pdf [Accessed 23 September 2021].
- Viasna. (2003) Obzor-khronika narushenii prav cheloveka v 2003 godu. *Viasna* 26. Available at: http://spring96.org/files/reviews/ru/2003_review_ru.pdf [Accessed 23 September 2021].
- Wallerstein, I. (2010) *After liberalism*. New York: ReadHowYouWant.com.
- Wilson, A. (2016) Belarus: from a Social Contract to a Security Contract. *Journal of Belarusian Studies* 8(1): 78–91.
- Wilson, A. (2021) *The Last European Dictatorship*. New Haven: Yale University Press (ebook version).
- Zhuravlev, O., & Ishchenko, V. (2020). Exclusiveness of civic nationalism: Euro-maidan eventful nationalism in Ukraine. *Post-Soviet Affairs* 36(3): 226–245.

БЕЛАРУССКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ АНТИАВТОРИТАРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ¹

Елена Гапова

THE BELARUSIAN ANTI-AUTHORITARIAN CITIZENS' REVOLUTION

© Elena Gapova

Professor, Department of Sociology, Western Michigan University
1903 W Michigan Ave, Kalamazoo MI 49008-5257 USA

ORCID ID: 0000-0002-1009-8246

E-mail: elena.gapova@wmich.edu

Abstract: The goal of this paper is to make sense of social change that made the unprecedented mobilization of 2020 in Belarus possible. While its driving force has been the urban educated class, it is still possible to argue that the political dividing line does not cut between the occupational groups of those employed in information/digital economy on the one side and more traditional industrial one on the other. Rather, the division is between those included into the “system” and those outside of it. Those inside the “system” collectively control the state, have access to wrangling public money, and are the beneficiaries of state capitalism. The “system” also controls how the law is applied and defines and imposes “state ideology,” a loose doctrine of patriotism and loyalty to the president that is taught in schools and universities and promoted by state-run media and art. By recurring to daily public acts of resistance protesters realize their agency and personal autonomy. By acting as free and autonomous subjects, they achieve self-awareness and become “themselves.” This signification has political meaning, as it is related to political subjectivity or citizenship, which stands for the status of a person in her political and legal relationship with the state. (Liberal) Citizenship implies autonomy, the recognition of an individual as an equal partner, and her ability to confront (and sue) the state. Thus, the Belarusian revolution strives for a different social contract with the state. At the same time, the Belarusian revolution

1 Некоторые идеи, обсуждаемые в этом тексте, были ранее изложены в: Elena Gapova. “Class, Agency, and Citizenship in Belarusian Protest.» *Slavic Review*, 2021, v. 80 (1).

is one case of post-Soviet colour revolutions. According to V. Ishchenko and O. Zhuravlev, responding to the crisis of political representation, they are “deficient,” as large-scale mass protest combines with revolutionary aspirations, rhetoric, and repertoires of collective action with only vaguely articulated claims, loose structures of mobilization, and weak and dispersed leadership.

Key words: Belarus, revolution, class, agency, citizenship

За последние четверть века Беларусь обрела устойчивую репутацию, став хрестоматийным воплощением «электорального авторитаризма», когда регулярно проводящиеся референдумы и выборы не имели значимого содержания. Своим заранее известным результатом они скорее укрепляли политический режим, чем расшатывали его², а некоторые комментаторы вообще рассматривали их как фиктивные мероприятия³, что частично объясняло и апатичное отношение к ним большинства избирателей. Призывы оппозиции к бойкоту и протестам против предполагаемой фальсификации результатов вызвали ограниченный отклик в связи как с высокими рисками, так и с самой повесткой «старой» оппозиции с ее фокусом на языке, культуре, национальной травме и т. д. Этот комплекс проблем, характерный для «запаздывающих» (late) восточно- и центральноевропейских наций, не был популярен в современном модернизированном и становившемся все более городским и глобальным обществе. Президентские выборы 2020 г. с самого начала развивались по другому сценарию. В ответ на самовыдвижение «новых людей» — председателя правления банка (Виктора Бабарико), директора Парка высоких технологий (Валерия Цепкало) и известного, особенно в провинции, критического блогера (Сергея Тихановского) — множество искренне вовлеченных избирателей не только встали в очереди на городских улицах, чтобы подписаться за новых кандидатов, но и по собственной инициативе распечатывали подписные листы и обходили соседей по дому или подъезду и принимали участие в других формах агитации.

В этом тексте делается попытка понять, какие социальные изменения лежат в основе такой массовой мобилизации. Очевидно, что необходимые для решения этой задачи социологические инструменты весьма ограничены вследствие многолетнего запрета на негосударственные социологические опросы и исследования

2 Sofie Bedford, “The Election Game:» Authoritarian Consolidation Processes in Belarus», *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization* 25, no. 4 (Fall 2017), 381.

3 На этом основании Беларусь иногда относят к категории «закрытых авторитаризмов».

(в том числе экзитполы) и распространение информации об общественных настроениях в СМИ, а также ликвидации социологических лабораторий (что с очевидностью стало проблемой и для самой власти, не получающей обратной связи от общества). Поэтому данные об общественных настроениях и сдвигах могут быть получены только посредством «низовой» социологии, когда исследователи полагаются на цифровые следы деятельности, не связанной собственно с производством количественных данных, и осуществляют триангуляции на основании подписей под петициями, статистики доступа к интернет-ресурсам⁴, удаленных опросов, доступных протоколов отдельных избирательных комиссий, анализа десятков тысяч бюллетеней, отправленных на сайт проекта «Голос», а также качественных данных⁵. Белорусская революция, ставшая с самого начала международным медиасобытием, «запустила» интертекстуальную сетевую дискуссию, к которой подключились исследователи, гражданские активисты и комментаторы из многих стран, так как новые коммуникационные технологии дают возможность проводить обсуждения «поверх» разнообразных цифровых платформ и государственных границ. Так, когда философ и публичный интеллеktуал Славой Жижек опубликовал в британском *The Independent* статью, в которой утверждал, что белорусы пытаются «догнать» западную либеральную демократию в тот момент, когда она находится в кризисе⁶, антрополог Андрей Возьянов разместил на Facebook свой открытый ответ⁷, который был перепечатан (или «перепощен») и обсуждался на различных порталах и на разных языках. В этом продолжающемся акте коллективного производства знания — в блогах, твитах и даже отдельных комментариях — политическая вовлеченность соединяется с профессиональной рефлексией в попытке противостоять усиливающимся авторитарным тенденциям в академии

4 Andrey Vozyanov (2021). “Grassroots Sociology, Data Hierarchies, and the Challenge of Posing Relevant Questions In and About Belarus”. *Status Research Platform*. <http://statusproject.net/grassroots-sociology/?fbclid=IwAR0TOHeJsv7I3rvSseddVvk0w4UtcncbCXqlPhmdzV1k9jXMXepS5e7r1BE>.

5 Наиболее достоверными документами, выработанными на основании триангуляции различных источников, считаются: «Исследование о результатах выборов Президента Республики Беларусь 2020 года. На основе официальных протоколов УИК и данных платформы “Голос”», 2021 *voice_release_report.pdf* — Google Drive; Ryhor Astapenia “Why the Belarusian Revolution Has Stalled”, Chatham House, 2021 *Why the Belarusian revolution has stalled* | Chatham House — International Affairs Think Tank.

6 Slavoj Žižek, “Belarus’s Problems Won’t Vanish when Lukashenko Goes”, *Independent* (August 24, 2020). <https://www.independent.co.uk/voices/belarus-election-lukashenko-minsk-protests-democracy-freedom-coronavirus-a9685816.html> (accessed February 2, 2021).

7 См. здесь: <https://www.facebook.com/andrey.vozyanov/posts/3227943123927058>.

и публичной сфере⁸. Я обязана этому «коллективному разуму» многочисленными эвристическими моментами при поиске ответов на два вопроса: кем являются протестующие с социологической точки зрения и в чем состоит их политическая воля?

«А хто там ідзе?»: социальная карта протеста

Исследователи и социальные комментаторы, стремясь разобраться в факторах революционного подъема лета 2020 г., отмечали силу «коммуникативного действия», ставшего возможным с появлением новых цифровых платформ; выход на политическую сцену «небитого» поколения, которое взросло при относительной либерализации последних лет⁹, а также опыт низовой мобилизации, приобретенный белорусским обществом во время первой волны пандемии¹⁰. Среди сопутствующих причин отмечалось и относительное ухудшение экономической ситуации вследствие международного карантина, закрывшего возможность белорусским «гастарбайтерам» выезжать на заработки в Россию. Вместе с тем протесты в Беларуси с ее низким уровнем экономического неравенства¹¹ и развитой системой перераспределения (но и невысокой производительностью труда, то есть объемом распределяемого продукта) не стали следствием собственно экономической депривации.

Названные факторы относятся к сфере *агентности*, т.е. способности людей действовать независимо, осуществлять свою волю и делать самостоятельный выбор. Будучи важными триггерами протеста, они тем не менее вторичны, так как срабатывают только на фоне складывания новых структурных и демографических разделений, относящихся, говоря марксистским языком, к общественному «базису»: классовых, возрастных, гендерных,

- 8 Примером работы академической цензуры является подготовленный Институтом социологии АН Беларуси обзор 2020 года, в котором выборы, главное событие года, упоминаются только один раз: при указании на большое количество обращений к информационному ресурсу tut.by 9 августа 2020 года.
- 9 Артем Шрайбман, «Выросло небитое поколение», Еврорадио (17.06.2020). <https://euroradio.fm/ru/shraybman-vyroslo-nebitoe-pokolenie-i-vlasti-pov-yshayut-cenu-protesta>
- 10 См. «Беларусь в ситуации эпидемии COVID-19: характер реакции на проблему государства и общества». Под ред. О. Шелест и А. Егорова. 2020. Беларусь в ситуации эпидемии COVID-19: характер реакции на проблему государства и общества (eurobeltarus.info).
- 11 Согласно оценке Всемирного Банка, индекс Джини в Беларуси составляет 25,3. Для сравнения: в России — 37,5; в Литве — 35,7. См.: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?locations=BY>.

религиозных и т.д. Собственно эта формирующаяся социальная структура — основа массовой мобилизации — и является предметом моего интереса. Поэтому вначале я приведу некоторые данные об социальном составе протеста, а затем попробую обозначить те социальные подразделения, которые оказались значимы для мобилизации.

Известно, что в развернувшихся после 9 августа протестах участвовало не менее одного миллиона человек, и — что важно — 70% из них вышли на улицы впервые. Также впервые протестные акции происходили повсеместно: в первый день выступления против фальсификации выборов состоялись в 19 населенных пунктах, а в первую неделю — не менее чем в ста городах и поселках с населением более 5000 человек, с некоторым преобладанием запада над востоком республики¹². Наиболее многочисленными они были в Минске, однако в небольших поселениях процент протестующих по отношению к количеству населения мог быть выше (как и риски для участников).

С точки зрения возрастного распределения, в протестах участвовало приблизительно равное количество молодых и пожилых людей: 20% составляли лица от 18 до 29 лет и также 20% — лица старше 55. Среди участников протестов отмечены члены различных социальных групп и возрастных когорт, включая людей старшего возраста и инвалидов, при приблизительно равном количестве мужчин и женщин, однако в разные периоды или дни наблюдались колебания в ту или иную сторону¹³. Работники заводов интенсивно влились в протестные акции в конце первой и на второй неделе в ответ на расширение государственного насилия, однако общий уровень образования у протестующих был выше, чем у населения в целом¹⁴. Очевидно, что социальную базу протеста составляли русскоязычные профессионалы среднего достатка с вкраплением других профессиональных категорий: в наибольшей степени это был протест русскоязычной «интеллигенции и новых групп — учителя, преподаватели вузов, креативный класс, работники культуры, медиа, очень много айтишников»¹⁵. Такой

12 Emma Mateo, “From ‘Glory to Ukraine’ to ‘Long Live Belarus’: A Comparison of Mass Mobilization in Ukraine (2013–2014) and Belarus (2020)”. Вебинар Harvard Ukrainian Research Institute, 23.11.2020: <https://www.youtube.com/watch?v=jm1D1yidXXE&feature=youtu.be>.

13 Там же.

14 Андрей Вардомацкий, Вадим Можейко, Антон Рулев, «Новая социология для новой Беларуси», *Наше мнение*, 2021. https://nmnby.eu/news/discussions/7360.html?fbclid=IwAR3Y2fZbKATJzFn__g5ZowrfcyhTQ19If7oYXlnXx-HEKjSEPhWrkx0oZhpw

15 Оксана Шелест. «Белорусы готовы к долгой борьбе». Социолог о настроениях протестующих | Беларусь: взгляд из Европы — спецпроект DW | DW | 26.08.2020.

коллективный портрет позволяет предположить, почему «новые» кандидаты — состоявшиеся профессионалы и публичные фигуры, образованные, обладающие современным кругозором, с хорошей речью и чувством юмора, известные своими жизненными принципами и общественной деятельностью — оказались столь притягательны для новых городских групп, которые могли легко идентифицироваться с ними и даже, вероятно, видеть в них «желательные» версии самих себя.

Вопрос, однако, состоит в следующем: как можно социологически свести в одну группу условного банкира и свободного художника или фрилансера из активистской среды, вынужденного постоянно искать источники финансирования и перебивающегося неустойчивыми заработками? Наиболее очевидный ответ — обратиться, соблюдая теоретическую осторожность, к концепции «нового класса» и посмотреть, можно ли адаптировать его к своеобразной реальности белорусского государственного капитализма.

Понятие «нового класса» имеет более чем вековую социологическую историю: впервые о новых «неэкономических» классах стали писать социологи Макс Вебер и Торстен Веблейн, обратившие в 1920-е годы (т.е. во время подъема фордистской системы точно-массового производства) внимание на формирование новых профессиональных, бюрократических и менеджерских элит. При социализме к этой категории относили то номенклатуру,¹⁶ то интеллигенцию¹⁷; после перехода к постиндустриальной экономике социолог Ричард Флорида ввел (постоянно подвергающееся переопределению) понятие «креативного класса». Общей чертой всех этих групп является обладание особыми видами капитала (экспертным знанием, доступом к информации, профессиональными и социальными навыками), востребованными в технологически развитых обществах. В настоящее время концепт «класса» подразумевает социальные разделения, привилегии и исключение, которые выстраиваются на основании неэкономических (опосредованно связанных с экономическим неравенством) различий (*distinctions*, в терминологии П. Бурдьё) в обладании культурой, определенным габитусом и т.д. Класс признается организующим концептом для теоретизирования широкого набора дифференциаций в образовании, ценностях, роде занятий (способе получения средств к существованию), стиле жизни, доступе к неэкономическим ресурсам и т.д.¹⁸, а доминирование

16 Milovan Đilas (Djilas). *The New Class: An Analysis of the Communist System*. Harcourt Brace Jovanovich, 1957.

17 George Konrad and Ivan Szelenyi. *The Intellectuals on the Road to Class Power*. 1979.

18 Wendy Bottero (2004). "Class Identities and the Identity of Class", *Sociology*, V. 38 (5).

и исключение производятся при помощи различных видов капитала и даже власти дискурса. Что касается постсоциалистического региона, то здесь формирование «новых» классов выстраивается параллельно с подключением к рынку и глобальному капитализму, формированием экономического неравенства, деиндустриализацией и переходом к экономике услуг.

Прилагая приведенные рассуждения к белорусскому случаю, можно предположить, что социальная природа «небитого поколения» сродни «новому классу» (возрастное различие здесь значимо, но не первично), члены которого заняты в постиндустриальной экономике услуг, где интеллектуальные, культурные и образовательные капиталы являются основанием для получения дохода и привилегий¹⁹. Действительно, среди образованных профессионалов, составляющих основу протеста, можно выделить две активные группы. Первая – это занятые в сфере информационных технологий (ИТ), значимом секторе белорусской экономики, берущем начало от приоритетов эпохи «холодной войны». В тот период правительства двух «противостоящих систем» вкладывали значительные средства в развитие учреждений образования, исследования и производства, связанные с электроникой и соположенными сферами. С распадом социализма и индустриальной экономики постсоветское пространство, где имела образованная рабочая сила, готовая работать за меньшее (по сравнению с западными инженерами) вознаграждение, стало привлекательным местом для аутсорсинга западных заказов. С учетом этой новой конъюнктуры и сформированной в советское время технологической и образовательной базы белорусское правительство основало в 2005 г. Парк высоких технологий (директором которого был в свое время Валерий Цепкало) и предоставило отрасли налоговые льготы. В настоящее время белорусский ИТ-сектор, предмет национальной гордости²⁰, производит 5,6% белорусского ВВП, создает около 15% новых рабочих мест, а EPAM Systems, один из крупнейших разработчиков программного обеспечения в Европе, торгуется на ньюйоркской фондовой бирже²¹. «Айтишники» обладают особым видом экспертного капитала, необходимым для создания технологической базы глобального капитализма, а потому

19 Lawrence Peter King and Ivan Szelenyi, *Theories of the New Class: Intellectuals and Power* (Minneapolis, 2004).

20 Достижения белорусского ИТ-сектора в результате направленной госполитики особо отмечаются в фильме Ю. Дудя о постсоветских программистах «Кремниевая Долина» (<https://www.youtube.com/watch?v=9lO06Zxhu88>) и интервью Е. Осетинской с Микитой Микадо в программе «Русские норм» (<https://www.youtube.com/watch?v=oXxifcSrYIE>).

21 Национальный статистический комитет РБ: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/informatsionno-telekommunikatsionnye-tekhnologii/>.

являются экономически успешной группой и бенефициарами постиндустриальной экономики.

На другом конце спектра двигателей протеста расположена еще одна характерная для постиндустриального общества группа. Ее составляет образованный прекариат, часто фрилансеры, включенные в глобальный медийный рынок, где производится популярный интеллектуальный и развлекательный контент: реклама, независимая журналистика, видео, музыка, современное искусство и т.д. Многие из них годами заняты в кратковременных проектах, которые организуются через сети международного экологического, феминистского или правозащитного информационного обмена. При такой прекарной занятости участники креативного рынка должны постоянно беспокоиться о нахождении следующей программы, что требует включенности в проектные и информационные сети, поддержания собственной «ресурсности» и в некотором смысле маркетизации себя в качестве «интересного человека».

На основании такого протестного расклада может сложиться впечатление — как я покажу далее, не вполне верное, — что беларусское политическое разделение проходит по линии способа получения дохода (типа занятости), когда с одной стороны находятся занятые в постиндустриальной информационной и сервисной экономике, а с другой — в традиционной: в государственном секторе либо промышленном производстве. Действительно, в Беларуси, где были сохранены индустриальные гиганты, построенные когда-то в расчете на огромный советский «рынок», а впоследствии переориентированные на российский, количество промышленных рабочих достигает полутора миллионов человек. В августе 2020 г. они составляли до 21% протестующих, а забастовки, приостановление работы и другие формы коллективных действий имели место по крайней мере на 89-ти предприятиях. Это самое крупное выступление рабочих начиная с 1991 г. не только в Беларуси, но и на постсоветском пространстве, учитывая, что промышленный пролетариат практически не принимал участия в цветных революциях²². Однако — и это важно для понимания протестного расклада — большинство промышленных предприятий, за исключением нефтеперерабатывающего консорциума «Белнефтехим» и добывающего «Беларуськалий», дотируются государством, и по мере эскалации преследований, арестов активистов, непродления контрактов и использования других средств давления рабочие практически вышли из протестов. Как работники госпредприятий, они находятся в слабой позиции, неся очень высокие риски преследований и потери средств к существованию, так как

22 Volodymyr Artiukh (2021). “The Anatomy of Impatience: Exploring Factors behind 2020 Labor Unrest in Belarus”. *Slavic Review*, v. 80 (1). P. 52.

госпредприятия выполняют и социальные функции обеспечения занятости и социальной поддержки²³, в частности, предоставления жилищных займов и т.д. Очевидно, что недовольство рабочих сохранилось, однако попытки канализировать его во всеобщую забастовку не увенчались успехом в рамках существующего институционального устройства.

Очевидно, линия политического разделения происходит не между (профессиональными) группами, а где-то внутри них: с одной стороны находятся те, кто включен в «систему», с другой — те, кто из нее исключен, образуя, таким образом, два «мегакласса»²⁴. Принадлежность к системе может быть связана с родом занятий, но важнее занимаемое в этой системе место. Например, личный водитель госчиновника на высокой должности включен в «систему», а мелкий предприниматель, не имеющий связей в среде госбюрократии, исключен (и постоянно находится под страхом преследования на произвольных основаниях). Те, кто принадлежит к «системе», коллективно контролируют государство, заведуют распределением денежных средств и общественных ресурсов (что не означает прямого присваивания) и являются бенефициарами госкапитализма. «Система» также контролирует произвольное применение (или неприменение) закона и вырабатывает «госидеологию», представляющую собой нестрогую доктрину, основу которой составляет (изменяемый согласно необходимости текущего момента) вариант патриотизма и лояльности к власти (и конкретно к первому лицу)²⁵. Госидеология преподается в учреждениях образования (как в виде отдельных курсов, так и через включение в другие предметы и внеклассную активность), а также продвигается государственными СМИ и госискусством. В этом случае становится понятно, почему врачи, т.е. работники госсектора, не контролирующие ресурсы (и обладающие информацией о последствиях применения насилия), выходили на протесты вместе с предпринимателями и «креативщиками», в то время как госбюрократы, администрация вузов, главы местного управления, а также участники «государственного шоу-бизнеса», например, дуэт сестер Груздевых, певец Александр Солодуха и другие, получающие доход от выступлений на пропагандистском телевидении,

23 Kseniya Zaika, "Some Thoughts on the Failure of National Strike in Belarus", *Leafteast*, 2021. http://www.criticatac.ro/leafteast/some-thoughts-on-the-failure-of-the-national-strike-in-belarus/?fbclid=IwAR1i_Z9GCv7cou_ou_s7lQv6gzmcU9eK_BEwJZr-ECDwfFnlxk89Qa2J48#.X_XHAKZllg.facebook

24 Владимир Пастухов, «Революция отходит с Белорусского вокзала», *Новая газета*, 18.09.2020, <https://novayagazeta.ru/articles/2020/09/14/87084-revolutsiya-othodit-s-belorusskogo-vokzala>.

25 В октябре 2021 г. в СМИ появились сообщения, что работники госсектора обязаны быть лояльны к власти и должны это доказывать на основании поведения в соцсетях, каких-то поступков и т.д.

находятся с другой стороны. Теоретически артистические и художественные типы должны быть в одной группе, но в реальности они черпают ресурсы из разных источников, воплощают различные эстетические принципы и работают на различные аудитории. В этом государстве-корпорации существует один центр власти: она принадлежит человеку, опирающемуся в отсутствие легитимности на армию и силовые структуры. Таким образом, он осуществляет, пользуясь терминологией А. Грамши, доминирование без гегемонии²⁶, так как за последнее десятилетие произошли важные изменения в социальной структуре и составе элит и «его» электорат более не является доминирующей группой.

«А чаго ж трэба ім?»: язык самоописания протеста

В разгар мирных протестов, когда видео с постоянно происходящих акций выкладывались в интернет несколько раз в день, в одном и том же шествии можно было наблюдать верующих католиков (певших псалмы), представителей лгбт-сообщества с флагами и плакатами, байкеров, инди-музыкантов, «обычных граждан», представителей профессиональных групп (врачей, работников заводов) и так далее. Если, как указывает М. Габович, протест является формой политической коммуникации²⁷, какое послание является общим для всех этих людей? Иными словами, какая «коммуникативная необходимость» заставила выйти на улицы те 70% протестующих, которые никогда ранее этого не делали?

Так как в сложившихся обстоятельствах предвыборная борьба фокусировалась на личностях кандидатов, их программы и их политические позиции были «интуитивно понятны» сторонникам, но не обсуждались как таковые, поэтому судить о том, «за что» именно вышли на улицы сотни тысяч человек, следует на основании культурных свидетельств: видео с шествий и протестных акций, текстов плакатов, лозунгов, музыки и «кричалок», выступлений рабочих на августовских встречах с менеджерами предприятий и городской администрацией, постов в открытых группах в ФБ и на других платформах; а также заявлений Светланы Тихановской с разъяснением ее решения идти на выборы. В самом общем смысле можно сказать, что протестующие хотели «перемен» (рис. 1): песня Виктора Цоя под таким названием, связанная с одним из важных эпизодов протеста, стала его символом²⁸. Соглас-

26 Volodymyr Artiukh (2020). More contagious than coronavirus: electoral unrest under Lukashenka's tired rule in Belarus. *Open Democracy*.

27 Mischa Gabowitsch (2017). *Protest in Putin's Russia* (Malden, Mass. P. 51).

28 В октябре 2021 г. музыкант Владимир Шиманский был приговорен к трем

но социологическим опросам, в течение последнего десятилетия число тех, кто был за «перемены» (в противовес «стабильности»), постоянно росло, достигнув 70% населения²⁹. Лозунг «перемен» скандировали во время шествий и писали (и продолжают писать) на стенах, перемены же эти заключались в том, что участники хотели «людьми зваться».

Эта строчка из хрестоматийного, заученного в школе стихотворения Янки Купалы, или какие-то варианты со сходным смыслом звучали на встречах с администрацией рабочих Гродна-Азота, шахтеров Солигорска, минчан, что пришли разговаривать с главой (марионеточной) Комиссии по правам человека Национального собрания, и т. д. На одной из таких встреч немолодой рабочий, обращаясь к топ-менеджерам завода, специально подчеркнул неэкономический характер коллективных требований: «Мы сейчас не требуем увеличения зарплаты...» (а, следовало из его речи, проявления уважения к нашему выбору). В эти же дни на площади перед минской филармонией философы (в основном женщины) публично читали трактат Джона Локка о свободе, и фраза «никто не может быть подвергнут принуждению со стороны... другого человека...» звенела в воздухе. Тогда же в ФБ появились группы с говорящими названиями «Честные люди» и «Хватит бояться», а вышедшие на улицу 16 августа рабочие Минского тракторного завода

годам «химии» за то, что «вместе с другими музыкантами играл на инструментах и исполнил музыкальную композицию, похожую на песню «Перемен!» группы «Кино» на слова Виктора Цоя». Информация на телеканале «Настоящее время». <https://www.currenttime.tv/a/belarus-shimansky/31535850.html>.

29 Aksana Shelest, Andrei Kazakevich. Sociology of Protest in Belarus and International Assistance. Policy Brief. 2021. <https://drive.google.com/file/d/1YgamFE0wyAD8utpzH0skgDeQwfB1XWVu/view>

написали на огромной растяжке «Мы не быдло». Всеми возможными способами протестующие обращались к понятию достоинства.

В последние годы категория достоинства стала упоминаться часто и в различных обстоятельствах. Украинский Майдан назван «революцией достоинства»; реклама краски для волос гласит «ты этого достойна»; к признанию своего (коллективного) достоинства апеллируют все новые группы — этнические, различного рода меньшинства — по всему миру. Однако это понятие (иногда синонимичное «чести» или «уважению») неоднозначно: из какой именно субстанции состоит оно в беларусском случае? На основании анализа значительного корпуса протестных высказываний можно утверждать, что для говорящих достоинство связано с агентностью, проявлением собственной воли и индивидуальной автономии как основой коллективной идентичности и получения признания. Иными словами, совершая мирные, но публичные акты сопротивления, протестующие становились кем-то, кем хотели себя видеть. В течение нескольких месяцев репертуар коллективного действия включал, помимо многотысячных маршей, пикеты, флешмобы и перформансы; волонтерство у ворот тюрем и помощь родственникам заключенных, сборы передач в тюрьмы и изоляторы, выписку газет и написание писем заключенным; организацию выступлений артистов и музыкантов, поэтов и публичных интеллектуалов у себя во дворах и районах; нанесение граффити, вывешивание флагов, а когда это стало невозможным вследствие жестоких репрессий — белья «протестных цветов» прямо на балконах (что сейчас также является поводом для ареста), «борьбу в интернете» и т. д. «Айтишники» провели несколько хакатонов и создали платформу «Голос», на которую избиратели могли отправлять фото своих бюллетеней (что стало важным источником для подтверждения фальсификации выборов), а работающие в Силиконовой долине создали Фонд солидарности BYSOL для оказания помощи всем, кто «подвергся репрессиям, преследованиям или потерял работу за участие в забастовках или мирных протестах в Беларуси»³⁰. Внести средства в этот Фонд может любой желающий; вообще, сборы денег через программы помощи пострадавшим (на уплату штрафов, помощь в покупке еды) происходят постоянно (что стало квалифицироваться как финансирование протестов и влечет преследование по уголовной статье).

Эта деятельность носит добровольный, повседневный и даже «бытовой» характер, а потому лежит в основании формирования идентичности: протестующие постоянно подчеркивали, что занимаются ею по собственному выбору, реализуют таким образом свою волю (в то время как власть все время искала зарубежных

30 См.: <https://bysol.org/english>.

«кукловодов», управляющих мобилизацией). Одна участница протестов записала у себя в ФБ: «Старая оппозиция пыталась вернуть нам наши права, а новая вернула нам самих себя. Они сказали: “Вы знаете, что вам надо делать. Идите и делайте”». ³¹ Другими словами, протестующие действуют как автономные независимые субъекты, которые реализуют свою волю и, таким образом, достигают «самоосознания», т. е. становятся «самими собой» или, вернее, теми, кем, считают они, они и являются: групповое «означивание (signification) происходит в процессе борьбы за означивание» ³². Социолог Оксана Шелест, которой удалось взять ряд интервью у протестующих, отмечает, что многие из них, от работниц детского сада до людей креативных профессий, говоря о своих претензиях к нынешнему режиму, называли главной из них невозможность развиваться и реализовать себя ³³.

Антиавторитарная революция граждан

Описанное выше самоозначивание носит политический характер, так как связано с политической субъектностью и категорией гражданства, т. е. статусом человека в его правовых и политических отношениях с государством. Категория гражданства, начиная с Аристотеля, предполагала автономию, признание человека равным партнером в отношениях (поэтому женщины и рабы не могли быть гражданами) и, в наше время, возможность граждан контролировать государство и призывать его к ответу (и даже подавать на него в суд). Показательным примером стремления получить признание в качестве *равного*, т. е. обладающего голосом, гражданина может быть серия видео, записанных известным минским ресторатором и публичной фигурой Вадимом Прокопьевым. Покинув страну за несколько месяцев до выборов, он был виртуально вовлечен в протесты посредством серии агитационных роликов — монологов, адресованных первому лицу государства, в которых вызывал его на дуэль (на фоне боксерской груши), стыдил за применение насилия в отношении безоружных людей, намеренно оскорблял «как слабого» («ты проиграл») и т. д. ³⁴ Каждое видео набирало более полутора миллионов просмотров, таким

31 Пост анонимизирован, так как был размещен в режиме «для друзей».

32 Jana Tsoneva, *The Making of the Bulgarian Middle Class: Citizens against the People in the 2013 Protests*. PhD diss., Central European University, 2019.

33 Андрей Вардоматский, Вадим Можейко, Антон Рулев. «Новая социология для новой Беларуси», Наше мнение, 2021. https://nmnby.eu/news/discussions/7360.html?fbclid=IwAR3Y2fZbKATJzFn__g5ZowrfcyhTQl9If7oYXlnXx-HEKjSEPhWrkx0oZhpw

34 См., например: <https://www.youtube.com/watch?v=Z141LwybcLU&t=19s>.

образом автор стремился заговорить «во весь голос», быть услышанным (сообществом, но главное — непосредственным адресатом послания) и получить признание в качестве равного партнера, т.е. стать «гражданином». Важно, что автор видео (которые он продолжает делать) является представителем нового бизнес-класса, члены которого не получают ресурсы от государства напрямую (как при социализме или работе в госсекторе), а заняты в экономике услуг и заинтересованы в существовании безличных и прозрачных правил, которые были бы одинаковы для всех участников рынка. Честный подсчет голосов на выборах является одним из доказательств того, что правила соблюдаются, так как для этого необходимо разделение властей и ограничение ее исполнительной ветви.

Предвыборные заявления Светланы Тихановской также можно рассматривать как свидетельство «восхождения» к гражданству, однако ее ситуация является более сложной по причине особого женского статуса. Если Прокопьев стремится говорить с первым лицом непосредственно «как мужчина с женщиной» (в частности, вызывая его на дуэль, утверждая, что он ведет себя не как мужчина, и т. д.), то Тихановская находится в другой позиции. Долгое время женщинам было отказано в признании гражданами на основании их «особых качеств». Как считали Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо и другие гиганты Просвещения, женщины якобы не обладают качествами автономных субъектов, являясь по своей природе нерациональными, неспособными к независимым суждениям и постижению концепта объективности, приоритета общего блага над личным интересом, к ответственности за себя и к саморепрезентации³⁵. Действительно, с одной стороны, кажется, что С. Тихановская, которая вовлеклась в политическую деятельность вследствие ареста мужа, движима личным (а не объективным) интересом. В своих первых заявлениях она разъясняла, что хотела «детей, мужа и дальше жарить свои котлеты»³⁶, т.е. жить обычной жизнью, и вступила в предвыборную борьбу «по необходимости», что вызвало оживленное обсуждение как в феминистских кругах, так и в обществе в целом. Вместе с тем объявленное решение баллотироваться «ради тех, кто поверил ему [Сергею Тихановскому] и пошел за ним», является самостоятельным выбором, агентным актом. В ответ на вопросы о программе С. Тихановская отвечала: «Я не политик, я не умею управлять страной.

35 I. M. Young, "Impartiality and the Civic Public: Some Implications of Feminist Critique of Moral and Political Theory" // *Feminism as Critique*, S. Benhabib, D. Cornell (eds), Oxford 1987. M. Hakesworth, "Gender and the Public Sphere", *Ab Imperio. Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space*, 2007 (1).

36 «Главная соперница Лукашенко заявила о желании жарить котлеты вместо власти». Lenta.ru, 2020. <https://lenta.ru/news/2020/07/27/kotletki/>

Я технический кандидат. Я хочу победить и провести честные выборы с другими кандидатами»³⁷. Иными словами, ее цель состояла в том, чтобы способствовать волеизъявлению тех, кто лишен этой возможности при существующей системе, и, таким образом, утвердить приоритет безличного и объективного. Свои предвыборными выступления на телевидении в качестве зарегистрированного кандидата она начинала следующим образом:

Меня зовут Светлана Тихановская. Мне 37 лет. Я педагог и филолог по образованию, работала секретарем и переводчиком, свободно владею белорусским, русским и английским языками. Я не политик, это мой муж Сергей Тихановский хотел баллотироваться в президенты Беларуси. И за это он сейчас в тюрьме... Я, Светлана Тихановская, хочу стать президентом Беларуси ради перемены и ради новых, честных, открытых выборов после 9 августа.

Очевидно, что это речь гражданки: представившись, т.е. подтверждая свою ответственность за произнесенное, она встает против авторитарной «системы», в которой отсутствуют безличные правила, а политика произвольна. Она выступает за достижение некоторой универсалистской нормы (новые честные выборы), которая в идеале гарантировала бы всем членам «политики» участие в выборе власти. Тот факт, что поборница новой системы является женой и матерью (что, по мнению некоторых феминисток, нивелировало ее заявления, делая их «партикулярными»), непосредственно свидетельствует об универсальности и «безличности» искомого гражданства: оно по определению включает всех членов сообщества. Агентность, как указывала Наталья Павлович в тексте о женском участии в протестах, является не просто синонимом сопротивления отношениям доминирования, но умением действовать непосредственно в тех специфических рамках отношений доминирования, которые существуют в данный момент³⁸, в реальном социальном и культурном контексте.

В заключение

Беларусская антиавторитарная революция, имея целью пересмотр отношений между гражданином и государством, предполагает переход к другому «социальному контракту». В этом новом

37 Эта же позиция была подтверждена в интервью радиостанции «Эхо Москвы» 28.10.2021. <https://www.youtube.com/watch?v=Ztx6kPYOBdM>

38 Об агентности женского протеста см.: Natallia Paulovich, "How Feminist is the Belarusian Revolution? Female Agency and Participation in the 2020 Post-Election Protests". *Slavic Review*, 2021, V. 80 (1).

(либеральном) контракте граждане — в идеале — имеют возможность участвовать во власти, т.е. реализовать свою агентность и автономию, чего они были до сих пор лишены. Этот вывод находится в соответствии с высказанным украинским и российским социологами Владимиром Ищенко и Олегом Журавлевым утверждением, что «постсоветские революции являются ответом на острый кризис политического представительства...», при котором господствующие элиты более не способны заставить общество верить, что представляют его³⁹. Во время одного из выступлений российской оппозиции несколько лет назад протестующие даже несли лозунг «Вы нас даже не представляете».

Вместе с тем, полагают Ищенко и Журавлев, эти революции являются «недостаточными» (deficient): они осуществляют масштабный протест с его революционными надеждами, риторикой и репертуаром коллективных действий при слабо артикулированных целях, неустойчивых структурах мобилизации и слабом или «размытом» лидерстве⁴⁰. Очевидно, эту характеристику можно отнести и к белорусской революции, которая изначально была нацелена на реализацию общелиберального проекта (и здесь упомянутый в начале Славой Жижек прав) в специфических обстоятельствах государственного, а не олигархического капитализма. В реальности «гражданство» не является беспроблемной категорией: возникая в контексте классовообразования и формирования новой социальной структуризации, оно всегда сталкивается с необходимостью осмысления социального гражданства, т.е. решения вопросов перераспределения, организации социального государства в условиях рынка и, в конечном итоге, формулирования концепции общего блага. В какой-то момент в этих рамках непременно происходит борьба между различными (представляющими различные классы и группы) элитами, настаивающими на том, что именно они могут наилучшим образом представлять все общество. К сожалению, левая повестка во время протестов 2020 г. не была даже озвучена, в то время как некоторые левые группы сетовали на ее отсутствие вместо того, чтобы самим формировать ее. На данный момент, однако, трудно предполагать, когда возможность гражданского участия станет в белорусском обществе реальной.

39 Volodymyr Ishchenko, Oleg Zhuravlev. "How Maidan Revolutions Reproduce and Intensify the Post-Soviet Crisis of Political Representation". *PONARS Eurasia Newsletter*. 2021. <https://www.ponarseurasia.org/how-maidan-revolutions-reproduce-and-intensify-the-post-soviet-crisis-of-political-representation/?fbclid=IwAR3wrEZ7b8kPa0MtRialGIGk9lQHSRjYamLD4DNJ78ODVqa-949noi9TW-s>

40 Там же.

Литература

- БеларусьвситуацииэпидемииCOVID-19:характерреакциинапроблемугосударстваиобщества. Подред. О. Шелести А. Егорова (2020) [онлайн], *Центр Европейской Трансформации*. Доступ по: <https://cet.eurobelarus.info/ru/library/publication/2020/12/20/belarus-v-situatsii-epidemii-covid-19-harakter-reaktsii-na.html?fbclid=IwAR2WVFDZa82ARnp-in-AFnlEe9vV6WDiYX3C5YLxQMILr-BugOe7n6hg5lw> [Просмотрено 7 декабря 2021 г.].
- Вардомацкий, А., Можейко, В., Рулев, А. (2021) Новая социология для новой Беларуси, *Наше мнение* [онлайн] Доступ по: https://nmnby.eu/news/discussions/7360.html?fbclid=IwAR3Y2fZbKATJzFn__g5ZowrfcyhTQl9lf7oYXlnXhHEKjSEPhWrkx0oZhpw.
- В Беларуси волынщик Дмитрий Шиманский получил три года «химии» за участие в марше в августе 2020 года (2020), *Настоящее время*, 29.10.2021 [онлайн] Доступ по: <https://www.currenttime.tv/a/belarus-shimansky/31535850.html> [Просмотрено 7 декабря 2021 г.].
- Главная соперница Лукашенко заявила о желании жарить котлеты вместо власти (2020), *Lenta.ru*, 27.07.2020 [онлайн] Доступ по: <https://lenta.ru/news/2020/07/27/kotletki/> [Просмотрено 7 декабря 2021 г.].
- Дудь, Ю. (2020) Как устроена IT-столица мира [онлайн] Доступ по: <https://www.youtube.com/watch?v=9lO06Zxhu88> [Просмотрено 7 декабря 2021 г.].
- Исследование о результатах выборов Президента Республики Беларусь 2020 года. На основе официальных протоколов УИК и данных платформы “Голос” (2021) [онлайн] Доступ по: voice_release_report.pdf – Google Drive. [Просмотрено 7 декабря 2021 г.].
- Микита Микадо о белорусах в Долине, протестах и бизнесе без бумажек (2021), *Русские норм* [онлайн] Доступ по: <https://www.youtube.com/watch?v=oXxifcSrYIE> [Просмотрено 7 декабря 2021 г.].
- Национальный статистический комитет РБ [онлайн] Доступ по: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/informatsionno-telekommunikatsionnye-tehnologii/> [Просмотрено 7 декабря 2021 г.].
- Пастухов, В. (2020) Революция отходит с Белорусского вокзала, *Новая газета*, 18.09.2020 [онлайн] Доступ по: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/09/14/87084-revolyutsiya-othodit-s-belorussskogo-vokzala> [Просмотрено 7 декабря 2021 г.].
- Прокопьев, В. (2020) Прокопьев вызвал Лукашенко на дуэль [онлайн] Доступ по: <https://www.youtube.com/watch?v=Z14lLwybcLU&t=19s> [Просмотрено 7 декабря 2021 г.].
- Тузы / Светлана Тихановская и Алексей Венедиктов (2021), *Эхо Москвы*, 28.10.21 [онлайн] Доступ по: <https://www.youtube.com/watch?v=Ztx6k-PUOvDM> [Просмотрено 7 декабря 2021 г.].
- Шелест, О. (2020) Белорусы готовы к долгой борьбе. Социолог о настроениях протестующих, *Беларусь: взгляд из Европы – спецпроект DW*, DW, 26.08.2020 [онлайн] Доступ по: <https://www.dw.com/ru/belorusy-gotovy-k-dolgoj-borbe-sociolog-o-nastroenijah-protestujushhih/a-54704307> [Просмотрено 7 декабря 2021 г.].
- Шрайбман, А. (2020) Выросло небитое поколение, *Еврорадио*, 17.06.2020 [онлайн] Доступ по: <https://euroradio.fm/ru/>

- shraybman-vyroslo-nebitoe-pokolenie-i-vlasti-povyshayut-cenu-protesta [Просмотрено 7 декабря 2021 г.].
- Artiukh, V. (2020) More contagious than coronavirus: electoral unrest under Lukashenka's tired rule in Belarus, *Open Democracy*, August 4, 2020 [online] Available at: <https://www.opendemocracy.net/en/odr/electoral-unrest-under-lukashenkas-tired-rule-in-belarus/> [Accessed December 7, 2021].
- Artiukh, V. (2021) The Anatomy of Impatience: Exploring Factors behind 2020 Labor Unrest in Belarus. *Slavic Review*, vol. 80 (1), pp. 52-60.
- Astapenia, R. (2021) Why the Belarusian Revolution Has Stalled, Chatham House [online] Available at: https://www.chathamhouse.org/2021/02/why-belarusian-revolution-has-stalled?fbclid=IwAR1aHDmKlKJDC-fr9kl-K_bnYv-8Z4PtGZu5iA2naln1wfAQTurPae4gYZms [Accessed December 7, 2021].
- Bedford, S. (2017) The Election Game: Authoritarian Consolidation Processes in Belarus. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization* vol. 25 (4), pp. 381-406.
- Bottero, W. (2004) Class Identities and the Identity of Class, *Sociology*, vol. 38 (5), pp. 985-1003.
- Dilas (Djilas), M. (1957) *The New Class: An Analysis of the Communist System*. Harcourt Brace Jovanovich, 214 p.
- Gabowitsch, M. (2017) *Protest in Putin's Russia*. Polity, 300 p.
- Gapova, E. (2021) Class, Agency, and Citizenship in Belarusian Protest. *Slavic Review*, vol. 80 (1), pp. 45-51.
- Gini Index (World Bank Estimate) – Belarus [online] Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?locations=BY> [Accessed December 7, 2021].
- Hakesworth, M. (2007) Gender and the Public Sphere, *Ab Imperio. Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space*, no. 1, pp. 329-354.
- Ishchenko, V., and Zhuravlev, O. (2021) How Maidan Revolutions Reproduce and Intensify the Post-Soviet Crisis of Political Representation?. *PONARS Eurasia Newsletter* [online] Available at: <https://www.ponarseurasia.org/how-maidan-revolutions-reproduce-and-intensify-the-post-soviet-crisis-of-political-representation/?fbclid=IwAR3wrEZ7b8kPa0MtRialGIG-k9lQHSRJYamLD4DNJ78ODVqa949noi9TW-s> [Accessed December 7, 2021].
- King, P. L., and Szelenyi, I. (2004) *Theories of the New Class: Intellectuals and Power*. Minneapolis, 304 p.
- Konrad, G., and Szelenyi, I. (1979) *The Intellectuals on the Road to Class Power*. Harcourt Brace Jovanovich, 252 p.
- Mateo, E. From 'Glory to Ukraine' to 'Long Live Belarus': A Comparison of Mass Mobilization in Ukraine (2013–2014) and Belarus (2020), *Harvard Ukrainian Research Institute*, November 23, 2020 [online] Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=jm1DlyidXXE&feature=youtu.be> [Accessed December 7, 2021].
- Shelest, A., and Kazakevich, A. (2021) *Sociology of Protest in Belarus and International Assistance. Policy Brief* [online] Available at: <https://drive.google.com/file/d/1YgamFE0wyAD8utpzH0skgDeQwfB1XWVu/view> [Accessed December 7, 2021].
- Tsoneva, J. (2019) *The Making of the Bulgarian Middle Class: Citizens against the People in the 2013 Protests*. PhD diss., Central European University.

- Vozyanov, A. (2020) Dear Professor Slavoj Žižek... [online] Available at: <https://www.facebook.com/andrey.vozyanov/posts/3227943123927058> [Accessed December 7, 2021].
- Vozyanov, A. (2021) Grassroots Sociology, Data Hierarchies, and the Challenge of Posing Relevant Questions in and About Belarus. *Status Research Platform* [online] Available at: <http://statusproject.net/grassroots-sociology/?fbclid=IwAR0TOHeJsv713rvSseddVvk0w4UtcncbCXqIphmdzV1k9jX-MXepS5e7r1BE> [Accessed December 7, 2021].
- Young, I. M. (1987) Impartiality and the Civic Public: Some Implications of Feminist Critique of Moral and Political Theory. *Feminism as Critique*, S. Benhabib, D. Cornell (eds), Oxford, 208 p.
- Paulovich, N. (2021) How Feminist is the Belarusian Revolution? Female Agency and Participation in the 2020 Post-Election Protests. *Slavic Review*, vol. 80 (1), pp. 38-44.
- Zaika, K. (2021) Some Thoughts on the Failure of National Strike in Belarus, *Leafteast*, January 6, 2021 [online] Available at: http://www.criticatac.ro/lefteast/some-thoughts-on-the-failure-of-the-national-strike-in-belarus/?fbclid=IwAR1i_Z9GCv7cou_ou_s7lQv6gzmcU9eK_BEwjJZr-ECDwfFnLxk89Qa2J48#.X_XHakZZllg.facebook [Accessed December 7, 2021].
- Žižek, S. (2020) Belarus's Problems Won't Vanish when Lukashenko Goes, *Independent*, August 24, 2020 [online] Available at: <https://www.independent.co.uk/voices/belarus-election-lukashenko-minsk-protests-democracy-freedom-coronavirus-a9685816.html> [Accessed February 2, 2021].

References

- Artiukh, V. (2020) More contagious than coronavirus: electoral unrest under Lukashenka's tired rule in Belarus, *Open Democracy*, August 4, 2020 [online] Available at: <https://www.opendemocracy.net/en/odr/electoral-unrest-under-lukashenkas-tired-rule-in-belarus/> [Accessed December 7, 2021].
- Artiukh, V. (2021) The Anatomy of Impatience: Exploring Factors behind 2020 Labor Unrest in Belarus. *Slavic Review*, vol. 80 (1), pp. 52-60.
- Astapenia, R. (2021) Why the Belarusian Revolution Has Stalled, Chatham House [online] Available at: https://www.chathamhouse.org/2021/02/why-belarusian-revolution-has-stalled?fbclid=IwAR1aHDmKlKJDC-fR9kl-K_bnYv-8Z4PtGZu5iA2naln1wfAQTurPae4gYZms [Accessed December 7, 2021].
- Bedford, S. (2017) The Election Game: Authoritarian Consolidation Processes in Belarus. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization* vol. 25 (4), pp. 381-406.
- Belarus' v situatsii epidemii COVID-19: kharakter reaktzii na problemu gosudarstva i obshchestva. Pod red. O. Shelest i A. Egorova (2020) [online] , Tsentr Evropeiskoi Transformatsii. Available at: <https://cet.eurobelarus.info/ru/library/publication/2020/12/20/belarus-v-situatsii-epidemii-covid-19-harakter-reaktsii-na.html?fbclid=IwAR2WVFDZa82ARnp-inAFnlEe9v-V6WDiYX3C5YLxQMIJLr-BugOe7n6hg5lw> [Accessed December 7, 2021].
- Bottero, W. (2004) Class Identities and the Identity of Class, *Sociology*, vol. 38 (5), pp. 985-1003.

- Dilas (Djilas), M. (1957) *The New Class: An Analysis of the Communist System*. Harcourt Brace Jovanovich, 214 p.
- Dud', Iu. (2020) Kak ustroena IT-stolitsa mira [online] Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=9lO06Zxhu88> [Accessed December 7, 2021].
- Gabowitsch, M. (2017) *Protest in Putin's Russia*. Polity, 300 p.
- Gapova, E. (2021) Class, Agency, and Citizenship in Belarusian Protest. *Slavic Review*, vol. 80 (1), pp. 45-51.
- Gini Index (World Bank Estimate) — Belarus [online] Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?locations=BY> [Accessed December 7, 2021].
- Glavnaia sopernitsa Lukashenko zaiavila o zhelanii zharit' kotlety vmesto vlasti (2020), Lenta.ru, 27.07.2020 [online] Available at: <https://lenta.ru/news/2020/07/27/kotletki/> [Accessed December 7, 2021].
- Hakesworth, M. (2007) Gender and the Public Sphere, *Ab Imperio. Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space*, no. 1, pp. 329-354.
- <http://statusproject.net/grassroots-sociology/?fbclid=IwAR0TOHe-Jsv713rvSseddVvk0w4UtcncbCXqlPhmdzV1k9jXMXepS5e7r1BE> [Accessed December 7, 2021].
- <https://bysol.org/english> [Accessed December 7, 2021].
- Ishchenko, V., and Zhuravlev, O. (2021) How Maidan Revolutions Reproduce and Intensify the Post-Soviet Crisis of Political Representation". *PONARS Eurasia Newsletter* [online] Available at: <https://www.ponarseurasia.org/how-maidan-revolutions-reproduce-and-intensify-the-post-soviet-crisis-of-political-representation/?fbclid=IwAR3wrEZ7b8kPa0MtRialGIG-k9lQHSRJYamLD4DNJ78ODVqa949noi9TW-s> [Accessed December 7, 2021].
- Issledovanie o rezul'tatakh vyborov Prezidenta Respubliki Belarus' 2020 goda. Na osnove ofitsial'nykh protokolov UIK i dannykh platformy "Golos" (2021) [online] Available at:
- King, P. L., and Szelenyi, I. (2004) *Theories of the New Class: Intellectuals and Power*. Minneapolis, 304 p.
- Konrad, G., and Szelenyi, I. (1979) *The Intellectuals on the Road to Class Power*. Harcourt Brace Jovanovich, 252 p.
- Mateo, E. From 'Glory to Ukraine' to 'Long Live Belarus': A Comparison of Mass Mobilization in Ukraine (2013–2014) and Belarus (2020), *Harvard Ukrainian Research Institute*, November 23, 2020 [online] Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=jm1DlyidXXE&feature=youtu.be> [Accessed December 7, 2021].
- Mikita Mikado o belarusakh v Doline, protestakh i biznese bez bumazhek (2021), Russkie norm [online] Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=oXxifcSrYIE> [Accessed December 7, 2021].
- Natsional'nyi statisticheskii komitet RB [online] Available at: <https://www.belstat.gov.by/ofitsial'naya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/informatsionno-telekommunikatsionnye-tehnologii/> [Accessed December 7, 2021].
- Pastukhov, V. (2020) Revoliutsiia otkhodit s Belorusskogo vokzala, *Novaia gazeta*, 18.09.2020 [online] Available at: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/09/14/87084-revolutsiya-othodit-s-belorusskogo-vokzala> [Accessed December 7, 2021].
- Paulovich, N. (2021) How Feminist is the Belarusian Revolution? Female Agency and Participation in the 2020 Post-Election Protests. *Slavic Review*, vol. 80 (1), pp. 38-44.

- Prokop'ev, V. (2020) Prokop'ev vyzval Lukashenko na duel' [online] Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=Z141LwybcLU&t=19s> [Accessed December 7, 2021].
- Shelest, A., and Kazakevich, A. (2021) Sociology of Protest in Belarus and International Assistance. Policy Brief [online] Available at: <https://drive.google.com/file/d/1YGamFE0wyAD8utpzHOskgDeQwfB1XWVu/view>
- Shelest, O. (2020) Belorusy gotovy k dolgoi bor'be. Sotsiolog o nastroenii-akh protestuiushchikh, Belarus': vzgliad iz Evropy – spetsproekt DW, DW, 26.08.2020 [online] Available at: <https://www.dw.com/ru/belorusy-gotovy-k-dolgoj-borbe-sociolog-o-nastroenijah-protestujushhih/a-54704307> [Accessed December 7, 2021].
- Shraibman, A. (2020) Vyroslo nebitoe pokolenie, Evroradio, 17.06.2020 [online] Available at: <https://euroradio.fm/ru/shraybman-vyroslo-nebitoe-pokolenie-i-vlasti-povyshayut-cenu-protesta> [Accessed December 7, 2021].
- Tsoneva, J. (2019) *The Making of the Bulgarian Middle Class: Citizens against the People in the 2013 Protests*. PhD diss., Central European University.
- Tuzy / Svetlana Tikhanovskaia i Aleksei Venediktov (2021), *Ekho Moskvy*, 28.10.21 [online] Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=Ztx6k-PYOBdM> [Accessed December 7, 2021].
- V Belarusi volynshchik Dmitrii Shimanskii poluchil tri goda “khimii” za uchastie v marshe v avguste 2020 goda (2020), *Nastoiashchee vremia*, 29.10.2021 [online] Available at: <https://www.currenttime.tv/a/belarus-shimansky/31535850.html> [Accessed December 7, 2021].
- Vardomatskii, A., Mozheiko, V., Rulev, A. (2021) Novaia sotsiologiya dlia novoi Belarusi, *Nashe mnenie* [online] Available at: https://nmnby.eu/news/discussions/7360.html?fbclid=IwAR3Y2fZbKATJzFn__g5ZowrfcyhTQl91-f7oYXlnXxHEKjSEPhWrkx0oZhpw [Accessed December 7, 2021].
- voice_release_report.pdf – Google Drive. [Accessed December 7, 2021].
- Vozyanov, A. (2020) Dear Professor Slavoj Žižek... [online] Available at: <https://www.facebook.com/andrey.vozyanov/posts/3227943123927058> [Accessed December 7, 2021].
- Vozyanov, A. (2021) Grassroots Sociology, Data Hierarchies, and the Challenge of Posing Relevant Questions in and About Belarus. *Status Research Platform* [online] Available at: <http://statusproject.net/grassroots-sociology/?fbclid=IwAR0TOHeJsv713rvSseddVvk0w4UtcncbCXq1PhmdzV1k9jX-MXepS5e7r1BE> [Accessed December 7, 2021].
- Young, I. M. (1987) Impartiality and the Civic Public: Some Implications of Feminist Critique of Moral and Political Theory. *Feminism as Critique*, S. Benhabib, D. Cornell (eds), Oxford, 208 p.
- Zaika, K. (2021) Some Thoughts on the Failure of National Strike in Belarus, *Leafteast*, January 6, 2021 [online] Available at: http://www.criticatac.ro/leafteast/some-thoughts-on-the-failure-of-the-national-strike-in-belarus/?fbclid=IwAR1i_Z9GCv7cou_ou_s7IQv6gzmcU9eK_BEwjJZr-ECDwfFn1xk89Qa2J48#.X_XHAKZllg.facebook [Accessed December 7, 2021].
- Žižek, S. (2020) Belarus's Problems Won't Vanish when Lukashenko Goes, *Independent*, August 24, 2020 [online] Available at: <https://www.independent.co.uk/voices/belarus-election-lukashenko-minsk-protests-democracy-freedom-coronavirus-a9685816.html> [Accessed February 2, 2021].

БЕЛАРУССКИЕ ПРОТЕСТЫ 2020 ГОДА В КОСМОПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Григорий Миненков

BELARUSIAN PROTESTS OF 2020 IN COSMOPOLITAN DIMENSION

© Ryhor Miniankou

PhD, professor at European Humanities University
Savičiaus Str., 17, 01127 Vilnius, Lithuania

ORCID ID: 0000-0002-8144-8434

E-mail: ryhor.miniankou@ehu.lt

Abstract: The author bases upon the idea of forming a new subject of socio-political activity in Belarus at the present stage. The Belarusian revolution is essentially an innovative social process, which requires a new theoretical language to describe it. The source of the current revolutionary situation in Belarus is the conflict between the social archaic and the contemporaneity. We are witnessing the struggle of traditionalism (of modern type) with the need to construct models of social life for the 21st century. The global turn, in which Belarus is naturally included, requires us to rethink the methods and models for solving the traditional social problem of the relationship between universalism and particularism. The author believes that the most adequate way to interpret this process is using the language of the cosmopolitan theory, which is experiencing its revival in the format of a new cosmopolitanism. We are talking about comprehending a simultaneously shared and plural world by social actors, about a nature of their activity in such a world. Cosmopolitanism – as a worldview, disposition, and social practice – is associated with a conscious openness to the world and its cultural differences, the ability to look at oneself through the eyes of others. Of particular importance is the establishing of the so-called everyday cosmopolitanism. The author reveals the issue posed by the example of forming a new sociality in Belarus, the contemporary understanding of the national dimension of social life, the moral and ethical nature of the Belarusian revolution, which especially brings it closer to the cosmopolitan social program. Belarusians have entered the process of cosmopolitan socialization, which is understood as the process

of learning the rules of navigation in the transnational dimensions of the surrounding world.

Key words: new cosmopolitanism, globalization, universalism, cosmopolitan imagination, everyday cosmopolitanism, new sociality.

Уже стемнело — а не видно варваров.
Зато пришли с границы донесения,
что более не существует варваров.
И как теперь нам дальше жить без варваров?
Ведь варвары каким-то были выходом.

(Константинос Кавафис. В ожидании варваров.
Пер. И. Ковалевой)

В статье, посвященной анализу событий, связанных с президентскими выборами 2006 г. в Беларуси (Миненков, 2006), я пришел к выводу, что мы присутствуем при рождении в белорусском обществе нового политического Субъекта, субъекта, отвечающего потребностям и тенденциям развития современного глобального общества. Я обозначил этого субъекта термином «новая оппозиция», причем не столько в политическом смысле этого слова, сколько для характеристики гражданского сознания человека глобального мира, противостоящего изжившей себя социальной архаике. Речь идет о человеке, который «занимает критическую рефлексивную позицию по отношению ко всяким границам и ограничениям, который принимает инаковость другого и ищет способы согласованной жизни, который понимает, что всегда имеется множество проектов воображаемого будущего, и мы должны неким образом их сочетать исходя из практик включения, а не исключения» (Там же, с. 26). И именно такой человек, живущий в иной реальности, иных пространственно-временных координатах, детерминированных не прошлым, а будущим, в перспективе радикально изменит белорусское общество.

Представляется, что данный прогноз во многом подтвердился. Процессы революционного изменения белорусского общества, начавшиеся в 2020 г., свидетельствуют, что новый субъект социально-политической деятельности действительно сформировался, хотя, возможно, и в несколько неожиданной и нетрадиционной форме, и вышел на арену национальной и мировой истории. Как подчеркивают многие аналитики, начинается новый этап истории страны, который отвечает смысловым структурам и потребностям людей XXI столетия. На передний план выходят новые практики социального воображения, радикально отличающиеся от привычных схем интерпретации социального мира. Соответственно,

требуются новые языки теоретического описания, о чем мне приходилось уже неоднократно писать и что сегодня в той или иной форме акцентируется большинством авторов, анализирующих процессы, имеющие место в белорусском обществе. Как удачно выразился И. Бобков, Беларусь сегодня стала лабораторией новой социальности, лабораторией будущего, в которой ищутся ответы на самые важные вопросы современности, ответы, значимые не только для нас, но и для всего мира (Бабкоў, 2021). Добавим к этому, что одновременно появилось и много критиков, которые стремятся показать, что было сделано неправильно на первом этапе революции, как нужно было действовать, чтобы белорусские протесты достигли быстрого успеха, и т. п. Но социальные процессы не следуют расписанию и логическим конструкциям, более того, попытки такого следования, как правило, ведут к социальным катастрофам и неудачам, как о том свидетельствует опыт XX в., в том числе и белорусский. Конечно, работа над ошибками нужна и важна. И все же если нечто в определенный момент не было сделано, то, вероятно, это и невозможно было сделать в данных обстоятельствах, что не исключает такую возможность в иных социально-политических фигурациях.

Подчеркнем еще раз: многие концепты классического социального знания сегодня не работают, оказываются «зомби-понятиями», как об этом неоднократно писал У. Бек (см., напр.: Бек, 2003). Попытки описывать белорусскую революцию привычными теоретическими конструкциями, чаще всего (около)марксистского толка или же в парадигме «опоздавшей нации» и идей национального возрождения XIX в., представляются бесперспективными. Мы имеем здесь качественно новую по характеру революцию, где ключевой субъект — дигитальные поколения, живущие в мире не XIX, а XXI в. Вероятно, можно вести речь о первой полномасштабной сетевой революции в истории человечества, которая в существенной мере не вписывается в традиционные теоретические структуры и способы мышления и действия. При этом нужно быть очень внимательным и осторожным при использовании самого термина «революция», перегруженного самыми различными коннотациями, появившимися за последние два-три столетия. Например, иногда говорится, что мы переживаем своего рода национально-освободительную революцию. В частности, В. Карбалевич подчеркивает, что пассионарный взрыв белорусского социума — это своеобразная форма национально-освободительного движения (Карбалевіч, 2021). Полагаю, что данный термин в нашем случае не вполне приемлем, он из прошлой эпохи борьбы с колониализмом. Кроме того, белорусская нация формально свободна и независима. Речь скорее идет об освобождении нации от архаических форм социальной организации, о ее ответе на космополитические вызовы глобального, дигитализированного общества.

Можно сказать иначе. Современное человечество в целом переживает начавшуюся на рубеже второго и третьего тысячелетий радикальную революцию в самих основах общественного бытия, причем сама эта революция носит глобальный характер. Революционные процессы в Беларуси, решая специфические национальные проблемы общества задержавшегося авторитаризма, одновременно есть ответ на эту глобальную революцию и один из ее элементов.

Истоком нынешней революционной ситуации в Беларуси является, если говорить обобщенно, столкновение, конфликт социальной архаики и современности. Совершенно наглядно мы наблюдаем сегодня в нашей стране борьбу традиционализма (модерного типа) с необходимостью конструирования моделей социальной жизни для XXI столетия, за которыми скрыты глобализация, сетевое общество, всеобщая мобильность, дигитализация. По словам Г. Коршунова, подход и логика рассуждений которого мне очень близки, «фактически возник цивилизационный разрыв между уже архаической властью и дигитализированным авангардом общества (а между ними “провисла” остальная часть граждан). Сколько так могло бы продолжаться в стабильных условиях — неизвестно. Но системный кризис 2020 года спровоцировал резкое противостояние друг другу этих эпох, мировоззрений и систем — власти и общества» (Коршунов, 2021б). Насильственное противостояние власти основной массе населения, на мой взгляд, можно метафорически (но и типологически) охарактеризовать как восстание «деревни» против «города», местечковости против глобальности, малообразованности против знания и культуры. Обобщенно я бы назвал такую позицию традиционалистов своеобразным «луддизмом XXI века».

Для более глубокого понимания ситуации обратимся к концепции ретротопии З. Баумана, представленной в последней его книги, изданной уже посмертно. Исходный посыл Баумана состоит в том, что изменения современного общества столь радикальны и драматичны, особенно в восприятии поколений, выросших в условиях (якобы) стабильности и понятности социальной жизни, а будущее столь непредсказуемо, что все более нарастают страх перед ним, стремления найти уютный и понятный спасительный кокон. По словам Баумана, «отказавшись ожидать улучшений от неопределенного и не внушающего доверия будущего, мы снова стали уповать на смутно вспоминаемое прошлое, приписав ему ценности стабильности и надежности» (Бауман, 2019, с. 19). Не случайно появление концепции «социальной неопределенности» для описания особенностей современного общества (см. подр.: Wagner, 2001). Подобную ситуацию и отражает концепт ретротопии, а именно, ностальгию по ушедшей социальной (в нашем случае — советской) Атлантиде, воображаемой в качестве

места стабильности, понятности и покоя перед лицом непонятных и пугающих перемен, идущих, конечно же, из-за рубежа («Запада»). Соответственно, архаичная власть, неспособная на современном языке осмыслить происходящие в обществе перемены и страшно боящаяся их, поскольку они не предлагают этой власти какого-либо позитивного будущего, начинает конструировать риторику вездесущности внешних и внутренних врагов, стремящихся разрушить государство, захватить страну и т.п.

Иными словами, мы имеем конфликт поколений, причем представляющих не просто разные социально-демографические группы (язык традиционных концепций социальной стратификации тут не работает), но разные типы организации социальности, или в темпоральном измерении — прошлое и будущее. Пользуясь терминами М. Пренски (Prensky, 2001), мы наблюдаем в данном случае встречу «дигитальных аборигенов» и «дигитальных иммигрантов». С одной стороны, поколения, естественным пространством жизни которых выступают сетевое общество, мобильность, транснациональное образование, глобальные риски, новый тип занятости, с другой — даже не дигитальные иммигранты (иммигранты обычно более или менее приспособляются к новым обстоятельствам своей жизни), а люди, которые как-то неожиданно для них попали в совсем иные обстоятельства, где все говорит на совершенно непонятном им языке, и которые, соответственно, не знают, что с этим делать и как здесь жить. Именно в этом настроении истоки белорусского авторитаризма и его попыток задержать историю и сохранить себя. Это именно страх перед будущим, перед новыми и непонятными поколениями, для характеристики которых у властей нет даже соответствующего словаря. Общество с такой точки зрения оказывается сборищем чужаков, говорящих на непонятном языке. Как замечает Бауман, «когда по соседству живет много чужаков — это верный, осязаемый признак того, что определенность исчезает, а жизненные перспективы, равно как и возможности их реализовать, не просматриваются» (Бауман, 2019, с. 66). Понятно, что только и остается бежать в прошлое, реальное или выдуманное. Опять же здесь у белорусских властей тоже проблема, поскольку это прошлое ограничено для них лишь советским периодом и даже уже — Второй мировой войной. Впрочем, Беларусь тут не исключение, схожие проблемы в той или иной степени характерны и для многих других обществ. Не случайно мы наблюдаем широкое распространение правого популизма даже в самых продвинутых социумах.

Заметим, что подобного рода авторитаризм при всей своей архаической подоплеке оказывается весьма современным и рациональным — в смысле классической рациональности. Иными словами, доведенный до предела рационализм, исключая этическое измерение социальной жизни и свободный выбор индивидов,

превращается в авторитарную и тоталитарную политическую структуру, внутри себя вполне логичную и убедительную, не понимающую, как же можно ей противостоять в ее искренних стремлениях утвердить стабильность и благополучие в стране. Это означает, что в Беларуси мы имеем новое издание старого вопроса о том, как примирить безопасность и свободу. Заметим, что данная проблема отнюдь не становится легче или понятнее в обществах XXI столетия, особенно если учесть нынешние возможности дигитального контроля за жизнью каждого индивида. Кроме того, будущее для дигитальных поколений оказывается еще менее предсказуемым и понятным, чем для поколений предшествующих. Не случайна популярность сегодня метафоры исчезновения будущего, что также привлекается в пользу авторитарных структур. Как в этой связи отмечает Т. Щитцова, в подобной ситуации горизонт будущего открывается нам как перспектива осуществления права на самостоятельное определение правил совместной жизни, как «окно возможностей», резонирующее с глобальным запросом на новое сообщество, которым завершается эпоха модерна. «Другое будущее означает: не то, к которому нам нужно прийти, а то, которое приходит к нам в силу нашей “настоящести” — актуальной включенности в осуществление настоящего сообщества» (Щитцова, 2021).

Предложенная выше типологизация исторической и социально-политической ситуации, в которой оказалась сегодня Беларусь, позволяет понять, почему данная ситуация рассматривается в статье как поиск ответов на космополитической вызов со стороны современного глобализированного мира. Глобальный поворот, в который, естественно, включена и Беларусь, требует от нас переосмысления способов и моделей решения традиционной социальной проблемы соотношения универсализма и партикуляризма. Универсализм и партикуляризм нельзя рассматривать в изоляции друг от друга, они отсылают один к одному. Чтобы обозначить себя перед другими, культуры и общества нуждаются в наличии общих точек референции, всякие идентичности отсылают к более широкому контексту. Универсализм тем самым действует как «ключевой интеллектуальный ресурс, который не только не противостоит проявлению особенностей и партикулярностей, но и создает саму основу, делающую возможными их признание и принятие» (Chernilo, 2018, p. 40). Именно в этом контексте мы наблюдаем возрождение в последние десятилетия космополитизма как идеи и совокупности специфических практик и его активное проникновение во все сферы социального знания и в самые различные виды и формы социальных действий. Он, так сказать, покинул царство воздушных философских замков и вошел в повседневную реальность, став определяющей чертой эпохи глобализации. Требуется развитие космополитического мировоззрения

как предпосылки и результата концептуальной реконфигурации наших способов восприятия мира (см. подр.: Бек, 2008). Один из ведущих аналитиков современного космополитизма У. Бек во многих своих работах справедливо говорит о «космополитизации реальности», что в концептуальном плане делает необходимым переход от «методологического национализма» к «методологическому космополитизму», и это оказывается фундаментальным вызовом для социальных наук, развивавшихся в XIX–XX вв., как правило, на основе методологического национализма, или фактического отождествления общества и государства. Наглядным примером такого отождествления как раз и является политика правящих кругов Беларуси.

Космополитизм на нынешнем историческом этапе из идеологии узких образованных групп, каким он был, как правило, прежде, превратился в ключевую характеристику образа жизни и повседневных практик почти всех жителей планеты, во многом приобретая статус обязательного и даже принудительного социального измерения. Многие теоретики говорят о космополитическом повороте в социальных науках, о том, что социологическое воображение, без которого невозможно развитие социальной науки, в растущей мере превращается сегодня в воображение космополитическое (см., напр.: Delanty, 2009). По словам Р. Файна, «космополитическая социальная теория — это попытка противостоять трансформирующему насилию современной эпохи и сопротивляться ему. Это делается не столько во имя “прав человека”, которые сегодня являются особой подкатегорией прав в целом, сколько во имя права каждого человека иметь права» (Fine, 2007, р. XVI). Кроме того, космополитизм оказывается массовой повседневной дискурсивной практикой, как бы к нему личность, использующая данный дискурс, ни относилась. Прочитируем в этой связи Бека: «Что мы подразумеваем под “космополитической перспективой”? Это ощущение глобальности и безграничности. Это каждодневное, учитывающее опыт истории, рефлексивное осознание двойственного характера различий и культурных противоречий, среди которых мы все блуждаем. Она обнажает не только “страдание”, но и возможность выстроить собственную жизнь и отношения в обществе в условиях смешанной культуры. В то же время это взгляд скептический, лишенный иллюзий и самокритичный» (Бек, 2008, с. 5). Речь, иными словами, идет об опыте переживания социальными акторами общего и одновременно множественного мира, о характере их деятельности в таком мире, о том, как индивиды, группы и институты обращаются с инаковостью и сходством, открытостью и закрытостью. Согласно определению К. Аппиа, космополитизм — это «универсальность плюс различие», выражение нашей общей человечности плюс привычки, традиции, обычаи и творения людей в конкретных исторических контекстах,

уникальные элементы, которые побуждают нас «серьезно относиться к ценности не только человеческой жизни вообще, но и конкретных человеческих жизней» (Арриа, 2006, р. XV).

Космополитизм отнюдь не линейный процесс, некая точка в будущем, к которой неизбежно придет человечество. История его характеризуется цикличностью, что как раз является доказательством того, что эта, казалось бы, утопическая идея отражает некую устойчивую тенденцию отношений между людьми. За 25 столетий своего существования космополитизм пережил несколько циклов удач и неудач, упадка и возрождения, а также концептуальных трансформаций. Обобщенно можно выделить три периода в его истории: во-первых, античный космополитизм, в котором мир рассматривается как проект полиса и утверждается предельная абстрактность универсальности; во-вторых, космополитизм Просвещения, когда данная концепция разрабатывается как оружие борьбы против религиозного обскурантизма и инструмент поддержки всеобщего мира, опирающегося на универсальность разума и особую миссию Европы; в-третьих, восстановление популярности космополитизма на рубеже XX–XXI вв. в связи с развитием глобального общества. Третий период в развитии космополитизма часто обозначают термином «новый космополитизм», интерпретируя его как совокупность попыток дать ответы на риски и вызовы глобализации, причем он есть и исходная предпосылка, и результат концептуальной трансформации наших способов восприятия. «Мир при космополитическом взгляде на него предстает как будто стеклянным. Различия, контрасты и границы фиксируются и определяются в осознании принципиальной схожести тех, кто находится от них по разную сторону. Линии, отделяющие нас от других, более не заблокированы и не затушеваны онтологическим не-сходством; они становятся прозрачными. Это необратимое сходство открывает пространство и для сочувствия, и для агрессии, которые трудно сдерживать» (Бек, 2008, с. 11–12).

Можно сказать, что в основе космополитического воображения мы обнаруживаем три накладывающиеся друг на друга матрицы значений – вера в общность человечества, принятие соответствующего набора моральных обязательств по отношению к другим и способность трансцендировать персональные границы и проявлять интерес к другим культурам (Cicchelli, 2019, р. 3). Именно эти матрицы являются теми линзами, через которые смотрят на мир «жители» сетевого общества, вдохновляясь на противостояние всякого рода авторитаризму. И именно в них видят своих основных врагов архаические политические структуры, настаивающие на том, что они охраняют самобытность и аутентичность в противовес разлагающему космополитическому влиянию «Запада». На самом деле реальные отношения между универсальным и партикулярным позволяют сделать вывод, что группы

людей, составляющие человечество, не изолированы друг от друга и что между ними происходит постоянный обмен опытом, усвоение опыта и т.п.; глобализация лишь сделала эти процессы более активными, массовыми и фактически необратимыми. Поскольку «глобальный другой находится среди нас» (У. Бек), для космополитического подхода становится критически важным на реальном эмпирическом материале определить, как индивиды и группы справляются с различиями и множественностью.

Таким образом, ключевой элемент нового космополитизма выражается в том, что реалии мира все больше меняются в сторону множественной принадлежности, нечетких различий и гибридных идентичностей, т.е. имеет место движение от логики «или/или» к логике «и то/и другое». Речь идет о том, как универсальные ценности нисходят с уровня философской абстракции на уровень повседневной жизни людей, приобретают локальное измерение. При этом развитие космополитического измерения социальной жизни и опирающейся на него космополитической социологии и социальной науки в целом не означает отказ от национального начала. Как замечает Бек, «скорее, космополитическое следует понимать, развивать и эмпирически исследовать как интеграл национального. Другими словами, космополитическое изменяется и сохраняется, оно открывает историю, настоящее и будущее отдельных национальных обществ и отношения национальных обществ друг к другу» (цит. по: Köhler, 2005, S. 54). При этом особенно существенное значение имеет акцент на критическом космополитизме в контексте нового этапа развития критической социальной теории (Delanty, 2009; Delanty, 2020, ch. 6).

В центре нового космополитизма находятся понимание, интерпретация и практики решения проблемы инаковости при отказе от просветительской абсолютизации одной (научной) рациональности, которая якобы должна была в перспективе вообще снять названную проблему. Такой эксклюзивистской ориентации культуры новый космополитизм противопоставляет идею, что адекватный подход должен основываться на том, в каких формах индивидуумы, группы и институты обращаются с инаковостью и сходством, множественностью и универсальностью, открытостью и закрытостью, как они находят гармонию между собой, а не исключают друг друга, стремятся к синтезу универсалистских и партикуляристских принципов (Cicchelli, 2019, p. XVII; Köhler, 2005, S. 40–41). Таким образом, космополитизм — как мировоззрение, установка и социальная практика — связан с осознанной открытостью миру и культурным различиям, способностью смотреть на себя глазами другого.

Особенно важно при этом подчеркнуть, что новый космополитизм стремится уйти от картезианской субъект-объектной философии сознания, согласно которой когито задает смысл

и характер отношений между Я и миром. Мыслящий субъект провозглашает себя образцовым гражданином мира, не задумываясь о том, как другие воспринимают этот мир. В результате конструируется упрощенная картина единого и общего мира, господствовавшая на протяжении всего периода классической модернити. Новые космополитические теории говорят в первую очередь о других, об инаковости и лишь изредка — о человечестве или мире в целом. Новый космополитизм — это космополитизм различий; он описывает особый модус обращения с инаковостью других, который не растворяет их в универсалистских принципах, не абсолютизирует и не эссенциализирует их особые свойства. Отсюда понятно, почему одна из главных черт нового космополитизма — попытка установить посредничество между глобальным и локальным уровнями, акцент на идее сложных идентичностей и локальностей. По словам Бека, здесь имеет место «комбинирование: локальные, национальные, этнические, религиозные и космополитические культуры и традиции пронизывают друг друга, соединяются, смешиваются: космополитизм без локализма пуст, локализм без космополитизма слеп» (цит. по: Köhler, 2005, S. 39).

Итак, процесс космополитизации социальных отношений включает в себя многообразный практический опыт встреч с другими и реакций на другого. Соответственно, мы можем вести речь и о формировании иного, современного, типа личности, личности космополитической, причем не как об утопическом идеале (характерном для классического космополитизма), но как об уже становящейся реальности, личности, принимающей статус гражданина мира и одновременно гармонично вписывающейся в локальные контексты. Такая личность не ограничена узкими локальными рамками, на чем, как правило, настаивают авторитарные режимы, много говоря, например, о патриотизме, под которым обычно понимается безоговорочная преданность существующему политическому режиму. Тем самым на передний план выходит этическое измерение космополитизма, или космополитическая добродетель, которая, согласно Б. Тернеру заключается в уважении к другим культурам и поддержке культурного разнообразия глобального сообщества (Turner, 2002). Ключевую роль в становлении подобной личности играют разнообразные образовательные и культурные практики, размывающие всякого рода групповые, включая национальные, границы и формирующие то, что мы можем назвать глобальной чувствительностью личности.

В этой связи особенно важным для нас оказывается концепт *повседневного космополитизма*, поскольку космополитически все более становятся сами обстоятельства человеческого бытия. Космополитизм — это уже не некие просвещенческие игры интеллектуалов в духе кантовского его понимания, не экзотика, характерная для наиболее продвинутых обществ и социальных

групп; космополитизм все более охватывает реальную повседневность, так сказать, приходит в наши дома, заглядывает во все окна, проникает со всех экранов и дисплеев, обнаруживается на прилавках всех магазинов и т.д., иными словами, становится банальным, привычным и в определенной мере даже принудительным измерением человеческой жизни, что позволяет нам вести речь о становлении массового космополитического мировоззрения, даже если его носители могут и не подозревать о таком социальном феномене, как космополитизм. Здесь стоит воспользоваться идеей В. Мацкевича (2017) о разделении каждого общества, в том числе и белорусского, на «три мира» с точки зрения того, как люди относятся к роли и возможностям глобализации: от групп, органически включенных в глобальную социальность, до тех, кто хорошо знает о ее возможностях и перспективах, но отключен от них, например, властями и/или социально-экономическими ограничениями, и до тех, кто оказывается на обочине глобализации и видит ее только в негативном измерении, скажем, в формате «козней Запада». При этом особое значение имеет здесь то, в какой группе видит себя правящая группировка. Соглашаясь в идеально-типическом плане с таким подходом, я бы конкретизировал его с той точки зрения, что в реальных социальных практиках подобное деление имеет место именно на основе отношения людей к космополитизму, особенно если мы учтем ключевую идею социальной теории Бека о том, что космополитизм — это глобализация изнутри. Важно при этом видеть, как такой «космополитизм снизу» артикулируется в конкретных этико-политических практиках, интерпретациях и повседневном мышлении размещенных в ситуации агентов в рамках определенных политических структур (локальных, национальных, транснациональных). Такой подход не позволяет нам сводить космополитическую идентичность к принадлежности только высших и средних классов. Она становится массовой, возникает из диалога, обмена, понимания и взаимного уважения каждой культурной практики. Такая динамика, конечно, не облегчает, а скорее усложняет нашу жизнь. Как справедливо отмечает Э. Гидденс, «трудно жить в мире интенсивного, повседневного космополитизма. Мы страдаем от “космополитической перегрузки”: по мере того как космополитизм завоевывает мир, возникают мощные контртенденции, возвращение к секционным идеологиям и разделениям» (Гидденс, 2018; см. подр. также: Cicchelli, Measure, 2020). Иными словами, космополитизация мира сопровождается актуализацией различного рода фундаменталистских и традиционалистских тенденций, как правило, воплощающихся в тех или иных авторитарных социально-политических конструциях.

Вернемся в этой связи еще раз к понятию критического космополитизма. Как отмечает Диланти, «космополитизм в качестве

нормативной критики обращается к феноменам, которые, как правило, находятся в противоречии со своим социальным контекстом, и потому они стремятся его преобразовать» (Delanty, 2009, p. 126). При этом, продолжает автор, имеющая в этом случае место «релятивизация универсализма выражает постуниверсализм эпистемологической структуры космополитизма, поскольку выступает за универсализм, который не требует всеобщего согласия или того, чтобы каждый отождествлял себя с одной-единственной интерпретацией. В зависимости от социального контекста или исторической ситуации социальные акторы будут по-разному интерпретировать и использовать универсальные правила» (Ibid.). На мой взгляд, именно такой критический космополитизм и является ядром белорусского протеста вне зависимости от того, осознают это измерение сами его субъекты или нет. По сути, протест есть совокупность множества многообразных действий, направленных на утверждение космополитического видения в белорусской реальности, т.е. приведение социальной жизни в соответствие с теми нормами, которые предлагает современный мир, при органичном сочетании универсального и партикулярного. Авторитарная власть, как правило, стремится закрыться от мира, она явно или неявно заигрывает с ксенофобией, насаждает идеологию вражды к определенным социальным или национальным группам. Классический пример тому — борьба с «безродным космополитизмом» на излете сталинской эпохи. Критический космополитизм позволяет связать нормативную критику с эмпирическим анализом, сконцентрированным на прояснении новых путей видения мира, что четко наблюдается в белорусских протестах. Речь здесь идет не просто о замене одних политических фигур другими и т.п. Люди почувствовали жизненную необходимость полной замены социально-политической системы такой, которая отвечала бы фактически космополитическим ожиданиям, т.е. тому миру, который с нарастающей скоростью утверждается вокруг, все более становясь миром проживания дигитальных поколений. И чем сильнее в таком случае сопротивление отвергаемой системы, чем больше она стремится задавить любой протестный голос, тем глубже утверждаются установки на ее радикальное изменение. Обозначим конкретнее некоторые базовые измерения данного процесса.

Прежде всего необходимо вести речь о формировании в Беларуси того, что можно назвать новой социальностью. Заметим, что так или иначе люди всегда сами создают свое общество. Но обычно это происходит, так сказать, подспудно, выступая непредвиденным результатом накопления мелких мутаций привычных форм жизни. Что касается обществ, находящихся уже в XXI столетии, но застрявших в социальных формах классического, хотя и незавершенного модерна, то в этом случае потребность

в радикальных изменениях форм жизни просто взрывает устаревшую и обветшавшую оболочку. Собственно, в Беларуси мы и имеем на данный момент первые этапы такого взрыва. Потоки, или скейпы (по А. Аппадурои), характерные для текучей модернити, если следовать концепции модернити Баумана, захватили внутреннее пространство общества, проникли, протекли во все его поры и подмыли его традиционный современный фундамент. В августе 2020 г. эти ручейки слились в единый поток, вырвавшийся на поверхность и показавший всю мощь и особенности нормативности новой социальности. Конечно, на время можно поставить плотины, залить бетоном щели и т.п., но следующий поток окажется еще более мощным, и остановить его уже никто не сможет. Такова внутренняя логика глобальной революции, которой так страшатся все носители архаичных форм жизни.

Г. Коршунов рассуждает о формировании в Беларуси двух почти параллельных реальностей, которые конструируются разным, часто противоположным социальным опытом: официально-декларативной и повседневно-актуальной (Коршунов, 2021а). Первый тип реальности самореферентен, видит только саму себя и мыслит весь мир по своему образу и подобию, опираясь, добавим, на схемы классического модерна и даже домодерного общества. Второй же пласт реальности, отмечает исследователь, опирается прежде всего на повседневный опыт, локальность, актуальные экзистенциальные смыслы. Для ее описания Коршунов использует понятие локальной социальности. В принципе, такое разделение социальной реальности скорее всего существует в любом обществе, вопрос же — в характере и тенденциях соотношения и взаимодействия этих реальностей. Нынешняя глобальная революция обостряет отношения между ними, вплоть до фактического разрыва в авторитарных системах, сопротивляющихся изменениям, порождаемым глобализацией и космополитизацией. На передний план выходят не вертикальные иерархии, а потоки, растекающиеся в разные стороны, или «горизонтальная социальность», в терминологии Коршунова. Для описания данного процесса весьма приемлемой представляется метафора «низового общества», или «низовой социальности» (grassroots society) (см. подр.: Еловая, Миненков, 2012). Речь идет о многомерном сплетении повседневных социальных практик, которое в ситуации многослойной структуры современных обществ функционирует на уровне «скрытой социальности», выступая некоторым зазором между повседневностью и социальными институтами, и обладает рядом отличительных особенностей — и прежде всего явной проективной направленностью. Применительно к нашей ситуации это, на мой взгляд, и есть общество повседневного, банального космополитизма, которое, вырастая «из корней травы» и растекаясь в разные стороны, все более подмывает фундамент

авторитарной политической структуры. Коршунов, полагаю, описывает именно процесс космополитизации белорусского общества и его последствия: «Беларусская локальная социальность стремительно обрастала новыми инструментами — в ходе прогрессирующей сетевизации общества фактически стало формироваться альтернативное жизненное пространство, свободное для получения новых опытов, требующее прокачивания компетенций, провоцирующее нарастание коммуникативных связей и просто созданное для нелимитированного самовыражения» (Коршунов, 2021а). Общество самоорганизуется в рамках сетевых структур, создает свои способы управления и организации, которые рано или поздно заменят неспособную справиться с новейшими социальными процессами традиционалистскую иерархию. Действительно, этот процесс можно назвать горизонтальной революцией, ответом на вызовы глобального общества. Вполне возможно, что Беларусь станет образцовым примером такого типа социологического воображения и построения социальных структур, уходящих от устоявшихся современных иерархий.

Традиционно космополитизм противопоставлялся национальному началу и патриотизму. Предполагалось, что они исключают друг друга. Но, как уже отмечалось выше, новый космополитизм исходя из современных представлений об универсализме уходит от таких жестких дихотомий, подчеркивая возможность активной космополитической политики локализации. Акцент делается не только на преодолении ограничений партикулярных структур, но и на идее сложных идентичностей и локальностей. Космополитическая идентичность ни в коей мере не подразумевает отказа от национальной идентичности, прямого отрицания конкретной национальной культуры; речь скорее идет о готовности изменять эту культуру изнутри в контексте принятия инаковости и общечеловеческих моральных норм. Иными словами, космополитический индивид не ощущает себя принадлежащим исключительно к одному-единственному сообществу, но может сочетать различные принадлежности в контексте ситуации. Космополитизм в этом смысле относится не к индивиду, у которого, так сказать, нигде нет дома, но скорее к тому, кто может дистанцироваться от своей конкретной ситуации именно благодаря своему рефлексивному позиционированию в современном мире, что не лишает таких индивидов конкретного места в социуме. Г. Северинец в своем интересном анализе национальных особенностей белорусов (Севярынец, 2021) показывает, что эти особенности в значительной мере обусловлены межцивилизационным и трансграничным положением белорусской культуры, с чем, вероятно, связано и то, что белорусы легко вписываются в другие культуры, а потому не достигают успеха усилившиеся в последние годы попытки разжечь национальные или религиозные конфликты

в стране. По-видимому, можно сделать вывод, что беларусам изначально присуще некоторое космополитическое сознание, открытость, принятие инаковости. С новыми поколениями это стало особенно очевидным. Власть пытается вернуть общество в архаику, к трайбалистскому сознанию, много рассуждая при этом о братстве и единстве. Практически в этом же направлении идут и попытки трактовки нынешней ситуации в стране в духе идей национализма XIX столетия.

Иными словами, мы наблюдаем сегодня не затухание, а пробуждение национального сознания (и не только в Беларуси), но в космополитической форме, причем на уровне повседневности, что и есть ответ на космополитический вызов глобализации. Ярким примером тому является массовое принятие беларусами без какого-либо принуждения исторической национальной символики. Происходит переосмысление того, что можно называть беларускостью, но в контексте языка и особенностей XXI века. Потому справедливо замечание В. Акудовича о том, что когда в современный дискурс попадают слова из предшествующих эпох, например нация, национализм, и за них пытаются держаться, то это то же самое, что держаться за пустоту (Дракахруст, 2020). В данном случае как раз хорошо работает понятие космополитического патриотизма в интерпретации К. Аппиа, согласно которой «космополитический патриот может принимать возможность мира, в котором каждый является укорененным космополитом, привязанным к своему дому, к своим культурным особенностям, но при этом испытывать удовольствие от существования других, отличающихся, мест, являющихся домом других, отличающихся, людей» (Appiah, 1998, p. 91). Участники беларусских протестов выступают именно такими патриотами, чаще всего особенно не задумываясь об этом, поскольку для них это естественная позиция. Они хотят быть самими собой, беларусами, но беларусами XXI столетия, городской нацией. Это ориентация на будущее, неизвестное будущее, которое определяется не схемами, не взглядом, обращенным назад, а открытостью к космополитическому опыту, к инаковости¹.

В этом контексте важно обратить внимание, что возрождение космополитических идей в последние десятилетия во многом связано с обращением к политической концепции космополитизма, его постоянным интересом к вопросам демократии и гражданства. При этом особенно значимым является тот факт, что космополитизм утверждает органическую связь этики и политики, выступая фактически этико-политической концепцией. Непрерывно возрастающие в связи с глобализацией мировая

1 Хотел бы в этой связи обратить внимание на глубокий анализ данной проблемы совершенно в духе нового космополитизма, хотя и без использования соответствующего языка, в статье: Новік, 2020.

взаимосвязанность и всеобщее взаимодействие — экономическое, политическое, культурное, социальное — только подкрепляют аргументацию в пользу понимания космополитизма в качестве этики глобальной эпохи. Говоря об инаковости другого, мы трактуем его/ее не как культурно чуждого индивида, но как такого же человека, что и мы сами. На передний план выносятся человечность, в чужом видят родственное, а не исключительно чужое. Мирный протест беларусов есть проявление именно подобной установки, иначе говоря, участники протестов показали себя в своих политических действиях подлинными космополитами.

Рассуждая о современном понимании универсализма и опираясь на теорию коммуникативного действия Ю. Хабермаса, С. Бенхабиб вводит понятие интерактивного универсализма, согласно которому «понять, кто есть другой, можно только в результате его же собственного самоидентифицирующего нарратива. Норма всеобщего уважения предписывает мне вступить в разговор постольку, поскольку некто воспринимается в качестве обобщенного другого. Но узнать *иное качество других*, те аспекты их личности, которые делают их конкретными другими для меня, можно только через их собственные нарративы» (Бенхабиб, 2003, с. 17). Это имеет решающее значение для космополитических практик. Развивая отмеченную выше идею, в других своих работах Бенхабиб предложила трактовку космополитизма как дискурса, основанного на медиации, а не на редукции к тотализации (Benhabib, 2004, pp. 174–175; Benhabib, 2008, pp. 119–120). Речь идет о том, что космополитизм, находя свое выражение в определенных правах, не сводится только к этим правам, но во многом является способом постановки проблем, принимает форму «демократических итераций», которые играют роль посредников между космополитическими нормами, с одной стороны, и демократическими движениями и общественным мнением, с другой. Космополитическая солидарность распространяется и на универсальный космос, и на партикулярные полисы одновременно, отсылая к «этическому глокализму», т.е. одновременному включению и в локальное, и в глобальное, что позволяет нам говорить об укорененном космополитизме. Иными словами, речь идет об этико-политической контекстуализации космополитизма с учетом направленности и диспозиций тех или иных социальных активностей и движений, что делает их ситуативно «прописанными» и одновременно включенными в универсальные процессы глобального мира, отвечающими на его вызовы. Согласимся в этой связи с Деланти, что «с точки зрения космополитической социальной теории, одним из поразительных и не вполне четко понятых измерений космополитизма является конструирование политического сообщества вокруг конкурирующих представлений о социальном мире: политическое сообщество все больше определяется в глобальной

коммуникации в качестве результата того, что “мы” позиционируется не только посредством отсылки к “ним”, но и посредством абстрактной категории мира» (Delanty, 2009, p. 59). Это предполагает понимание космополитизма как формы раскрытия мира на основе культурных моделей, с помощью которых конструируется социальный мир во всей его конкретике.

Т. Щитцова в ряде своих работ утверждает, что беларусская революция есть в первую очередь морально-этическая революция. И именно в этом оказывается особенно очевидной ее близость космополитизму как прежде всего этической программе, альтернативной авторитарным политическим устройствам и соответствующим формам жизни. Не используя концепт космополитизма, Щитцова, на мой взгляд, приходит к похожему выводу, фиксируя в нем именно космополитические ценности: «Мирный протест — это последовательное отстаивание такой формы совместной жизни, которая исключает насилие. В этом смысле текущая политическая борьба имеет строгую этическую рамку, которая фокусирует внимание на том, что политическое устройство должно строиться на признании абсолютной ценности человеческой жизни и достоинства. Этика должна быть безусловным основанием политики. Такая расстановка акцентов открывает новые перспективы для трансформации структур и отношений власти в Новой Беларуси. Более того, она оказывается чрезвычайно актуальной в общеевропейском и глобальном контексте» (Щитцова, 2020). Именно в ключе обозначенного ценностного горизонта будет происходить переучреждение и перенастройка конструкции и форм жизни беларусского социума, утверждение новой политической субъектности и космополитической по характеру гражданственности. Конечно, это будет предельно сложным процессом, с разочарованиями и попытками вернуться, с ностальгией и новыми надеждами, что неизбежно в ситуации распада устоявшихся социальных связей и драматической ломки множества персональных перспектив. Переход к совершеннолетию общества в кантовском понимании этого процесса не может быть легким и безболезненным, тем более совпадая с всеобщей глобальной революцией. Но одновременно это — необходимый этап социального обучения, через который сегодня в том или ином формате проходят все общества. Очень уместно в этом контексте сослаться на Бека: «Границы между космополитизмом и антикосмополитизмом более не проходят главным образом между нациями, этническими группами и религиями. Они проложены между терпимостью и нетерпимостью, способностью жить с противоречиями и утверждать их, с одной стороны, и импульсом к их подавлению и очернению, с другой, между терпением и истерией, между любобпытством и фанатизмом» (Бек, 2008, с. 165).

Глобальная этика становится, таким образом, посредником эффективной коммуникации, в рамках которой артикулируются новые представления о моральности. И одним из базовых ее компонентов выступает солидарность. Исходный пункт космополитической солидарности — идея прав. Речь идет о всеобщих правах человека как ключевом факторе формирования космополитической идентичности. Космополитическая солидарность начинается с признания как «права каждого отдельного человека иметь права» (Арендт), так и с социальной природы этого права. Дискурс прав человека есть способ придать космополитизации человеческое лицо (Levy, Sznajder, 2010). Космополитизм в своем внешнем проявлении выступает социальной формой права. Беларусский протест в своей основе может быть определен как борьба за утверждение права и прав человека. Драма, переживаемая обществом, фактически оказывается своеобразным университетом формирования правовой культуры, всеобщего осознания ее фундаментальности для эффективного функционирования социума, открытости миру, принятия и понимания инаковости.

Таким образом, рассуждая о космополитизации общества, важно понять, что космополитический проект разворачивается в определенных исторических, пространственных, политических, социальных и культурных контекстах. Он не застрахован от вызовов, постоянных угроз и преходящих неудач, всегда уязвим для выпадов фундаментализма и традиционализма, точно так же, как порядку всегда угрожает хаос. Иными словами, космополитизм — это не конечная цель, не счастливое завершение истории, но теоретический и практический инструментарий, который позволяет нам работать над данным проектом, приспособляя его к новым задачам и ситуациям. В качестве политической философии и нормативного идеала, а также теории, объясняющей особенности обретения социального опыта, космополитизм предполагает такие институциональные и этические преобразования, которые расширяют возможности для преобразований и обменов, возникающих в результате встреч с культурными различиями (Skrbiš, Woodward, 2013, pp. 52, 53). Беларусское общество находится только в самом начале этого пути, открывающего ему перспективу адекватного вхождения в современный мир.

Можно сказать, что беларусы вступили в процесс космополитической социализации, под которой понимается процесс обучения правилам навигации в транснациональных измерениях окружающего мира, в ходе которого люди учатся включать в социальное взаимодействие различные формы социокультурной близости с другими. Без учета влияния глобализации на повседневную жизнь понимание космополитических идентичностей будет оставаться крайне неполным. Скрыться от такого влияния сегодня невозможно, как бы кому-то этого ни хотелось. Процесс

построения космополитических отношений с миром требует изучения, во-первых, места другого в современных идентичностях и управлении плюрализмом и культурным разнообразием, во-вторых, практик вписывания собственной принадлежности в более широкий горизонт и обнаружения себя в общем человеческом мире (Cicchelli, 2014, p. 232; Cicchelli, 2019, ch. 4–6). Речь идет об обучении тому, как ежедневно и постоянно жить вместе с инаковостью, или подходу к миру, который Б. Тернер назвал «герменевтикой инаковости» (Turner, 2006, p. 135). Очевидно, что необходима и соответствующая перестройка образовательных практик, которые сегодня тоже становятся космополитическими, чему обычно сопротивляются, по понятным причинам, авторитарные режимы. Таким образом, открытость другим — исходный признак космополита, причем важно понимать, что другой есть одновременно и ресурс, и опасность. Эта открытость идет рука об руку со стремлением выйти за пределы определенных пристрастий, что касается лояльности по отношению к человечеству в целом и относительно собственного чувства ответственности перед равными себе другими. Космополитизм — это не просто открытие других, это и открытие себя в контексте других. Можно сказать, что, осознавая себя нацией, новые поколения беларусов, отвергая авторитарную архаику, становятся все более космополитичными. Они открывают себя миру, поскольку мир открылся им, и им есть что показать этому миру.

Литература

- Бабкоў, І. (2021) [анлайн] Беларусь сёння — гэта «лабараторыя будучыні» для ўсяго чалавецтва. *Reform by*, Доступ па: <https://reform.by/ihar-babkou-bielarus-sionnia-heta-labaratoryja-buducyni/> [Прагледжана 6 верасня 2021].
- Бауман, З. (2019) *Репротопія* (В. Силаева, пер. с англ., О. Оберемко, ред.). М.: ВЦИОМ, 160 с.
- Бек, У. (2003) Космополитическое общество и его враги (А. Хохлова, пер. с англ.). *Журнал социологии и социальной антропологии*, т. VI, № 3. С. 24–53.
- Бек, У. (2008) *Космополитическое мировоззрение* (Пер. с англ., В. Иноземцев, ред.). М.: Центр исследований постиндустриального общества, 311 с.
- Бенхаbib, С. (2003) *Притязания культуры: Равенство и разнообразие в глобальную эру* (Пер. с англ., В. Иноземцев, ред.). М.: Логос, 350 с.
- Гидденс, Э. (2018) [онлайн] Интервью. *Гефтер*. Доступ по: <http://gefter.ru/archive/23882> [Просмотрено 20 сентября 2021].
- Дракахруст, Ю. (2020) [анлайн] Акудовіч пра нацыянальны сэнс беларускай рэвалюцыі. *Радыё Свабода*. Доступ па: <https://www.svaboda.org/a/30781939.html> [Прагледжана 6 верасня 2021].

- Елова, Т., Миненков, Г. (2012) «Низовая социальность» как проблема современной социальной теории // *Перекрестки: Журнал исследований восточноевропейского пограничья*, № 3-4, с. 12-48.
- Карбалевіч, В. (2021) [анлайн] Пасіянарны выбух 2020 году – форма нацыянальна-вызвольнага руху. *Радыё Свабода*. Доступ па: <https://www.svaboda.org/a/31373684.html> [Прагледжана 10 верасня 2021].
- Коршунов, Г. (2021a) [онлайн] Затянувшийся белорусский август – революция горизонтали. *Европейский диалог*. Доступ по: <https://thinktanks.by/publication/2021/01/14/zatyanuvshisya-belorusskiy-avgust-revoljutsiya-gorizontali.html> [Просмотрено 5 сентября 2021].
- Коршунов, Г. (2021b) [онлайн] То, что произошло в 2020 году, – это начало «исторической» революции. *Цэнтр новых ідэй*. Доступ по: <https://newbelarus.vision/2020-historical-revolution/> [Просмотрено 10 ноября 2021].
- Мацкевич, В. (2017) [онлайн] Глобальное потепление после Холодной войны. Часть 2. Что происходит в мире и регионе. *Европейский журнал*. Доступ по: <http://journalby.com/news/globalnoe-poteplenie-posle-holodnoy-voyny-chast-2-chto-proishodit-v-mire-i-regione-1004> [Просмотрено 20 ноября 2021].
- Миненков, Г. (2006) «Отморозки», или О том, как рождается гражданская идентичность. *Топос*, № 2 (13), с. 25-45.
- Новік, І. (2020) [анлайн] Ігнат Абдзіраловіч: тры парады для бягучага моманту. АБДЗІРАЛОВІЧ. Доступ па: <https://abdziralovic.by/ivan-novik-ignat-abdziralovich-try-parady-dlya-byaguchaga-momantu> [Прагледжана 10 верасня 2021].
- Севярынец, Г. (2021) [анлайн] Беларусь і (р)эвалюцыя. АБДЗІРАЛОВІЧ. Доступ па: <https://abdziralovic.by/ganna-sevyaryniec-belarusy-i-revalyucyia/> [Прагледжана 12 верасня 2021].
- Щитцова, Т. (2020) [онлайн] Эвристика и поэтика Белорусской революции. *Свободные новости*. Доступ по: <https://www.sn-plus.com/2020/12/28/evristika-i-poetika-belarusskoj-revoljuczii/> [Просмотрено 8 сентября 2021].
- Щитцова, Т. (2021) [онлайн] Выйти из колеи Future Perfect. *Вестник Европы*, № 55. Доступ по: <https://magazines.gorky.media/vestnik/2021/55/vyjti-iz-kolei-future-perfect.html> [Просмотрено 8 сентября 2021].
- Appiah, K. A. (1998) *Cosmopolitan Patriots*. In: Cheah, P. and Robbins, B. eds. *Cosmopolitics: Thinking and Feeling Beyond the Nation*. Minneapolis: University of Minnesota Press, pp. 91-113.
- Appiah, K. A. (2006) *Cosmopolitanism: Ethics in a World of Strangers*. New York and London: W. W. Norton & Company, 224 p.
- Benhabib, S. (2004) *The Rights of Others: Aliens, Residents and Citizens*. Cambridge: Cambridge University Press, 251 p.
- Benhabib, S. (2008) *Another Cosmopolitanism*. New York: Oxford University Press, 206 p.
- Chernilo, D. (2018) There Is No Cosmopolitanism Without Universalism. In: Delanty, G. ed. *Routledge Handbook of Cosmopolitanism Studies*. 2nd ed. London and New York: Routledge, pp. 30-41.
- Cicchelli, V. (2014) Living in a Global Society, Handling Otherness: An Appraisal of Cosmopolitan Socialization. *Quaderni di Teoria Sociale*, n. 14, pp. 217-242.

- Cicchelli, V. (2019) *Plural and Shared: The Sociology of a Cosmopolitan World*. Translated by S.-L. Raillard (2016, French Edition). Leiden/Boston: Brill, xxx, 228 p.
- Cicchelli, V. and Mesure, S. eds. (2020) *Cosmopolitanism in Hard Times*. Leiden/Boston, Brill, xxvi, 406 p.
- Delanty, G. (2009) *The Cosmopolitan Imagination: The Renewal of Critical Social Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 296 p.
- Delanty, G. (2020) *Critical Theory and Social Transformation: Crises of the Present and Future Possibilities*. London and New York: Routledge, 251 p.
- Fine, R. (2007) *Cosmopolitanism*. London and New York: Routledge, 176 p.
- Köhler, B. (2005) *Soziologie des Neuen Kosmopolitismus*. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 307 S.
- Levy, D. and Sznajder, N. (2010) *Human Rights and Memory*. University Park: Penn State University Press, 192 p.
- Prensky, M. (2001) Digital Natives, Digital Immigrants. *On the Horizon*, Vol. 9 (5), pp. 1–6.
- Skrbiš, Z. and Woodward, I. (2013) *Cosmopolitanism: Uses of the Idea*. London: Sage, 140 p.
- Turner, B. S. (2002) Cosmopolitan Virtue, Globalization and Patriotism. *Theory, Culture and Society*, Vol. 19 (1–2), pp. 45–63.
- Turner, B. S. (2006) Classical Sociology and Cosmopolitanism: A Critical Defence of the Social. *The British Journal of Sociology*, Vol. 57 (1), pp. 133–151.
- Wagner, P. (2001) *Theorizing Modernity: Inescapability and Attainability in Social Theory*. London: Sage, 160 p.

References

- Appiah, K. A. (1998) Cosmopolitan Patriots. In: Cheah, P. and Robbins, B. eds. *Cosmopolitics: Thinking and Feeling Beyond the Nation*. Minneapolis: University of Minnesota Press, pp. 91–113.
- Appiah, K. A. (2006) *Cosmopolitanism: Ethics in a World of Strangers*. New York and London: W. W. Norton & Company, 224 p.
- Babkou, I. (2021) [online] Belarus' sennia – geta “laboratoryia buduchyni” dlja usiagho chalavetstva. Reform by, Available at: <https://reform.by/ihar-babkou-bielarus-sionnia-heta-laboratoryja-buducyni/> [Accessed September 6, 2021].
- Bauman, Z. (2019) Retrotopia (V. Silaeva, per. s angl., O. Oberemko, red.). M.: VTsIOM, 160 s.
- Beck, U. (2003) Kosmopoliticheskoe obshchestvo i ego vragi (A. Khokhlova, per. s angl.). *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, t. VI, № 3. S. 24–53.
- Beck, U. (2008) Kosmopoliticheskoe mirovozzrenie (Per. s angl., V. Inozemtsev, red.). M.: Tsentri issledovaniy postindustrial'nogo obshchestva, 311 s.
- Benhabib, S. (2004) *The Rights of Others: Aliens, Residents and Citizens*. Cambridge: Cambridge University Press, 251 p.
- Benhabib, S. (2008) *Another Cosmopolitanism*. New York: Oxford University Press, 206 p.
- Benhabib, S. (2003) Pritiazaniia kul'tury: Ravenstvo i raznoobrazie v global'nuu eru (Per. s angl., V. Inozemtsev, red.). M.: Logos, 350 c.

- Chernilo, D. (2018) There Is No Cosmopolitanism Without Universalism. In: Delanty, G. ed. *Routledge Handbook of Cosmopolitanism Studies*. 2nd ed. London and New York: Routledge, pp. 30–41.
- Cicchelli, V. (2014) Living in a Global Society, Handling Otherness: An Appraisal of Cosmopolitan Socialization. *Quaderni di Teoria Sociale*, n. 14, pp. 217–242.
- Cicchelli, V. (2019) *Plural and Shared: The Sociology of a Cosmopolitan World*. Translated by S.-L. Raillard (2016, French Edition). Leiden/Boston: Brill, xxx, 228 p.
- Cicchelli, V. and Mesure, S. eds. (2020) *Cosmopolitanism in Hard Times*. Leiden/Boston, Brill, xxvi, 406 p.
- Delanty, G. (2009) *The Cosmopolitan Imagination: The Renewal of Critical Social Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 296 p.
- Delanty, G. (2020) *Critical Theory and Social Transformation: Crises of the Present and Future Possibilities*. London and New York: Routledge, 251 p.
- Drakakhrust, Iu. (2020) [online] Akudovich pra natsyianal'ny sens belaruskai revaliutsyi. *Radye Svaboda*. Available at: <https://www.svaboda.org/a/30781939.html> [Accessed September 6, 2021].
- Elovaia, T., Minenkov, G. (2012) “Nizovaia sotsial'nost” kak problema sovremennoi sotsial'noi teorii // *Perekrestki: Zhurnal issledovaniia vostochnoevropeiskogo pogranich'ia*, № 3–4, s. 12–48.
- Fine, R. (2007) *Cosmopolitanism*. London and New York: Routledge, 176 p.
- Giddens, E. (2018) [online] Interv'iu. *Gefter*. Available at: <http://gefter.ru/archive/23882> [Accessed September 6, 2021].
- Karbalevich, V. (2021) [online] Pasiianarny vybukh 2020 godu – forma natsyianal'na-vyzvol'naga rukhu. *Radye Svaboda*. Available at: <https://www.svaboda.org/a/31373684.html> [Accessed September 6, 2021].
- Köhler, B. (2005) *Soziologie des Neuen Kosmopolitismus*. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 307 S.
- Korshunov, G. (2021a) [online] Zatianuvshiisia belorusskii avgust – revoliutsiia gorizontali. *Evropeiskii dialog*. Available at: <https://thinktanks.by/publication/2021/01/14/zatyanuvshiysya-belorusskiy-avgust-revolutsiia-gorizontali.html> [Accessed September 6, 2021].
- Korshunov, G. (2021b) [online] To, chto proizoshlo v 2020 godu, – eto nachalo “istoricheskoi” revoliutsii. *Tsentr novykh idei*. Available at: <https://newbelarus.vision/2020-historical-revolution/> [Accessed September 6, 2021].
- Levy, D. and Sznajder, N. (2010) *Human Rights and Memory*. University Park: Penn State University Press, 192 p.
- Matskevich, V. (2017) [online] Global'noe poteplenie posle Kholodnoi voiny. Chast' 2. Chto proiskhodit v mire i regione. *Evropeiskii zhurnal*. Available at: <http://journalby.com/news/globalnoe-poteplenie-posle-holodnoy-voyny-chast-2-chto-proishodit-v-mire-i-regione-1004> [Accessed September 6, 2021].
- Minenkov, G. (2006) “Otmorozki”, ili O tom, kak rozhdaetsia grazhdanskaia identichnost'. *Topos*, № 2 (13), s. 25–45.
- Novik, I. (2020) [online] Ignat Abdziralovich: try parady dlia biaguchaga momantu. *ABDZIRALOVICH*. Available at: <https://abdziralovic.by/ivan-novik-ignat-abdziralovich-try-parady-dlya-byaguchaga-momantu> [Accessed September 6, 2021].
- Prensky, M. (2001) Digital Natives, Digital Immigrants. *On the Horizon*, Vol. 9 (5), pp. 1–6.

- Seviarynets, G. (2021) [online] Belarusy i (r)evaliutsyia. ABDZIRALOVICH. Available at: <https://abdziralovic.by/ganna-sevyarynec-belarusy-i-revalyucyya/> [Accessed September 6, 2021].
- Shchittsova, T. (2020) [online] Evristika i poetika Belarusskoi revoliutsii. Svoobodnye novosti. Available at: <https://www.sn-plus.com/2020/12/28/evristika-i-poetika-belarusskoj-revoljuczii/> [Accessed September 6, 2021].
- Shchytsova, T. (2021) [online] Vyiti iz kolei Future Perfect. Vestnik Evropy, № 55. Dostup po: <https://magazines.gorky.media/vestnik/2021/55/vyjti-iz-kolei-future-perfect.html> [Accessed September 6, 2021].
- Skrbiš, Z. and Woodward, I. (2013) *Cosmopolitanism: Uses of the Idea*. London: Sage, 140 p.
- Turner, B. S. (2002) *Cosmopolitan Virtue, Globalization and Patriotism. Theory, Culture and Society*, Vol. 19 (1-2), pp. 45-63.
- Turner, B. S. (2006) *Classical Sociology and Cosmopolitanism: A Critical Defence of the Social. The British Journal of Sociology*, Vol. 57 (1), pp. 133-151.
- Wagner, P. (2001) *Theorizing Modernity: Inescapability and Attainability in Social Theory*. London: Sage, 160 p.

СУВЕРЕННАЯ ВЛАСТЬ
И ЭТИКА НЕНАСИЛИЯ:
СТРУКТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ
ГРАЖДАНСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ В БЕЛАРУСИ

Татьяна Щитцова

SOVEREIGN POWER AND ETHICS OF NON-VIOLENCE:
STRUCTURAL FOUNDATIONS OF CIVIL MOBILIZATION IN BELARUS

© Tatiana Shchytsova

Dr. habil., Professor at European Humanities University,
Academic Department of Social Sciences
Savičiaus g. 17, Vilnius, LT-01127 Lithuania

ORCID ID: 0000-0003-0014-3856
E-mail: tatiana.shchytsova@ehu.lt

Abstract: The article inquires into structural prerequisites of the unprecedented political mobilization and solidarity of Belarusians who opposed the Lukashenka regime in the framework of the presidential election campaign and in the post-election period in 2020. Author argues that the structuring of the political field and the nature of hegemony in Belarusian society were determined by a remarkable reconfiguration of the relationship between the ethical and the political. By the ethical is understood self-determination of plural community in terms of choice between the good and the bad. By the political – struggle for the right and opportunities to define laws/rules of social life and to control their implementation. The first part of the article is devoted to the analysis of the political antagonism that was characteristic of the election campaign after the creation of the joint headquarters by Sviatlana Tsikhanouskaya, Maria Kalesnikava and Veranika Tsapkala. It is shown that already at this stage a kind of ethical framing of political antagonism took place. The second part addresses the post-election period and thematizes a structural split between the ethical and the political that resulted from the outbreak of the state's unlimited physical violence. The split is conceived as an a priori structure that has determined new radical polarization in Belarusian society: on the one hand, there was the excess of the sovereign power (the sovereign's

authorization of the use of the extraordinary violence), on the other hand, the ethics of nonviolence opposed to that excess by the plural democratic community. Author suggests to look at the post-electoral socio-political transformations in Belarus through the lenses of this confrontation between the ethics of nonviolence and the principle of sovereign power.

Keywords: Belarus, hegemony, antagonism, 'good society', ethical, political, sovereignty, sublime, protest movement.

Масштаб протестного движения в Беларуси поразил не только обычных граждан, но и экспертов. Не было ни одной аналитической публикации, в которой бы допускалась хотя бы слабая вероятность подобного гражданского подъема. В этой статье я хотела бы прояснить некоторые ключевые структурные предпосылки беспрецедентной солидарности и протестной мобилизации гражданского общества в преддверии и после проведения президентских выборов 2020 г. Я собираюсь показать, что структурирование политического поля и характер гегемонии в этот период определялись реконfigurацией отношения между Этическим и Политическим. Под Этическим понимается перманентное самоопределение общества посредством различения и выбора между хорошим и плохим, добром и злом. Под Политическим — перманентная борьба за право и возможности определять законы и принципы общественной жизни внутри страны и контролировать их выполнение¹.

Центральный тезис статьи заключается в том, что заявленная реконfigurация отношения между Этическим и Политическим имеет в качестве прицела принцип суверенной власти, который выступает концептуальной основой современного государства, начиная с работ Жана Бодена (*Шесть книг о государстве*, 1576) и Томаса Гоббса (*Левиафан*, 1651). То есть принцип суверенности — это то, о чем идет речь в предполагаемом преобразовании связи между Этическим и Политическим. Беларусский политический кризис может быть показан как тяжба о суверенности — тяжба, которая включает два измерения: во-первых, внутри государства возникает конфликт между разными субъектами, притязающими на суверенную власть; во-вторых — через названный конфликт осуществляется проблематизация самого принципа суверенной власти,

1 Дефиниция «перманентная» косвенно объясняет, почему предлагается использовать субстантивированные прилагательные: эта лингвистическая форма более релевантна процессуальности подразумеваемых действий. Понятия этики и политики будут иметь, соответственно, иной смысл (см. с. 123). Предложенное определение Политического соотносится с определением Шанталь Муфф (Mouffe, 2006).

требующая пересмотра вопроса о позиционировании и исполнении суверенной власти в современных демократических обществах.

Таким образом, я предлагаю взглянуть на белорусский политический кризис как событие, которое особым образом ставит под вопрос принцип суверенной власти, остающийся центральной темой современной политической мысли (от Шмитта до Агамбена). В этом отношении следует отметить, что параллельно с развитием политического кризиса в Беларуси в 2020–2021 годах принцип суверенной власти по-своему был проблематизирован и в западных обществах в связи с распространением коронавируса. Пандемия COVID-19 вынудила политиков и государственных чиновников принимать меры, которые строятся на совмещении биополитики и суверенной власти, (Mbembe, 2019; Agamben, 2020; Sandset, 2020). Этот пример высвечивает феномен суверенной власти в устройстве государственного управления как повод для беспокойства в современных демократических обществах.

Статья будет посвящена преимущественно анализу внутренней перспективы, а именно взаимоотношению суверена и народа – автократа, опирающегося на «вертикаль власти», и протестного гражданского общества. При этом изначально следует помнить, что «суверенитет, как его определяют начиная с XVI века, – это требование, порожаемое не столько самим государством, сколько межгосударственной системой. Это по сути двуединое требование направлено как внутрь государства, так и вовне его» (Валлерстайн, 2003, с. 83). Соответственно, на кону предполагаемой внутренней тяжбы о суверенности неизбежно будет стоять и вопрос о внешнем суверенитете.

Положение о народе как субъекте суверенной власти, заявляющем о себе в противоположность монаршему абсолютизму, становится определяющим для политической повестки европейских обществ со времен Французской революции. Самые разные идеологии и типы государственного устройства, появившиеся с тех пор, могут быть рассмотрены как способы имплементации этого положения, т.е. как попытки помыслить и внедрить конкретные политико-правовые формы и рамки для реализации народом своего суверенитета. Центральным понятием политического модерна стало понятие представительной демократии. Советский Союз не был исключением в этом плане. Статья 2 Конституции СССР 1977 г. утверждала: «Вся власть в СССР принадлежит народу. Народ осуществляет государственную власть через Советы народных депутатов, составляющие политическую основу СССР». Крах СССР был крахом системы, в котором инструменты осуществления народовластия полностью деградировали вследствие установления монопольного идеологического и политического господства коммунистической партии. Институт выборов в Советском Союзе был

своего рода приводным ремнем «общества централизованного спектакля» (Дебор, 2000).

После распада СССР Беларусь прошла через краткий период демократизации 1991–1994 гг., который открывал перспективы для выстраивания действующей, неиллюзорной системы политической репрезентации воли народа. Однако после избрания Александра Лукашенко первым президентом РБ политическая жизнь в стране приняла антидемократическую направленность. Номинально народ объявлялся «единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в Республике Беларусь» (статья 3 Конституции РБ), но реальная власть сосредоточивалась в руках президента: после проведения референдума 1996 г. в Конституцию были внесены изменения, которые наделяли президента исключительными полномочиями, фактически упразднившими принцип разделения властей (см. статью 84). К президентским выборам 2020 г. белорусское общество имело за плечами 25 лет² персоналистского авторитарного режима, который систематически обеспечивал себе квазилегитимацию посредством фальсификации результатов президентских выборов и манипулятивного давления при проведении выборов на других уровнях. В отличие от СССР реальная суверенная власть в государстве была сосредоточена в руках одного человека, а не партии (уполномоченного партийного органа). Борьба за демократизацию — то есть в конечном счете за реализацию принципа народного суверенитета — велась от имени различных оппозиционных партий и объединений, деятельность которых, однако, не располагала к оптимизму, так как с печальной регулярностью демонстрировала, что сложно рассчитывать на единство и солидарность en masse, коль скоро сами представители оппозиции обнаруживают слабую договороспособность (Сіліцкі, 2012, с. 10, 73, 107). Провальные результаты проведения праймериз оппозиционной коалицией на президентских выборах 2020 г. поставили символическую точку в истории так называемой традиционной оппозиции в Беларуси³.

- 2 В качестве точки отсчета можно рассматривать апрель 1995 г., когда 19 депутатов, которые объявили голодовку в знак несогласия с проведением референдума, по распоряжению Лукашенко были избиты и насильно вывезены из здания Верховного Совета Республики Беларусь.
- 3 В 2020 г. ряд оппозиционных партий и движений (ОГП, БХД, БНФ, «Рух За Свабоду» и БСДП (Грамада)) сформировали коалицию для проведения праймериз — выдвижения единого кандидата от оппозиции для дальнейшего участия в президентских выборах. Итогом этой инициативы стало окончательное «политическое самоубийство» (Силицкий) традиционной оппозиции — ее полная самодискредитация в глазах общественности. Оппозиционные силы, словно по учебнику, повторили две ключевые ошибки, отмеченные в свое время Силицким: 1) «навука, што перадвыбарныя кампаніі пачынаюцца не за тры месяцы да выбараў, а як мінімум з моманту заканчэння папярэдніх /.../ была праігнараваная» (Сіліцкі, 2012, с. 94);

Вопрос, на который стремится ответить данная статья: каким образом — на основании каких структур и принципов — стали возможными уникальные по своим масштабам гражданская солидарность и протестная мобилизация в белорусском обществе? Демократическое протестное движение 2020-го вдохнуло жизнь в конституционное положение о народном суверенитете. Надо попытаться разобраться, что сыграло определяющую роль в консолидации и мобилизации представителей различных политических и социальных групп и что заключает в себе притязание на суверенитет, заявленное народом в рамках Белорусского протестного движения? Как уже отмечалось в самом начале, я полагаю, что ответ на эти вопросы коренится в установлении нового отношения между Этическим и Политическим в ходе предэлекторальных и постэлекторальных событий 2020 года.

Этическое фреймирование политического антагонизма

...если найдется хоть один-единственный человек, который не будет подчинен Закону, то все остальные неизбежно окажутся во власти этого последнего.

Ж.-Ж. Руссо

В этой части нас будет интересовать политический антагонизм, который сложился в рамках предвыборной кампании после создания объединенного штаба Светланы Тихановской, Марии Колесниковой и Вероники Цепкало. Объединение трех команд вокруг одного оппозиционного кандидата сыграло ключевую роль в формировании уникальной структуры гегемонии Тихановской и тем самым — в отчетливой финальной поляризации арены

2) «палітычныя лідэры не здолелі пераадолець вузкагрупавых амбіцыяў на карысьць адзінства і кампрамісу» (Там же, с. 107). Звание «единого кандидата» было скорее выражением wishful thinking, так как многие оппозиционные структуры изначально отказались от участия в праймериз (Быковский, 2020). Провальный исход инициативы обнаружил удручающую актуальность давнего диагноза Силицкого относительно «відавочнага крызісу апазіцыі, які складаецца з дэмабілізацыі і дэмаралізацыі яе чалавечых рэсурсаў ды разгубленасці, адсутнасці стратэгічнага мыслення і страты палітычных арыенціраў яе элітай» (Сіліцкі, 2012, с. 127). Проект «единый кандидат», который — и как фактор всеобщей мобилизации, и как сценарий победы — два десятилетия составлял утопический горизонт белорусской оппозиции, в 2020 г. претерпел полное «обнуление», которое многими было воспринято как весьма символичное завершение эпохи «старой оппозиции». Подробное изложение фактической стороны дела касательно участия оппозиции в различных выборах в период с 2005 по 2015 г. см. в материале Микола Мирончика в Белорусском журнале «Как оппозиция ходила на выборы» в 4 частях.

предвыборной борьбы в виде политического антагонизма между Тихановской и Лукашенко (все остальные зарегистрированные кандидаты превратились в фоновую «массовку»). Уникальность гегемонии, завоеванной Тихановской в ходе предвыборной кампании, заключалась в том, что это не была в строгом смысле дискурсивная гегемония (Laclau, Mouffe, 2001). Она не строилась на победе некой конкретной идеологии или политической программы, которую бы Тихановская продвигала в конкуренции с другими идеологиями и политическими программами. По сути, единственным «программным» пунктом ее предвыборной кампании было обещание провести новые президентские выборы, чтобы таким образом восстановить законность и вернуть гражданам возможность реализовать их конституционные права. Такая «программа» была не просто идеологически нейтральна, она располагалась на ином уровне, нежели предвыборные программы в традиционном смысле слова: она касалась не содержания общественной жизни, а рамочных политико-правовых условий, на которых основывается жизнь общества. Переход на этот рамочный уровень (уровень «условий возможности» цивилизованной политической жизни) обеспечил Тихановской поддержку представителей самых разных политических взглядов, которые могли присоединиться к ней и объединиться вокруг нее постольку, поскольку они были согласны с необходимостью восстановления верховенства закона и законосообразного функционирования представительной демократии — в частности, института президентских выборов.

Все вышесказанное прямо касается и особенности антагонистического противостояния Тихановской и Лукашенко. Это не было дискурсивное противостояние — борьба программ и идеологий. Политический антагонизм между этими двумя кандидатами разворачивался не в плоскости дискурсивной борьбы за гегемонию, а в плоскости их прямо противоположных позиций касательно *отношения между властью и законом*. То есть их политическое противостояние разворачивалось не просто в рамках существующего законодательства, а одновременно словно поверх этих рамок — это было противостояние по поводу самих этих рамок, так как последние были нарушены действующим президентом, санкционировавшим незаконные аресты двух своих главных конкурентов в предвыборной кампании и многочисленных активистов.

Модель поведения Лукашенко в целом соответствовала принципу суверенной власти в том виде, как он был концептуализирован в Европейской политической мысли от Гоббса к Шмитту (и недавно реинтерпретирован у Агамбена). В этой традиции суверен-монарх или суверен-диктатор мыслится как инстанция, уполномоченная устанавливать правопорядок в государстве и являющаяся гарантом мира и законопослушания на подконтрольной территории. Шмитт и Агамбен заострили внимание на парадоксе

суверенной власти, состоящем в том, что суверен в одно и то же время находится внутри и за пределами правовой системы (Шмитт, 2000; Агамбен, 2011). Эта парадоксальная топология суверена предполагает, что у него есть право действовать вне рамок им же санкционированной правовой системы. Как суверен он уполномочен принимать решения, выходящие за рамки закона, если он считает, что это необходимо в интересах обеспечения безопасности и порядка в государстве. Формально-юридически этот парадокс закреплен в праве суверена объявлять чрезвычайное положение (*state of exception*) и таким образом приостанавливать действие общепринятого законодательства⁴.

Несмотря на то, что Лукашенко ни во время предвыборной кампании, ни даже после нее не вводил чрезвычайное положение в официальном порядке, он систематически высказывался⁵ и действовал в манере суверенного произвола — то есть с пониманием и акцентированием своих парадоксальных полномочий самому определять, когда «не до законов»⁶. Таким образом, в рамках предвыборной кампании отчетливо обозначилась своеобразная ловушка суверенной власти, которая способствует переходу к диктатуре и закрепляется при этом режиме в виде конкретной политической тактики: любые акторы или действия, угрожающие сохранению власти суверена, могут быть наперед или постфактум истолкованы как представляющие опасность для государства и, соответственно, в отношении них могут быть санкционированы некие экстраординарные, чрезвычайные меры.

Как было отмечено выше, политический антагонизм между Тихановской и Лукашенко затрагивал, собственно, само устройство суверенной власти. В этой связи позиция Тихановской также отличалась определенным парадоксом. Она вступила в борьбу за президентство, чтобы использовать суверенную власть для перезагрузки института президентских выборов в соответствии с Конституцией. Выполнение этой задачи, с одной стороны, предполагало обретение ею суверенной позиции, с другой — самоустранение

4 В этой связи в Конституции РБ есть пункты о праве президента объявлять чрезвычайное положение, а также военное положение (см., соответственно, пункты 22 и 29 статьи 84 Конституции РБ).

5 Когда президент Беларуси на совещании с новым правительством (04.06.2020), сославшись на пример бывшего президента Узбекистана Каримова, недвусмысленно обозначил свою готовность использовать оружие против протестующих, он тем самым действовал как лицо, уполномоченное принимать такого рода меры «в интересах безопасности государства».

6 Фраза «не до законов» взята из выступления Лукашенко перед работниками прокуратуры 10.09.2020: «Хотя, когда осуществляется практически наглая интервенция, как я ее называю, извне, и она подогревается изнутри и руководится извне. Вы знаете, там иногда не до законов. Надо принять жесткие меры, чтобы остановить всякую дрянь, которая на это претендует». См. <https://www.youtube.com/watch?v=EVzWN4lhVBs>

в качестве суверена. Такая предвыборная программа была способом обозначения возможности и необходимости альтернативного отношения к Закону со стороны обладателя суверенной властью. Эта альтернатива и обеспечила Тихановской гегемонию. С точки зрения избирателей, антагонизм Тихановской и Лукашенко представлял как возможность выбрать между обществом, основанным на верховенстве закона, и обществом, в котором никто не может чувствовать себя в безопасности, так как закон может быть «приостановлен» по произволу суверена. Это было элементарное противостояние между *хорошим обществом* и *плохим обществом*. С того самого времени черно-белое восприятие — а вместе с ним и определенная наивность публичного политического дискурса — стали отличительной чертой политического кризиса в Беларуси. На языке Грамши зафиксированная антагонистическая поляризация, при которой гегемония сосредоточивается на одном полюсе и отсутствует на другом, может быть описана как: господство без гегемонии⁷ *versus* гегемония без господства.

Можно сказать, что Тихановская репрезентировала *хорошее общество* как «пустое означающее» (Laclau, 1994) и что она обрела эту гегемоническую позицию постольку, поскольку ее артикуляция⁸ репрезентируемого пустого означающего сделала возможной базовую идентификацию с этим пустым означающим среди критической массы социальных акторов. В свою очередь названная идентификация является необходимым условием для появления сил, готовых публично отстаивать их «хорошее общество». Данное описание, опирающееся на понятийный аппарат Лакло, требует, однако, уточнения, дополнительного комментария, поскольку

7 Понятийный оборот «господство без гегемонии» ввёл историк Ранаджит Гуха (Guha, 1998): развивая идеи Грамши (анализировавшего, в частности, феномен диктатуры без гегемонии), Гуха использовал названный оборот для характеристики власти колониального государства в Южной Азии. Стоит отметить также, что различие господства и гегемонии имеет очевидные исторические параллели с древнеримским различием двух типов власти: *potestas* и *auctoritas*. В обоих случаях речь идет о различении власти силы и принуждения, с одной стороны, и власти морального авторитета и идейного лидерства, с другой (Agamben, 2005, 75ff.). При этом латинский термин *auctoritas* в большей степени акцентирует момент морального авторитета, чем марксистский термин гегемония. Так как термин авторитаризм (как подчинение одному *authority*) этимологически восходит к латинскому термину *auctoritas*, можно констатировать, во-первых, что авторитаризм — это политический порядок, основанный на сосредоточении обоих типов власти в одних руках (в Римской республике указанные два типа власти распределялись между разными субъектами), и, во-вторых, что кризис авторитаризма Лукашенко заключается в реальной утрате власти *auctoritas*, то есть власти морального авторитета и идейного лидерства. Совершенно очевидно, что эта утрата случилась не в 2020, а прогрессировала последние 10-15 лет, и в 2020 достигла своего апогея.

8 Не будем забывать: артикуляция на три голоса.

«случай Тихановской» (пример предэлекторальной массовой мобилизации в поддержку Тихановской как альтернативы Лукашенко) не схватывается понятийной сеткой Лакло *sensu stricto*. Уже из предыдущего анализа следует, что структура антагонизма здесь функционирует иначе, и с этим связаны подвижки в понимании пустого означающего, гегемонии, Этического и, соответственно, отношения между Этическим и Политическим.

В беларусском кейсе антагонизм, т.е. радикальная установка на исключение, принимает черты объективного противостояния, так как является одновременно политическим и этическим отношением (ср. Laclau, 2000, p. 72). Произволу суверена противопоставляется этическое требование самоограничения суверена принципом верховенства закона, соответственно, плохому обществу противопоставляется хорошее общество. При этом общество, основанное на законе, фигурирует в предвыборной программе Тихановской как пустое означающее, которое не наполняется никаким партикулярным содержанием. Она не представляет никакую отдельную политическую группу, партикулярность которой продвигалась бы как воплощение — содержательное наполнение — пустого означающего «хорошее общество» (ср. Laclau, 1994, p. 176). Единственное содержательное наполнение, которое получает пустое понятие «хорошее общество», — это: общество, основанное на законе. Данное наполнение определяется через антагонистическое отношение — исключение произвола суверена, — поддерживаемое критическим большинством. Таким образом, гегемония не является здесь «именем для нестабильного отношения между *этическим* и *нормативным*» (Laclau, 2000, p. 81). Гегемония Тихановской устанавливается не посредством этической инвестиции в некую конкретную форму нормативного порядка (ср. Laclau, 2000, p. 84), а в силу антагонистического исключения репрезентируемой Лукашенко модели отношения между властью и законом — соответственно, в силу исключения «общества без верховенства закона» как «плохого общества». Представляя «хороший» полюс этого антагонизма, Тихановская, символически, сама выступала как парадоксальное воплощение пустого означающего «хорошее общество». Ее гегемоническая репрезентация этого пустого означающего оставляла открытым горизонт «отсутствующего целого» (ср. Laclau, 1994, p. 178) для его последующего плюрално-конкурентного демократического освоения разнообразными политическими силами. Характерно, что на протяжении всей предвыборной кампании Тихановская последовательно сопротивлялась любой символической апроприации пустого означающего тем или иным идеологическим дискурсом⁹,

9 Ср. Лакло трактует гегемонию как «отношение, посредством которого некое партикулярное содержание, в определенном контексте, берет на себя

т.е. сопротивлялась тому, что в теории Лакло/Муфф называется «разрывом пустого означающего».

Переинтерпретация понятийной сетки Лакло/Муфф потребовалась потому, что их анализ сфокусирован на структурных принципах, препятствующих закрытию (*closure*) символического порядка, т.е. принципах, обуславливающих открытость общества как поля непрестанной борьбы за гегемонию. События в Беларуси перемещали фокус на *modus operandi* суверенной власти, в результате чего вопрос гегемонии представал не как вопрос дискурса (конкурирующих дискурсов), а как вопрос внедискурсивного самоопределения касательно отношения между властью и законом. Если в первом ракурсе обосновывалась невозможность объективной (преодолевающей партикулярность) гегемонической репрезентации, то во втором речь шла о необходимости этического самоограничения суверена законом. Соответственно, в первом ракурсе антагонизм мыслится как отношение, которое указывает на границу объективности (любого дискурса), а во втором — как отношение, которое объективно-императивно исключает конкретный *modus operandi* суверенной власти.

Таким образом, гегемония, ставшая основанием для гражданской консолидации в предэлекторальный период, была достигнута в силу описанного выше этического фреймирования Политического. Этическое измерение конституировалось одновременно и персональным этико-политическим решением субъекта-лидера, и объективным этическим противопоставлением хорошего общества плохому. Это противопоставление разделялось критической массой социальных акторов и репрезентировалось контингентной¹⁰ гегемонической фигурой. Внедискурсивная убедительность этой гегемонии основывалась в конечном счете на отказе Тихановской от полномасштабного вхождения во власть и освоения суверенных полномочий, предполагаемых позицией президента. Этот жест перекликается с критикой Беньямином идолопоклонства, имплицитно заложенного в возлагании суверенной власти на конкретного человека (Benjamin, 1986). Так называемая «техническая» функция Тихановской в качестве кандидата в президенты предполагала, в случае избрания, отказ от реализации квазибожественных полномочий суверенной власти. Редуцируя наперед свои полномочия к формальному перезапуску порядка представительной демократии (проведению новых президентских выборов), Тихановская обозначала новую модальность суверенной

функцию воплощения отсутствующей полноты» (Laclau, 2014, p. 48). Ср. также: Laclau, 1994, p. 176.

10 Здесь можно отследить еще одну смысловую подвижку: контингентным в белорусских событиях является не партикулярный дискурс, обретающий гегемонию (как у Лакло), а собственно фигура гегемонического лидера.

власти: быть не учредителем земного Закона, а тем/той, кто обеспечивает возможность для (пере)запуска отношения между властью и законом в интересах «хорошего общества»¹¹.

Этика-и-политика ненасилия

...словно некое грандиозное потрясение требуется для того, чтобы дух солидарности возродился в тех обществах, в которых мы живем.

С. Жижек

Эта часть будет посвящена анализу событий и процессов, которые стали происходить в Беларуси после объявления властями результатов голосования. Мой ключевой тезис состоит в том, что в основе постэлекторальной динамики протеста лежит структурный разрыв между этикой и политикой, между Этическим и Политическим — разрыв, который стал результатом вторжения беспрецедентного физического насилия со стороны государственной власти в период с 9 по 11 августа 2020 г. Под этикой понимается система взглядов и принципов, характерная для данного общества и отражающая базовое (разделяемое всеми членами общества) понимание того, «что такое хорошо и что такое плохо», соответственно, допустимого и недопустимого в социальном взаимодействии. Под политикой — совокупность институтов и практических мер, целью которых является сохранение или обретение различными социальными акторами прав/возможностей определять законы общественной жизни и контролировать их выполнение. В обычных — относительно стабильных — социальных условиях политика основывается на соответствующей социальной этике, Политическое переплетается с Этическим.

Вторжение неограниченного физического насилия и сам факт санкционирования этого насилия властью стали потрясением для дорефлективной системы нормальности в обществе (системы

11 Здесь открывается перспектива для негативной теологии, в свете которой гегемоническая фигура, воплощенная Тихановской, может быть концептуализирована как *Political virgin*. В обычной жизни данное выражение используется для обозначения человека, не имеющего опыта в сфере политики. Я предлагаю произвести своего рода апгрейд этого базового значения и понимать под *Political virgin* политическую фигуру, которая не репрезентирует никакую партикулярную группу и обретает гегемонию именно благодаря последовательному воздержанию от идентификации с тем или иным партикулярным идеологическим дискурсом (Ср. Неггео, 2019). Мне представляется, что разработка этого направления (релевантного дискурса негативной теологии) может оказаться очень перспективной для переформулирования как гендерной, так и национальной проблематики в более конструктивном ключе (не отягощенном методологическими тупиками соответствующих дихотомий эссенциализма и конструктивизма).

здорового смысла), которая является фундирующим слоем социальной этики¹². В экзистенциальном плане коллапс системы нормальности переживается индивидом как потрясение, которое подрывает базовое доверие индивида к его жизненному миру (Гуссерль; Хабермас). В результате событий 9–11 августа 2020 г. *common sense* как пред-данное «здоровое» основание социальной жизни дал трещину, не тематизировавшаяся ранее общая ценностно-нормативная почва просела. Дорефлексивная вера в то, что определенные вещи (например, открытые убийства и истязания «без суда и следствия» представителями государственных органов) не могут случиться — и тем более стать «нормой», — рухнула. Какой бы наивной эта вера ни была, она была частью системы здравого смысла, которая характерна для белорусов как конкретной культурно-исторической общности и формируется из сложного переплетения национального менталитета и постсоветского социального контракта (Гайдук, Ракова, Силицкий, 2009)¹³.

- 12 Понятие здравого смысла (*common sense*) имеет весьма богатую традицию в истории философии, восходящую к «общему чувству» (*koine aesthesis*) Аристотеля и *κοινοῦ αἰσθητικῆ* Марка Аврелия и других римских философов (см. Гадамер, 1988, с. 61–67). В данной статье мы ориентируемся на трактовку этого понятия у Дж. Вико, который определенным образом объединил две основные линии в концептуализации данного понятия в греческой и римской античности. В изложении Гадамера суть подхода Вико выражена следующим образом: «здравый смысл — это чувство правильности и общего блага, которое живет во всех людях, но еще в большей степени это чувство, получаемое благодаря общности жизни, благодаря ее укладу и целям» (Там же, с. 64).
- 13 «Говоря о социальном контракте в Беларуси, мы приходим к глобальному утверждению: белорусская стабильность основана на согласии общества с тем положением вещей в стране, которое определено властью; в свою очередь, власть выполняет определенный минимум обязательств, обещанных обществу» (Гайдук, Ракова, Силицкий, 2009, с. 5). Я в целом согласна с приведенной формулировкой, но вот следующий тезис редакторов цитируемого сборника представляется мне проблематичным: «Для Беларуси характерен вертикальный социальный контракт, когда представители различных социальных групп, будучи не в состоянии договориться друг с другом о взаимных правах, “сдают” свои права в казну некоему правителю. Последний дальше начинает эти права перераспределять без согласия людей, которые не смогли договориться между собой» (Там же, с. 5–6). Здесь утверждается некорректная, на мой взгляд, причинно-следственная связь. Неспособность договориться друг с другом не причина, не исходная почва для указанной «сдачи», а сама является сущностной импликацией патерналистской модели, унаследованной от советской системы, т.е. логическое отношение здесь скорее прямо противоположное. Примечательным в данной книге является также отсылка к выдающимся французским мыслителям 17 века как авторам теории общественного договора (Там же, с. 5). Дело не только в необходимости восстановления исторической справедливости: среди первых авторов этой теории были два английских философа — Гоббс и Локк. Еще более важным является существенное отличие теории Гоббса от последующих версий, которое делает именно его версию наиболее интересной для анализа современных реалий белорусского государства.

По своей структуре (структуре проживаемого опыта) описываемое потрясение сопоставимо с тем потрясением, которое Ян Паточка рассматривал в качестве конститутивного момента аутентичной человеческой экзистенции и одновременно в качестве учредительного события человеческой истории — истории как процесса совместного ответственного преобразования человеческого мира (Паточка, 2008). Так чешский философ понимал историю Европы и ее турбулентный исток: распад мифологической эпохи и вступление человечества в открытость и неопределенность, требовавшие рефлексивного осмысления и ответственного самоопределения. Термин «потрясение» используется чешским философом еще и в другом значении, представляющем для нас не меньший интерес. Если первое значение является структурным (потрясение как конститутивный момент в свершении человеческой экзистенции и истории), то второе — фигуративным: Паточка говорит о потрясении, которое пережили солдаты на фронте в Первой мировой войне (см. шестое эссе в: Паточка, 2008). Фронтное потрясение описывается им как нечто ужасающее, как столкновение с абсурдностью. Связь между первым и вторым смыслами намечается чешским философом в вопросе: «Каким образом “фронтной опыт” может приобрести ту форму, которая сделала бы его историческим фактором?» (Там же, с. 165). Паточка имеет здесь в виду: каким образом фронтной опыт может привести к преодолению войны как парадигмы современного мира? Его ответ: посредством «солидарности потрясенных», «солидарности тех, кто сумел понять, о чем идет речь [в ситуации] жизни и смерти и в результате в истории» (Там же).

Таким образом, конкретный опыт травматического столкновения с чем-то Немыслимым позиционируется в рассуждениях Паточки как возможная эмпирическая (онтическая) предпосылка для активации потрясения как структурного (онтологического) принципа, осуществляющего обновление человеческой жизни и истории. Этот ход мысли кажется очень перспективным для понимания конститутивных элементов и генезиса Беларусской революции. Так, тезис Паточки о том, что история возникает в результате потрясения привычных повседневных смыслов: когда все, что казалось очевидным, несомненным и надежным, «преседает», — применительно к нашей ситуации означает, прежде всего, указанное выше аффективное потрясение системы здравого смысла. В результате этого потрясения произошел разрыв между Этическим и Политическим, который определил характер новой радикальной поляризации в обществе: на эксцесс суверенной власти (санкционирование экстраординарного физического насилия), который перечеркнул Этическое как всеобщее, граждане ответили этикой ненасилия, в основе которой лежит не только необратимость травмы, но также «нудительность» (Бахтин), с которой травматическое потрясение имплицитно требует

прекращения порядка насилия. В плане исторических параллелей данный пример эксцесса суверенной власти на первый взгляд сопоставим с эксцессом суверенной власти, пример которого мы находим в нацистском режиме. Однако, Агамбенский анализ суверенной власти и феномена «состояния исключения» позволяет провести принципиальное — структурное — различие между соответствующими диктаторскими позициями. Согласно Агамбену, установление гитлеровского режима в 1933–1945 стало введением «состояния исключения» именно потому, что произошло объединение в одних руках обоих типов власти — *potestas* и *auctoritas*¹⁴ (Agamben, 2005, 86). Что же касается Лукашенко, то, как уже отмечалось ранее, исполненный им эксцесс суверенной власти обусловлен не объединением, а провалом объединения/сохранения двух типов власти в одних руках.

Противостояние между этикой ненасилия и беспредельной властью суверена представляется эвристичной оптикой для анализа и описания постэлекторальных протестных акций и в целом разворачивания политического кризиса в Беларуси. В практическом плане разрыв между Этическим и Политическим означал разрыв социального контракта, на котором долгие годы держался режим Лукашенко. Активирование нового социального контракта должно было предполагать, соответственно, переустановление отношения между Этическим и Политическим, между этикой и политикой. Массовое протестное движение, развернувшееся с воскресенья 16 августа 2020 г., можно рассматривать как демократическое определение генерального направления такого переустройства: *этика ненасилия утверждает себя через политику ненасилия* — разные формы мирного протеста, которые разворачиваются сначала спонтанно, а впоследствии со все большей степенью рефлексивности, осознания избранного пути. Таким образом, массовая гражданская мобилизация стала манифестацией того, что Паточка называл «солидарностью потрясенных». Солидарность выростала на почве аффективной реакции (негодования, возмущения, гнева) на «двойное преступление» суверена — закрепление несправедливости насилием. Эта реакция содержала в себе этическую импликацию: антагонистический императив «так жить нельзя», который был активирован травмой.

Философский и одновременно практический вопрос, который требует прояснения: каким образом — при каких условиях — осуществляется переход от этики к политике ненасилия, т. е. к практике политической борьбы мирными методами? Я затрону только один аспект этого вопроса, касающийся субъектности людей, переживающих травматическое потрясение: каким образом дисперсное «сообщество потрясенных» оказывается в состоянии

14 См. сноску 7.

интегрироваться и мобилизоваться в направлении новой коллективной потенциальности — публичного самоутверждения через мирный протест? Можно исходить из того, что первоначально на уровне масс имело место переживание реактивных аффектов (от подавленности и оторопи до возмущения и гнева), что люди делились этими переживаниями в кругу близких и своих социальных сетях. Фактом является также то, что люди не пошли по пути симметричного ответа — ответа расплатой и возмездием, — к которому импульсивно подталкивает гнев. В этой связи стоит указать на две очень разные попытки предложить конструктивное осмысление гнева как сильной эмоции, которая может быть элементом, модулирующим движение к осознанным социальным или политическим трансформациям. С одной стороны, политолог Дэвид Ост предлагает трактовать политику как «мобилизацию гнева» (Ost, 2004), с другой — философ Марта Нуссбаум вводит понятие «транзитивного гнева» (Transition-Anger) (Nussbaum, 2018, p. 36), имея в виду эмоциональное состояние, которое сподвигает на позитивные социальные изменения. Однако ни одна из этих попыток не помогает осмыслить интересующую нас ситуацию. Нуссбаум под «транзитивным гневом» понимает весьма специфическую рациональную эмоцию, ориентированную в будущее и нацеленную на социальное благополучие. Ее анализ выполнен в ключе моральной психологии и сильно отклоняется от опыта коллективного травматического потрясения, примером которого стали события в Беларуси. В свою очередь, мобилизация гнева, о которой пишет Ост, относится им к партийной работе, т.е. предполагает некую искусную политическую стратегию и тактику, канализирующую народный гнев в нужное русло. Это также расходится с событиями в Беларуси, так как в августе 2020 не было никакой централизованной политической координации травмированного и возмущенного гражданского общества. Революцию никто не планировал, и тем более она не могла рассматриваться как закономерное следствие из некоего ряда событий. Общество столкнулось с Немыслимым, привычная опора для социального взаимодействия была утрачена — в этом состояла фактичность момента.

Чтобы понять, каким образом общество выходило из состояния «проседания почвы под ногами», мне кажется перспективным обратиться к понятию *политического возвышенного* (Shapiro, 2018). Шапиро разрабатывает оригинальную концепцию политики эстетики, построенную на анализе опыта возвышенного. Понятие возвышенного высвобождается у него из метафизической рамки классической эстетики. Отталкиваясь отчасти от идей Лиотара (Lyotard, 1994), Шапиро понимает опыт возвышенного как опыт прохождения через «событие разрыва» (disruptive event) — разрыва, возникающего в результате столкновения с чем-то радикально чуждым, немыслимым, непредставимым, невыговариваемым.

Возвышенное и есть способ проживания-переживания разрыва и манифестации этого переживания. Если зайти с другой стороны: разрыв — то, что особым образом манифестируется посредством возвышенного. Центральный тезис концепции Шапиро звучит следующим образом: «решающие политические инициативы, которые бросают вызов повелительным и институционализированным модусам власти и господства, предваряются событиями разрыва, провоцирующими формирование сообществ, создающих оппозиционный смысл» (Sharipo 2018, p. 4). Подчеркну, «события разрыва» понимаются здесь как субъективное переживание столкновения с немислимым в опыте возвышенного. Соответственно, политический вектор анализа определяется вопросом: каким образом опыт возвышенного активирует новые оппозиционные сообщества, новые смыслы и режимы чувствования, инспирирующие новые политические инициативы¹⁵?

Если мы посмотрим теперь на генезис Белорусского протестного движения, то будем, вероятно, поражены тем, насколько значимую роль сыграл здесь опыт возвышенного. Массовый революционный подъем стал возможен и был активирован, так сказать, именно в силу появления измерения Возвышенного, которое было учреждено женскими «белыми акциями» 12–13 августа¹⁶. Ретроспективно мы можем признать женские «белые цепи» инаугурационным актом Белорусской революции, поскольку они активировали способность сообщества к коллективному сопротивлению. Этот опыт политического возвышенного родился из столкновения с эксцессом насилия как чем-то непостижимым и экзистенциально-этически отторгаемым — *нечеловеческим*. Сам этот опыт возвышенного имел разрывной/прорывной¹⁷ эффект, открывающий возможность новой социально-политической динамики для переживших потрясение. Женские «белые акции» как способ проживания/выражения опыта Возвышенного имели перформативный характер. В этой связи следует различать два аспекта: 1) сам праксис политического возвышенного (действие, реализованное конкретной группой людей); 2) Возвышенное как «объект», который воспринимается другими и который, будучи воспринимаемым, имеет потенциал пробуждать чувство сопричастности и солидарности. Речь идет о перформативном объекте, который,

15 Ср. с рассуждениями Паточки о «преобразовании жизненного смысла, наталкивающегося на непреодолимую границу» при описании индивидуального фронтального опыта (Паточка, 2008, с. 161).

16 См. статью В. Иванова в данном выпуске.

17 Английское слово *disruptive* имеет два смысла: разрыв с чем-то и прорыв к чему-то новому. Оба важны для описания опыта возвышенного, который не только наталкивается на границу представимого, но и производит специфическое переформатирование режима чувственности, которое намечает горизонт (способность) трансцендирования.

подобно социальным ритуалам, активирует определенный коллективный отклик.

Таким образом, переход от потрясения — от разрыва между Этическим и Политическим — к политической имплементации этики ненасилия был эмпирически опосредован и структурно обусловлен уникальным опытом политического возвышенного. Тот факт, что конститутивным субъектом политического возвышенного Белорусской революции выступили женщины, не является вторичным, а имеет принципиальное (сущностное) значение. Политическое возвышенное выступает одновременно и как фемининное возвышенное постольку, поскольку его импликацией является опрокидывание патриархатно-авторитарного порядка, для которого насилие (в его разнообразных формах) является главным инструментом власти (ср. Freeman, 1995)¹⁸. Введение/появление измерения возвышенного посреди шокированного насилием общества позволило перезагрузить коллективное политическое воображение и воодушевило на массовый мирный протест. Опыт возвышенного, сопряженный с критическим эмоциональным напряжением и переформатированием мотивационной структуры субъекта, открыл возможность для нового понимания ситуации и для нового политического праксиса. Он активировал новую протестную динамику и стал предпосылкой для уникальной политической креативности.

18 Сказанное открывает принципиально новую перспективу для осмысления вопроса о позиционировании женского субъекта в Белорусской революции. Новый подход предполагает критическую дистанцию и по отношению к тезису о «женском лице» революции, и по отношению к гендерной критике патриархатных паттернов в поведении и риторике активисток и женщин-лидеров демократических сил.

С этого момента мы можем определять активный протест с помощью сложного понятия: *этика-и-политика ненасилия*. Дефиниционное написание призвано подчеркнуть перманентное этическое фундирование политической практики, или, еще точнее, взгляд на политику как имплементацию базовой этической установки, лаконично транслированной в надписи на протестных плакатах: «Стоп насилие!» Массовые мирные марши стали уникальной политической эпифанией — явлением и самоутверждением солидарной демократической плюральной множественности¹⁹ как нового политического субъекта. Таким образом, о революции применительно к белорусским событиям можно говорить, как минимум, в смысле *революционного прорыва*, в результате которого «народ» перестал быть номинальной политической фигурой, а предъявил себя *in concreto* в качестве плюральной демократической общности, противостоящей суверену-диктатору. Общее благо, вокруг/ради которого эта общность сложилась, — установление социального порядка, построенного на принципе верховенства закона и исключающего злоупотребление суверенной властью (произвол в применении насилия). Противостояние двух суверенов — демократической общности и диктатора — стало сутью политического кризиса в стране.

Предложенная аналитическая оптика позволяет дать оценку парадоксальному ритму и длительности состоявшихся массовых маршей: неделю трудимся — на выходные протестуем, и так более 2 месяцев! Нужно осознать амбивалентность этого феномена. С одной стороны, он был обусловлен долгой историей подавления гражданской субъектности (Фурс, 2005; Щитцова, 2020), отсутствием опыта коллективного политического действия, выработки и реализации единой стратегии и тактики²⁰. С другой стороны,

19 Здесь следует подчеркнуть, что распространенное определение Белорусской революции как революции среднего класса упускает (или игнорирует) политическую значимость широкой представленности самых разных социальных групп в протестном движении. Говоря марксистским языком, новая демократическая гегемония, проложившая себе путь в 2020, никоим образом не может быть определена как классовая гегемония.

20 Здесь можно добавить такие моменты, как отсутствие опорной политической инфраструктуры (партии, движения и т.п.), отсутствие политического

в нем выказывало себя специфическое упорствующее терпение (*упартасць, трываласць*), настойчивость и неотступность в регулярной — в рамках повседневного недельного расписания — демонстрации гражданского несогласия. Белорусы в определенном смысле сделали протест элементом мирной рутины: продолжая обеспечивать социальное воспроизводство и, соответственно, функционирование государства по будням, они на выходных демонстрировали власти свое радикальное несогласие со *status quo*. Так выглядел объявленный народом *state of exception* — отказ от частной жизни в пользу «общего дела», демонстрации гражданской солидарности. Регулярными массовыми выходами на марши «сообщество потрясенных» словно говорило: вот Мы, «Мы» есть — Мы собрались здесь по собственной воле против диктатора, узурпировавшего власть. Манифестация народного суверенитета состоялась через продолжительное, повторяющееся физическое самопредъявление: предъявление себя как *political body*, что является базовым условием всех дальнейших политических требований²¹.

опыта у ключевых лидеров и членов их команды, а также аресты и эмиграцию целого ряда лидеров. Следует отметить, однако, что названные недостатки сочетались с новыми уникальными возможностями: децентрализованным лидерством, активным формированием горизонтальных связей, масштабным задействованием электронной коммуникации для сетевого взаимодействия.

- 21 Отсюда открывается перспектива для пересмотра вопроса о нации — национальном самосознании, — который очень по-разному трактуется участниками и аналитиками Белорусского протестного движения. Данный вопрос требует отдельного рассмотрения, поэтому здесь я ограничусь кратким обозначением своей позиции. Мне представляется, что предложенная в статье аналитическая оптика помогает прояснить специфику актуализации национальной повестки в контексте протестного движения. Спонтанная протестная активность заключала в себе нормативное ядро, определявшее форму и горизонт возможностей протестного дви-

Интересно сравнить белорусский протестный опыт с рассуждениями Батлер о свободе собраний и ненасильственном сопротивлении насилию:

«В ненасилии я хочу подчеркнуть следующее: дело не только в том, что об этом принципе нужно всегда помнить, но и в том, что надо определять этим принципом наше поведение и даже желание: можно сказать, что дело в том, как уступить принципу. Ненасильственное действие не сводится к упражнению воли, то есть воздержанию от агрессивных импульсов; оно является коллективной телесной формой активной борьбы, поддерживаемой культивируемым ограничением» (Батлер, 2018, 183-184; курсив везде мой – Т.Щ.).

Обращает на себя внимание нерелевантность этого описания белорусскому мирному протесту (по крайней мере *en masse*). Ни специальной уступки, ни особых упражнений воли, ни целенаправленного культивирования ограничения не требовалось белорусскому гражданскому обществу для того, чтобы еженедельно выходить на мирные протестные акции. Скорее история нашего протестного движения показала, что Мы как политический субъект решительно неспособны на коллективное насилие. Какой бы ни была оценка этого факта, необходимо признать, что именно в этой неспособности к силовому противодействию народное *political body* проявилось как суверен, антагонистически противоположный суверену-диктатору²².

жения. Мы определили это нормативное ядро как этику ненасилия. Последняя проявилась и была активирована в ситуации кризиса как базовый элемент нашего сообщества как конкретного культурно-исторического образования. В этой связи кажется обоснованным и перспективным провозвести концептуальный сдвиг от понятия 'ethnos' (отдельной этнической группы) к понятию 'ethos' (совокупности норм, ценностей и поведенческих паттернов) как характеристике данной культурно-исторической общности, относящейся к соответствующей территории. Тем самым предполагается также сдвиг от понятия национальной (этнической) идентичности, с одной стороны, к понятию национального хабитуса, складывающегося в результате социализации в соответствующем геокультурном сообществе, и, с другой стороны, к понятию идентификации, предполагающему возможность переосмысления связи между прошлым, настоящим и будущим. Предложенный сдвиг позволяет сделать национальную повестку более инклюзивной, сохраняя при этом ценность и валидность общей истории и географии. Опираясь на эту методологическую подвижку, можно аргументировать, что в плане актуализации вопроса о нации Белорусская революция вышла за рамки классической дихотомии этнического и гражданского национализмов, развернув перформативную перспективу коллективного утверждения собственного этоса в политическом противостоянии эксцессу суверенной власти.

22 Различные независимые опросы и, в частности, данные последнего (июльского) опроса Chatham house показывают, что этика ненасилия остается

Заключение. Тяжба о суверенности.

Чтобы подвести итоги, нужно прежде всего обратить внимание на структурную комплементарность этического фреймирования политического антагонизма, которое обеспечило предэлекторальную консолидацию гражданского общества, и этики ненасилия, которая легла в основание постэлекторальной солидарной мобилизации «потрясенных». Предвыборный политический антагонизм трансформировался после выборов в открытое мирное восстание суверена-народа против суверена-диктатора, основанное на травматическом переустановлении отношения между Этическим и Политическим. Политико-правовой смысл этого противостояния заключается в перманентной делегитимации власти суверена-диктатора. Кризис предстает как тяжба о суверенности, в которой исключен компромисс, если понимать эту тяжбу онтологически, т.е. не как конфликт между эмпирическими субъектами/группами, а как процесс исторического разбирательства, в котором на кону стоит принцип суверенной власти и борьба идет за то, закрепится он в гоббсовско-шмиттовской форме квазибожественного произвола суверена (как единоличного *authority* в государстве) или же будет пересмотрен ввиду революционно-нового запроса на построение «хорошего» демократического общества. Бескомпромиссность этой тяжбы проявляется в абсолютно полярном восприятии и истолковании происходящего разными сторонами. С точки зрения продемократически настроенного гражданского общества противостояние суверену-диктатору делает все его чрезвычайные меры *изоморфными внешнему вторжению*: узурпировав власть, он действует по отношению к нелояльным гражданам как к врагам. Это указывает на обоснованность использования понятия *внутренней оккупации* для характеристики репрессивной политики режима Лукашенко.

В то же время с точки зрения суверена-диктатора, столкнувшегося с кризисом авторитетности и легитимности, продвигается совершенно иная картина мира. Там, где репрессированное, но не выказывающее лояльности общество видит внутреннюю оккупацию, диктатор²³ воображает чрезвычайное положение, логика которого требует последовательного проведения репрессий и символического насилия в виде пропагандистского производства требуемой

позицией демократического большинства: 61% опрошенных поддерживают требование остановить насилие и освободить политзаключенных.

23 Лукашенко рассматривается как пример диктатора, злоупотребляющего возможностями суверенной власти. В этой части наша трактовка отклоняется от понимания диктатуры у Шмитта. Немецкий мыслитель разделяет два типа диктатуры — комиссарскую (уполномоченную высшей инстанцией) и суверенную (формирующуюся в ходе революции и нацеленную на установление нового политического порядка) (Шмитт, 2018).

идеологической картины мира. Эта картина совершенно предсказуема и при этом гротескна: враги снаружи — враги внутри, международный заговор, необходимость общей мобилизации и народного единства, необходимость сплочения вокруг лидера/отца нации, являющегося гарантом независимости государства.

Важно подчеркнуть, что в рамках тяжбы народная делигитимация суверенного правителя отделяет вопрос о государственном суверенитете от личности суверена-диктатора. Здесь снова обнаруживается специфика белорусского кейса. Так, Батлер в уже упоминавшейся книге пишет: «...воззвание “мы” отделяет народный суверенитет от государственного; оно снова и снова именуется и учреждает разницу между ними. /.../ Народный суверенитет имеет смысл только в таком непрерывном акте отделения от государственного» (Батлер, 2018, 167). В силу радикального антагонизма между произволом/эксцессом суверенной власти со стороны диктатора и этикой-и-политикой ненасилия со стороны демократической общности *расхождение суверенитетов* как главное напряжение политической жизни перемещается в другой регистр: возникает строгая дизъюнкция между суверенитетом правителя и суверенитетом народа, в результате чего суверенитет государства также оказывается под вопросом. Соответственно, репрезентация государственного суверенитета во внешнем мире открывается как канал для укрепления суверенитета репрезентирующего лица или органа. Этим объясняется, по всей видимости, внешнеполитическая авантюра Лукашенко с миграционным кризисом, который мог рассматриваться им как перспективный способ заставить считаться с собой как с сувереном, утвердиться в качестве суверена в международных отношениях.

Необходимость пересмотра вопроса о суверенной власти — главная политическая и одновременно философская задача, которая открывается перед «сообществом потрясенных» ввиду того исторического сдвига, настоящего революционного прорыва, который произошел в Беларуси в 2020 г. Как известно, Европейская политическая традиция изобрела ряд проверенных инструментов для избегания или минимизации риска злоупотребления суверенной властью, а именно злоупотребления эксклюзивным правом действовать за рамками закона (обозначать «состояние исключения» и под этим предлогом задействовать экстраординарные, в том числе насильственные, меры). Главными такими инструментами являются принцип разделения властей и парламентская традиция. При этом суверенная власть как власть устанавливать правопорядок (учреждать Закон) остается основанием политической реальности, она лишь определенным образом распродоточивается и обезличивается — преломляется через призму сложных процедур принятия «последнего решения» (ср. Норт,

Уоллис, Вайнгаст, 2011)²⁴. Именно демократизация процедуры принятия политических решений маркирует переход от домодерного способа отправления суверенной власти сувереном-монархом, обладавшим правом прямого распоряжения жизнью и смертью подданных (Фуко, 2018, с. 238). Фуко, определивший современную технологию власти как биополитику, заострил при этом внимание на праве государственной власти на убийство, проявляющемся в виде права принимать решение о ведении войны (Там же, с. 240; см. также Kelly, 2004). «Эта чудовищная власть смерти», как пишет Фуко, является дополнением к биовласти, т.е. «власти, которая позитивным образом осуществляется над жизнью, которая берется ею управлять, ее усиливать и умножать, осуществлять педантичный контроль над ней и ее регулирование в целом» (Фуко, 2018). Со всем недавно суверенная власть как власть распоряжения жизнью и смертью была продемонстрирована в связи с принятием правительствами разных стран ряда экстраординарных антиковидных мер: например, тех, которые определяли порядок доступа различных социальных групп к определенным типам медицинской помощи. В Беларуси право суверена распоряжаться жизнью и смертью граждан наиболее красноречиво отражено в положении Конституции об исключительном праве президента на помилование осужденных на смертную казнь, само существование которой в нашей правовой системе является отзвуком домодерного кода принципа суверенности, предполагавшего единоличное распоряжение суверена-монарха жизнью и смертью подданных. Эксцесс суверенной власти, рассмотренный в данной статье, также заставляет вспомнить домодерную парадигму, в рамках которой суверенное право распоряжаться жизнью и смертью основывалось на праве суверена защищаться (Там же). Радикальное отличие нашей ситуации, не позволяющее удовлетвориться сравнением Лукашенко с «феодалом», состоит в том, что агрессивная защита единоличной власти осуществляется им в конечном счете не от имени личного суверенитета, а от имени суверенитета государственного, то есть от имени *res publica*.

Политический кризис в Беларуси — противостояние двух суверенов — прямо выводит гражданское общество к вопросу, которым Бенджамин задается в работе «Критика насилия» (Benjamin, 1986): вопросу о том, *каким образом устанавливается сама рамка Закона, внутри которой все легитимируется в соответствии с предполагаемыми этой рамкой правилами?* Это вопрос о том, как будет осуществлять свою суверенную власть народ (демократическая множественность), если/когда противостояние

24 Авторы этой книги не обращаются к понятию суверенной власти, и поэтому за рамками их анализа оказывается ряд важных философских вопросов, касающихся топологии суверенности и, соответственно, принципов и способов опосредования между насилием и правопорядком.

завершится падением режима Лукашенко? Другими словами, характер описанного выше этико-политического антагонизма подводит к необходимости радикального пересмотра отношения между государством (обладающим монопольным правом на насилие) и гражданским обществом. Радикальность исторического запроса — запроса на осуществление полномочия суверенности — требует от нового политического субъекта переустройства государства на новых принципах. Логика всех предшествующих рассуждений, кажется, совершенно недвусмысленно подводит к тому, что тяжба о суверенности должна завершиться переходом к парламентской республике.

Литература

- Агамбен, Дж. (2011) *Ното sacer. Суверенная власть и голая жизнь*. Москва: Европа.
- Батлер, Дж. (2018) *Заметки к перформативной теории собрания*. Москва: Ad Marginem.
- Быковский, П. (2020) Проект праймериз разделил оппозицию на объединенную и разрозненную. [онлайн] *Naviny.by* (14.03.2020). Доступ по: <https://naviny.online/article/20200314/1584162586-proekt-praymeriz-razdelil-oppoziciyu-na-obedinennuyu-i-razroznennuyu> [Просмотрено 11 декабря 2021].
- Валлерстайн, Им. (2003) *Конец знакомого мира. Социология 21 века*. Москва: Логос.
- Гадамер, Х.-Г. (1988) *Истина и метод*. Москва: Прогресс.
- Гайдук, К., Ракова, Е., Силицкий, В. (2009) *Социальные контракты в современной Беларуси*. BISS.
- Дебор, Ги (2000) *Общество спектакля*. Москва: Логос
- Норт, Д., Уоллис, Д., Вайнгаст, Б. (2011) *Насилие и социальные порядки*. Москва: Издательство Института Гайдара.
- Паточка, Я. (2008) *Еретические эссе о философии истории*. Минск: Логвинов.
- Сіліцкі, В. (2012) *Адкладзеная свабода. Посткамуністычны аўтарытарызм у Сербіі і Беларусі*. Вільня.
- Фуко, М. (1996) *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности*. Москва: Касталь.
- Фурс, В. (2005) Белорусская реальность в системе координат глобализации. *Торос*, № 10, с. 5–18.
- Шмитт, К. (2000) *Политическая теология*. Москва: Канон-Пресс-Ц.
- Шмитт, К. (2018) *Диктатура*. Москва: Рипол Классик.
- Щитцова, Т. (2020) Депрессия как диспозиция-и-диспозитив. К социальной релевантности депрессии в современном белорусском обществе. В: Щитцова, Т., Артимович, Т., Ковтык, Е., Полешук, И. *Без будущего. Депрессия и авторитарное общество*. Vilnius: Logvino literaturos namai, с. 39–121.
- Agamben, G. (2005) *State of Exception*. Chicago: University of Chicago Press.
- Agamben, G. (2020) Coronavirus and philosophers. In: Foucault, M., Agamben, G., and Benvenuto, S. *Coronavirus and philosophers*. [online] <https://>

- www.journal-psychoanalysis.eu/coronavirus-and-philosophers/ [Accessed 10 December 2021].
- Benjamin, W. (1986) Critique of violence. *Reflections*. New York: Schocken Books.
- Freeman, B.C. (1995) *The Feminine Sublime: Gender and Excess in Woman's Fiction*. Berkeley: University of California Press.
- Guha, R. (1998) *Dominance without Hegemony: History and Power in Colonial India*. Harvard University Press.
- Herrero, M. (2019) Laclau's Revolutionary Political Theology and Its Backdrop. *Sintesis.Revista de Filosofia* II (2), pp. 9–25.
- Laclau, E. (1994) Why Do Empty Signifiers Matter to Politics? In: Weeks, J., ed. *The Lesser Evil and the Greater Good: The Theory and Politics of Social Diversity*. London: Rivers Oram Press, pp. 167–178.
- Laclau, E. (2000) Identity and Hegemony: The Role of Universality in the Constitution of Political Logics. In: Butler, J., Laclau, E., and Žižek, S. *Contingency, Hegemony, Universality. Contemporary Dialogues on the Left*. London, New-York: Verso, pp. 44–89.
- Laclau, E. and Mouffe, Ch. (2001) *Hegemony and Socialist Strategy*. London: Verso.
- Liotard, J.-F. (1994) *Lessons on the Analytic of the Sublime*. Stanford University Press.
- Mbembe, A. (2019) *Necropolitics*. Duke University Press.
- Mouffe, Ch. (2006) *On the Political*. London, New York: Routledge.
- Nussbaum, M. (2014) *Anger and Forgiveness: Resentment, Generosity, Justice*. Oxford University Press.
- Ost, D. (2004) Politics as the Mobilization of Anger: Emotions in Movements and in Power, *European Journal of Social Theory*, Vol. 7, no. 2, pp. 229–244.
- Shapiro, J. M. (2018). *The Political Sublime*. Duke University Press.

References

- Agamben, G. (2005) *State of Exception*. Chicago: University of Chicago Press, 104 p.
- Agamben, G. (2011) *Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life]. Moscow: Evropa, 256 p.
- Agamben, G. (2020) Coronavirus and philosophers. In: Foucault, M., Agamben, G., and Benvenuto, S. *Coronavirus and philosophers*. [online] <https://www.journal-psychoanalysis.eu/coronavirus-and-philosophers/> [Accessed 10 December 2021].
- Batler, Dzh. (2018) *Zametki k performativnoi teorii sobraniya* [Notes on the Performative Theory of Assembly]. Moscow: Ad Marginem, 248 p.
- Benjamin, W. (1986) Critique of violence. *Reflections*. New York: Schocken Books, 348 p.
- Bykovskii, P. (2020) Proekt praimeriz razdelil oppozitsiyu na ob'edinennuyu i razroznennuyu [Primaries project divided the opposition into the united and the disjoined ones]. [online] [Naviny.by](https://naviny.by) (14.03.2020). Available at: <https://naviny.online/article/20200314/1584162586-proekt-praymeriz-razdelil-oppozitsiyu-na-obedinennuyu-i-razroznennuyu> [Accessed December 11, 2021].
- Debord, G. (2000) *Obshchestvo spektaklia* [The Society of the Spectacle]. Moscow: Logos, 184 p.

- Freeman, B.C. (1995) *The Feminine Sublime: Gender and Excess in Woman's Fiction*. Berkeley: University of California Press, 205 p.
- Fuko, M. (1996) *Volia k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti* [The Will to Truth]. Moscow: Kastal', 448 p.
- Furs, V. (2005) Belorusskaya real'nost' v sisteme koordinat globalizatsii [Belarusian reality in the coordinate system of globalisation]. *Topos*, no. 10, pp. 5–18.
- Gadamer, H.-G. (1988) *Istina i metod* [Truth and Method]. Moscow: Progress, 704 p.
- Gaiduk, K., Rakova, E., Silitskii, V. (2009) *Sotsial'nye kontrakty v sovremennoi Belarusi* [Social Contracts in Contemporary Belarus]. Vilnius: BISS, 224 p.
- Guha, R. (1998) *Dominance without Hegemony: History and Power in Colonial India*. Harvard University Press, 268 p.
- Herrero, M. (2019) Laclau's Revolutionary Political Theology and Its Backdrop. *Sintesis.Revista de Filosofía II* (2), pp. 9–25.
- Laclau, E. (1994) Why Do Empty Signifiers Matter to Politics? In: Weeks, J., ed. *The Lesser Evil and the Greater Good: The Theory and Politics of Social Diversity*. London: Rivers Oram Press, pp. 167–178.
- Laclau, E. (2000) Identity and Hegemony: The Role of Universality in the Constitution of Political Logics. In: Butler, J., Laclau, E., and Žižek, S. *Contingency, Hegemony, Universality. Contemporary Dialogues on the Left*. London, New-York: Verso, pp. 44–89.
- Laclau, E. and Mouffe, Ch. (2001) *Hegemony and Socialist Strategy*. London: Verso, 218 p.
- Liotard, J.-F. (1994) *Lessons on the Analytic of the Sublime*. Stanford: Stanford University Press, 264 p.
- Mbembe, A. (2019) *Necropolitics*. Durham: Duke University Press, 224 p.
- Mouffe, Ch. (2006) *On the Political*. London, New York: Routledge, 160 p.
- North, D., Wallis, J., Weingast, B. (2011) *Nasilie i sotsial'nye poriadki* [Violence and Social Orders]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 482 p.
- Nussbaum, M. (2014) *Anger and Forgiveness: Resentment, Generosity, Justice*. Oxford: Oxford University Press, 336 p.
- Ost, D. (2004) Politics as the Mobilization of Anger: Emotions in Movements and in Power, European. *Journal of Social Theory*, Vol. 7, no. 2, pp. 229–244.
- Patochka, J. (2008) *Ereticheskie esse o filosofii istorii* [Heretical Essays in the Philosophy of History]. Minsk: Logvinov, 204 p.
- Silitski, V. (2012) *Adkladzenaya svaboda. Postkamunistychny autarytaryzm u Serbii i Belarusi* [Postponed Freedom. Postcommunist Authoritarianism in Serbia and Belarus]. Vilnius: Belaruskii Kalgium, 130 p.
- Schmitt, C. (2000) *Politicheskaya teologiya* [Political Theology]. Moscow: Kanon-Press-Ts, 336 p.
- Schmitt, C. (2018) *Diktatura* [Dictatorship]. Moscow: Ripol Klassik, 440 p.
- Shapiro, J. M. (2018). *The Political Sublime*. Durham: Duke University Press, 224 p.
- Shchytsova, T. (2020) Depressiya kak dispozitsiya-i-dispozitiv. K sotsial'noi relevantnosti depressii v sovremennom belarusskom obshchestve [Depression as disposition and dispositive. On social relevance of depression in the contemporary Belarusian society]. In: Shchytsova, T., Artimovich, T., Kovtiak, E., Poleshchuk, I. Bez budushchego. *Depressiya i avtoritarnoe obshchestvo* [Depression and Authoritarian Society]. Vilnius: Logvino literaturos namai, pp. 39–121.
- Wallerstein, I. (2003) *Konets znakomogo mira. Sotsiologiya 21 veka* [The End of the World As We Know It: Social Science for the Twenty-first Century]. Moscow: Logos, 156 p.

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ «ОТВЕЧАЯ ЗА СЕБЯ. ЗАПИСКИ ФИЛОСОФА С ВРЕДНЫМ ХАРАКТЕРОМ»

Владимир Мацкевич

В декабре 2021 г. вышла книга Владимира Мацкевича «Отвечая за себя. Записки философа с вредным характером», созданная на основе серии публикаций в социальных сетях в 2019 г. С августа 2021 г. Владимир находится в белорусской тюрьме за свою интеллектуальную, публицистическую деятельность и за гражданскую позицию. Но арест не может и не должен останавливать мысль и развитие идей. Книга издана коллегами Владимира в рамках кампании «Философ в тюрьме». В 2019 г. Владимир Мацкевич в публичном пространстве искал ответы на вопросы о месте и роли мышления и философии в ситуации ключевых общественных трансформаций, определял собственную позицию и действовал. Это интеллектуальное и гражданское движение отражается в книге. В ней соединяется самоопределение, анализ актуальной общественной ситуации и перформативные акты публичных выступлений, например, открытое письмо А. Лукашенко. Мы публикуем небольшой отрывок из новой книги, в котором анализируется ситуация противостояния в публичном и информационном пространстве.

Неравная битва дискурса с нарративом

Лет 50–60 назад постмодернисты объявили, что время больших нарративов закончилось. Но они забыли уточнить, где, когда такое время было и где именно оно закончилось. Закончилось время нарративов в Германии, Франции, Бенилюксе, Скандинавии. Но в половине стран Европы господствовали именно большие нарративы. Самый большой и мощный нарратив тотально господствовал в СССР, и он же частично распространялся на большую часть Европы и разные другие регионы мира. Схожий с ним нарратив определял жизнь в Китае. И этим нарративам противостоял не меньший нарратив «свободного мира».

Постмодернисты поторопились хоронить нарративы. Они приняли локальную региональную ситуацию за глобальную. Обычный и заурядный евроцентризм, с которым они боролись.

При этом они так запутали само понятие «нарратив» обрывками структурализма и других модных подходов, что до сих пор распутать не могут.

Что такое «нарратив», лучше всего объяснил один из самых талантливых и ироничных постмодернистов Карлос Кастанеда. Он изобразил сам постмодернистский нарратив в форме мифологии и магической практики индейцев яки. Дон Хуан Матус использовал категорию «членство в описании мира» в том же самом смысле, в котором постмодернизм использует категорию «большой нарратив».

Нарратив — это язык плюс сумма повествований на этом языке, задающие описание мира. Люди принимают участие в нарративе, пользуясь этим языком, читая и слушая повествования о мире и транслируя эти повествования, что-то добавляя от себя, оспаривая отдельные утверждения. Сомневаясь, они только увеличивают, усиливают и укрепляют этот нарратив. Или, говоря словами дона Хуана, — принимают членство в описании мира.

Дон Хуан, Карлос Кастанеда, постмодернисты и феноменологи, которых пародировал Кастанеда, понимали и знали, что мир и описание мира (нарратив) не тождественны. Мир отличается от описания, причем отличается от любого описания, будь оно ближе к истине или дальше от нее. А сами описания мира (нарративы) конкурируют и враждуют между собой. Так, как во времена холодной войны конкурировали и враждовали между собой монолитный псевдомарксистский нарратив («научный» коммунизм, истмат с диаматом) и плюралистическое описание мира в европейских и американских нарративах.

Причем в силу того, что на Западе существовало множество различных описаний мира и среди них было место и советскому псевдомарксистскому описанию, постмодернисты отказывались признавать западное плюралистическое описание мира единым нарративом. Может быть, это и правильно. А Александр Зиновьев совсем не прав в своей книге «Запад», объединяя и интегрируя основные положения всех европейских учений и идеологий в единый супермеганарратив. Не буду пока на этом останавливаться.

Мне важно другое. В Беларуси время большого нарратива не закончилось. Советский монолитный нарратив разрушен. Так же, как постмодернисты сочли разрушенными либеральный, националистический, коммунистический нарративы в 60-е годы XX века. Но свято место пусто не бывает: старый нарратив сменился новым.

Светлана Калинкина прокомментировала очередной многочасовой «большой разговор» Лукашенко словами: «Он так видит

мир». Да, это мудрое замечание. Весь «разговор», который только имел видимость разговора и представлял собой длинный монолог, — это большой нарратив, повествование, развернутая картина мира, т.е. описание мира в смысле дона Хуана.

Это очень важное обстоятельство.

Описание мира по учению шамана племени яки — это шаманское магическое действие. Для умелого шамана вовсе не обязательно кормить слушателей наркотическими кактусами. Европейские шаманы давно овладели этим искусством. Насколько силен шаман-маг Лукашенко, я не буду разбираться, без меня знатоков хватает.

Меня интересует в этом другой важный аспект: а кто является соучастниками того описания мира, которое присутствует в повествовании Лукашенко?

И я могу ответить: все, кто вступает с ним в общение, говорит с ним на одном языке (в данном случае различие белорусского и русского языков совершенно несущественно), развивает или критикует эпизоды, факты, умозаключения в этом повествовании.

Все, кто разговаривает с Лукашенко, и все, с кем разговаривает Лукашенко, — это все соучастники и соавторы одного описания мира. Над всеми этими людьми господствует один большой нарратив.

В стране просто нет другого нарратива.

Мне могут возразить, приведя в пример Змитера Лукашука, подарившего шаману книгу «на другом языке», или любимца либеральной публики Ярослава Романчука, которые присутствовали на том «разговоре».

Да, вопросы и реплики нескольких людей выбиваются из общего повествования и вроде бы противоречат всему тому, что описывается и повествуется на этом массовом шаманском камлании.

Но это не нарратив. Это обрывки дискурса.

Дискурс — это не нарратив.

Дискурс отличается от нарратива своей последовательностью, линейностью. Иногда в дискурсе могут расходиться линии или идти параллельно, но линейность и последовательность сохраняется. Дискурс может быть логичным, может быть нелогичным, а ассоциативным, например, но в любом случае дискурс — это рассуждение. Более или менее доказательное и аргументированное, но доказательное и аргументированное.

У дискурса есть начало и конец. Дискурс от чего-то отталкивается и к чему-то приходит через несколько этапов, шагов рассуждений и доказательств.

Если оторвать у дискурса начало, отсечь конец, выкинуть несколько важных и необходимых этапов в доказательстве и аргументации, он перестает быть дискурсом. Часть целого не есть целое. Людям, знакомым с дискурсом Лукашука или Романчука,

услышанные фрагменты указывали на целое, на развернутое доказательство и аргументированное рассуждение. Но сколько таких людей?

Для других слушателей реплики и вопросы, представляющие собой этапы, фрагменты и шаги дискурса, существуют только как элементы нарратива, большого нарратива.

А нарратив не последователен и не линейен. Он не логичен и не доказателен. В нем могут встречаться обрывки цепочек рассуждений, вопросы и ответы, логические связки, отдельные разрозненные аргументы. Но все это нелинейно.

Что значит нелинейно?

Линия — прямая или кривая последовательность точек (но точкой можно обозначить и большие вещи, например, аргументы, логические условия в алгоритме и т.п.) между двумя особыми точками — началом и концом. Разновидностью линейности могут быть любые связные графы (дерево, звезда и т.д.).

А нарратив строится принципиально нелинейно. В нем все разорвано и если и связано что-то с чем-то, то иллюзорно или в случайном порядке. Постмодернисты придумали для такой нелинейной организации специальный термин — ризома. Ризома — это бессвязный набор точек, отрезков, линий, ниоткуда не начинающихся, нигде не заканчивающихся.

В этом смысле нарратив повторяет структуру мира, мир кажется нелогичным и неразумным, соответственно, и картина мира должна быть такой же.

Требовать от нарратива логичности и последовательности не стоит. Там этого нет и быть не может. Отдельные фрагменты могут быть последовательными и логичными, но и они никак не связаны с другими логичными и последовательными фрагментами.

Это напоминает структуру нетканых материалов. В таких материалах могут встречаться спрессованные нити, но их структура, функции и назначение совсем не таковы, что у нитей в тканях.

Поэтому нарратив может ассимилировать разные дискурсы. Как диамат, например, мог ассимилировать любые научные теории, даже те, которые первоначально отвергались как буржуазные. Пересажав и расстреляв всех вейсманистов-морганистов, сталинисты вернули генетику в образование через 20 лет преследований. Легко.

Особенно легко нарратив потребляет обрывки дискурсов.

В принципе, законченный дискурс имеет существенное преимущество перед нарративом. Дискурс логичен, последователен, проверяем. И в этом отношении дискурс красив. Даже если он содержит в себе отдельные ошибки и неточности и далек от истины. Но к нарративу истинность вообще неприменима. Да и в эстетическом отношении нарратив оставляет желать лучшего. Чем больше нарратив (например, собрание сочинений

Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина или «Война и мир», «Люди на болоте»), тем меньше в нем истины, красоты и добра. В больших нарративах всего по чуть-чуть: любви и ненависти, добра и зла, насилия, преступлений, геройства — и все это в беспорядочной куче.

Таков и нарратив лукашизма.

Для чего на «большой разговор» приглашаются Романчук и Лукашук? Чтобы дать им слово, но не давать развернуть дискурс. Оборвать на полуслове, не дать закончить, ограничить время регламентом, чтобы, даже начав с чего надо и закончив правильным выводом, собеседник скомкал доказательную и аргументативную часть. И тогда вопросы и реплики смелых оппозиционных оппонентов легко включаются в ризому нарратива, становятся частью описания мира. А сами такие собеседники становятся членами в этом описании мира.

И что же делать, как нам быть, не убиться ли головой об стену?

Я бы рассказал, но...

Это уже 13-й шаг в дискурсе. Можно рассказать тому, кто проследил 12 предыдущих шагов в линейном разворачивании мысли, в цепочке аргументов.

Я и расскажу. Чуть позже.

А сейчас просто подведу черту в этом фрагменте.

Клин клином вышибают. Нарратив вышибают нарративом. Но не дискурсом. Тем более оборванным, скомканным.

Битва дискурса с нарративом изначально обречена на поражение. Лукашизму можно противопоставить только иное описание мира, иной нарратив. А это требует членства в нем.

ФЭНОМЭН ЖАНЧЫНАЎ У БЕЛЫМ:
ГЕНДАРНАЕ ВЫМЯРЭНЬНЕ
БЕЛАРУСКІХ ПРАТЭСТАЎ
ДРУГОЙ ПАЛОВЫ 2020 – ПАЧАТКУ 2021 ГОДУ

Уладзіслаў Іваноў

THE PHENOMENON OF WOMEN IN WHITE: THE GENDER DIMENSION
OF THE BELARUSIAN PROTESTS OF THE SECOND HALF
OF 2020-EARLY 2021

© Uladzislaū Ivanou

PhD, associated professor, European Humanities University, Academic
Department of Social Sciences
17 Savičiaus Str., 01127 Vilnius, Lithuania

ORCID ID: 0000-0003-1493-0017

E-mail: uladzislau.ivanou@ehu.lt

Abstract: The subject of this article is the phenomenon of women in white who came out in the streets of Belarusian cities to silently protest against the violence of the dictatorship and to show solidarity with those arrested, beaten and killed by the dictatorial police. This form of peaceful protest by women is analyzed from a historical point of view, but also compared to other protest movements found in democracies (Belgium, France) and in dictatorships (Cuba, Argentina in 1976 -1983). It is interesting to note that in the 19th century Belarus already experienced such a women's protest movement known as a movement of women in black.

The women's protests also known as the white marches have become the object of political, sociological, ethnological and gender interest. The phenomenon is analyzed in the text from the perspective of these disciplines. The starting point of the peaceful protest study is the perspective of social movements in general. Gradually a gender perspective and especially the specificity of social movements under the dictatorship are added to the analysis. An approach to gender ethnology and in particular the use of Françoise Héritier's concept of differential valence of the sexes are especially enriching to understanding the women in white movements. Finally, the comparison to other women in white movements that exist today

or have existed before allows us to consider possible scenarios of its evolution.

Keywords: social movements, Belarusian women's protests, women in white, white marches, protests under authoritarianism, peaceful protests, differential valence of the sexes, history of women's protests, women in black.

Уступ

Фэномэн жанчынаў у белым, які выявіўся ў 2020 годзе і актывізаваў беларускія пратэсты пасля жнівеньскай фальсыфікацыі выбараў, асабліва пасля пэўнага замаруджваньня агульных пратэстаў у выніку жорсткай рэакцыі рэжыму, вядомы цяпер у сьвеце і цікавіць як палітолягаў, мастацтвазнаўцаў, сацыёлягаў, этнолягаў, так і гендарных дасьледнікаў. Калі ў сусьветнай пратэставай практыцы XX–XXI стст. вядомыя гэтак званыя «белыя маршы», «рухі жанчынаў у белым» у лацінаамерыканскіх краінах (Аргентына (*Les folles de la Place*, 2016), Куба (*Cuba's «Ladies in White»*, 2006)) і ў Эўропе (Бэльгія (*Tondeur*, 1997), Францыя (*Godin*, 2014)), то ў беларускай палітычнай гісторыі жанчыны ў белым могуць падацца досыць новай зьявай. Важна адразу адзначыць, што белы колер у палітычна-гістарычнай пэрспэктыве мае досыць няпростыя азначэньні і асацыяцыі: ён часта асацыюецца з манархізмам, таксама з антыкамунізмам (*Sawer*, 2007). Аднак часьцей за ўсё белы колер зьвязваецца для большыні з пацыфізмам. Белы колер — гэта таксама райскі колер, які сыгналізуе аб фантазіі сьвету, у якім няма ні гвалту, ні болю. Якраз як колер чысьціні, міру, негвалтоўнасьці, часам цнатлівасьці ён асабліва важны ў кантэксьце сучаснага беларускага пратэсту і яднае ўсе падобныя «белыя рухі» (*Sawer*, 2007). Пры гэтым часта прыныпова рознымі зьяўляюцца прычыны актывізацыі і мабілізацыі жанчынаў, якія пратэстуюць пад белым колерам. Аднак, акрамя колеру, гендарнае вымярэнне таксама яднае розныя па сутнасьці і па форме мабілізацыі рухі жанчынаў. Усе вядомыя белыя рухі ці маршы ў большыні выпадкаў, і тым больш у недэмакратыі, пачыналіся і ажыццяўляліся кабетамі. Таму мэтай аналізу зьявы жанчынаў у белым у Беларусі ў 2020–2021 гадах зьяўляецца выяўленьне прычынаў жаночай пратэставай мабілізацыі, разуменьне беларускай спэцыфікі і агульнай лёгікі іншых падобных жаночых белых рухаў і маршаў. Таксама важным бачыцца выяўленьне гістарычнай асновы фэномэну беларусак у белым: ці гэта спантанна новы пратэст, ці ён мае гістарычныя прэцэдэнты?

Каб адказаць на гэтыя пытаньні, у працы выкарыстаныя наступныя мэтады дасьледаваньня: аналіз прэсы (беларускай

незалежнай і афіцыйнай, таксама замежных выданняў, пераважна летувіскіх і французскіх) за пэрыяд жнівень — сьнежань 2020 году, аналіз другарадных дадзеных за пэрыяд жнівень 2020 — жнівень 2021 (аналітыка, інтэрвію зь лідаркамі жаночых маршаў, даступныя ў электронных СМІ), гendarны і гістарычны аналіз падзеяў (выяўленьне і аналіз падобных падзеяў у мінулым, аналіз прычынаў і разьвіцьця жаночых пратэстаў у мінулым, тлумачэньне прычынаў выключна жаночага характару пратэсту і ўстрыманьня мужчынаў ад пратэсту), параўнаўчы мэтад (параўнаньне як з вонкавымі падобнымі зьявамі (Куба, Аргентына ў мінулым), так і з падобнымі зьявамі ў самой Беларусі ў XIX стагодзьдзі).

Важнымі канцэпцыйнымі паняткамі працы зьяўляюцца: *сацыяльны рух, жаночыя пратэсты, жанчыны у белым, белыя маршы, пратэст ва умовах аутарытарызму, мірныя пратэсты, гісторыя жаночых пратэстаў, жанчыны у чорным*. Таксама ў аналізе задзейнічаныя этналягічная навука і ўнёсак французскай этналягіні Франсуазы Эрыге зь ейным вядомым канцэптам *адрозная каштоўнасьць палю* (Héritier 2008). Варта адзначыць важную ролю этналёгіі ў міждысцыплінарным падыходзе падчас аналізу жаночых пратэстаў. Якраз гendarная этналёгія прапаноўвае дакладнае вызначэньне і тлумачэньне маргінальнасьці ці меншай каштоўнасьці жанчынаў у традыцыйных, а таксама аўтарытарных культурах і, адпаведна, іншых чаканьняў ад іх з боку традыцыйналісцкай улады. Недаацэньваньне ці аднабаковае ацэньваньне кабетаў з боку ўладных мужчынаў ці ўлады якраз вядзе да такіх пратэставых эфэктыўных і нечаканых тактыкаў, якія прадэманстравалі беларускі ў белым. Зрэшты, пратэставыя жаночыя рухі разглядаюцца як частка і адзін з кшталтаў сацыяльных рухаў. Гendarная спэцыфіка пратэставых сацыяльных рухаў у Беларусі і ў іншых краінах будзе рагледжаная ў наступных частках.

Інтарэс да дадзенай тэмы выкліканы адначасова акадэмічна-дасьледніцкімі і грамадзянскімі прычынамі: з аднаго боку, пазыцыя грамадзяніна абумоўлівае інтарэс і салідарнасьць, з другога боку, дасьледніцкі выклік зьвяртае да новай тэмы сваімі пэрспэктывай, недасьледаванасьцю, нераспрацаванасьцю, а таму і мажлівасьцю далучыцца да новага дасьледчага поля. Зрэшты, гendarныя вымярэнне і актуалізацыі тэмы прыцягваюць увагу вялікай часткі дасьледнікаў і дасьледніцаў: жаночая пратэставая актыўнасьць, зьява беларусак у белым, як ніколі раней, даводзяць аб важнасьці, практычнай скіраванасьці гendarнай тэмы, гendarнага аналізу, якія дасюль ігнараваліся і недаацэньваліся ў Беларусі і рэгіёне наагул. Такім парадкам, дадзенае дасьледаваньне ўвасабляе міждысцыплінарную працу на сутыку палітычнай навукі, сацыялёгіі, этналёгіі і гendarных дасьледаваньняў. Міждысцыплінарны характар працы дапамагае да ўсяго справіцца з праблемай недастатковай колькасьці акадэмічнай літаратуры па гэтай досьць

сьвежай тэме ў беларускім выпадку. Бо на дадзены момант не існуе вялікага корпусу акадэмічнай літаратуры па тэме беларускіх пратэстаў 2020 году, у прыватнасьці, па жаночай пратэставай актыўнасьці. Тым ня менш паступова зьяўляюцца эсэ і акадэмічныя артыкулы, якія запаўняюць лякуны і прапануюць разнастайныя пазыцыі, традыцыі і інструмэнты аналізу фэномэну жанчынаў у белым у Беларусі. Сярод асноўных хацелася б адзначыць наступныя артыкулы: Натальля Паўловіч, «How Feminist is the Belarusian Revolution? Female Agency and Participation in the 2020 Post-Election Protests» («Наколькі фэміністычная беларуская рэвалюцыя? Жаночае пасярэдніцтва і ўдзел у пасьявыбарчых пратэстах 2020 году») (Paulovich, 2021); Славамір Серакоўскі, «Belarus Uprising: The Making of a Revolution» («Беларускае паўстаньне: зьдзяйсненьне рэвалюцыі») (Sierakowski, 2020); Аляксандар Бузгалін, Андрэй Калганаў, «The Protests in Belarus: Context, Causes and Lessons» («Пратэсты ў Беларусі: кантэкст, прычыны і ўрокі») (Buzgalin, Kolganov, 2021); Івона Рэйхард, Максім Руст, «The failure in binary thinking about Belarus» («Збой бінарнага мысьленьня пра Беларусь») (Reichardt, Rust, 2021); Нэлі Бэкус і Міша Габовіч, «Introduction: The Sociology of Belarusian Protest» («Уступ: Сацыялёгія беларускіх пратэстаў») (Bekus, Gabowitsch, 2021); Нэлі Бэкус, «Echo of 1989? Protest Imaginaries and Identity Dilemmas in Belarus» («Рэха 1989 году? Уяўныя пратэсты і дылемы ідэнтэчнасьці ў Беларусі») (Bekus, 2021); Марыя Мартысевіч, «Belarus: The Alphabet of Protest» («Беларусь: Альфабэт пратэсту») (Martysevich, 2020); Стэфан Норыс, «History, Memory, and the Art of Protest in Belarus» («Гісторыя, памяць і мастацтва пратэсту ў Беларусі») (Norris, 2021). Таксама ў дасьледаваньні пратэстаў у Беларусі, у тым ліку жаночых пратэстаў, лічу карысным аналіз падзеяў апошняга году, прапанаваны беларускім палітолягам В. Карбалевічам (Блог В. Карбалевіча, 2021). Што датычыць этналягічнага гendarнага ўнёску, то цэнтральным зьяўляецца аналіз, прапанаваны французскай этналягіняй і антрапалягіняй Франсуаз Эрыт'е (Héritier, 2008; Héritier 2010) і польскай этналягіняй і беларусісткай Ганнай Энгелькінг (Rewolucja mirnych ludiej, 2020).

Зрэшты, спэцыфікай дадзенага дасьледаваньня і асноўнымі важнымі адрозьненьнямі ад іншых дасьледаваньняў зьяўляюцца:

- аналіз гістарычнай асновы беларускіх жаночых пратэстаў, маршаў;
- гendarная параўнаўчая пэрспэктыва белых беларускіх маршаў з падобнымі белымі пратэставымі рухамі ў іншых недэмакратыях (Аргентына, Куба), а таксама ў некаторых дэмакратыях (Бэльгія, Францыя), дзе таксама існаваў рух жанчынаў у белым;
- этналягічны ўнёсак у аналіз жаночых пратэстаў.

Сусьветныя практыкі белых пратэставых рухаў: гендарнае вымярэнне

Адразу вызначымся з цэнтральным паняткам «сацыяльны рух», які ў палітычнай сацыялёгіі вызначаецца досыць шырока і сынанімічна панятку «пратэставы рух» (Нёвё, 2010: 15). Бо ў існасці любы сацыяльны рух у той ці іншай ступені пратэставы, таму што нават мірныя ці маўклівыя акцыі, якія мабілізуюць людзей, артыкулююць пэўныя патрабаванні і скіраваныя супраць чагосьці ці кагосьці, то бок маюць на мэце выклік ці пратэст — супраць гвалту, бязьдзейнасці ўладаў і пад. Як заўважае сацыёлаг і дасьледнік сацыяльных рухаў Эрык Нёвё, нават «новыя эмацыйныя рухі» ці «рухі салідарнасці», да якіх звычайна адносяць «белыя маршы» і якія звычайна носяць кансэнсусны характар і ня маюць праціўнікаў, усё адно зьяўляюцца пратэставымі (Нёвё, 2010: 26) у агульным сэнсе: яны праяўляюць незадаволенасць, нязгоду, напрыклад, зь несправядлівым сьветам, трагізмам сытуацыі і пад. І потым, трактуючы сацыяльны рух як форму супольнага дзеяння, накіраванага на карысьць пэўнай справы, мы па сутнасці маем справу з палітычным удзелам, як лічыў Ален Турэн (Нёвё, 2010: 21). Гэта азначае, што ўсе сацыяльныя рухі, нават тыя, што заяўляюць аб сваёй апалітычнасці, зьяўляюцца палітызаванымі ці артыкулююць, нясуць, між іншым, і палітычнае пасланьне. Асабліва выразна гэта бачыцца ў недэмакратыі, дзе клясычныя каналы палітычнага ўдзелу заблякаваныя ці карумпаваныя. Якраз пад гэтую катэгорыю трапляюць белыя рухі, белыя маршы кабетаў у Аргентыне, Кубе і Беларусі. І, наадварот, бэльгійскія і французскія «маўклівыя» ці белыя маршы, хоць і выкарыстоўвалі белы колер і мабілізоўвалі пераважна жанчынаў, але ўсяляк падкрэсьлівалі апалітычны ці нэўтральна палітычны характар пратэстаў (Godin, 2014). Тут месціцца прыцыповае адрозьненне дзейнасці белых маршаў ва ўмовах дэмакратыі і недэмакратыі.

Гендарнае вымярэнне сацыяльных рухаў актыўна дасьледуецца ў заходняй традыцыі з 90-х гадоў мінулага стагодзьдзя. Так, аналізуючы сучасныя сацыяльныя рухі, Даніэль Кергаа, французская дасьледніца новых формаў рухаў, прапануе гендарную прызму сацыяльных рухаў і ўводзіць панятак «гендарны сацыяльны рух» (Нёвё, 2010: 102). Сацыялягіня вядзе размову не пра старыя і ўжо клясычныя прыклады сацыяльных рухаў, як фэмінісцкія ці гей-рухі, а пра цалкам новыя пратэставыя рухі, якія аб'ядноўваюць жанчынаў адначасова па прыкмеце полу і прафэсіі — санітарак, напрыклад. То бок гендарная пэрспэктыва скіроўвае нас да разуменьня спосабаў, з дапамогай якіх палы — у выніку няроўнага падзелу прафэсійных і хатніх абавязкаў — выбудоўваюць сацыяльныя адносіны і выкарыстоўваюць іх унутры руху (Kergoat, 1992). Напрыклад, рух санітарак у Францыі ў 90-я гады XX стагодзьдзя

стаўся ўжо клясычным прыкладам гendarнага сацыяльнага руху. Сама праца санітарак гendarна абумоўлена нібыта пакліканьнем кабетаў даглядаць хворых: абсалютная бальшыня санітарак — жанчыны. Прафэсія мэдбрата ня толькі не папулярная, але і мае часта насьмешлівае гучаньне. Традыцыйнае чаканьне і разьмеркаваньне прафэсійных кампэтэнцыяў паводле полу прывяло да таго, што ад санітарак амаль натуральна чакалася, што гэта ня тое што прафэсійнасьць, але іх тоеснасьць, натуральныя жаночыя атрыбуты. Гэта і выклікала пратэст санітарак, якія не жадалі, каб на і без таго ня вельмі добрую аплату ўплывалі нібыта іх натуральныя жаночыя мяккасьць і спагадлівасьць (Нёвё, 2010: 102). Гэты прыклад пратэсту дэманструе, наколькі гendarна асымэтрычна пабудаванае нават заходняе грамадзтва і што на сацыяльныя рухі ўплываюць традыцыйна выбудаваныя гendarныя адносіны. Варта асобна адзначыць сьлёган, пад якім часта выступалі санітаркі: «Ni bonnes, ni nonnes, ni connes» (*Retour sur la Coordination des Infirmières*, 2015), што можна перакласьці як «Ані чалядніцы, ані мнішкі, ані дурніцы». Сьлёган якраз трапна скіраваны супраць стэрэатыпаў вакол ролі жаночага ў сучасным грамадзтве.

Каб лепей і паўней зразумець пратэставую зьяву жанчынаў у белым у Беларусі ў 2020–2021 гадах, варта пазнаёміцца з падобнымі рухамі ў іншых рэгіёнах. Белы колер і пол удзельніцаў пратэставых рухаў — гэта першае, што аб'ядноўвае аргентынскіх мацерак зьніклых дзяцей падчас дыктатуры 1976–1983, кубінскіх дамаў у белым 2003 году, а таксама бэльгійскіх (1986), францускіх (2013–2015) і швайцарскіх пратэстовак у зьвязку са зьніклымі дзецямі, якія былі забітыя пэдафіламі (*Les marches blanches se multiplient*, 2015). У астатнім кантэкст, у якім паўсталі рухі, а таксама прычыны часта адрозьніваюцца ўва ўсіх пералічаных прыкладах. Спачатку сьцісла прааналізуем жаночыя белыя пратэсты ў недэмакратыі, а потым на прыкладзе дэмакратычных краінаў.

Аргентынскі рух маці з пляцу Траўня (1977–2021)

«Маці з пляцу Траўня» — асацыяцыя аргентынскіх маці, чые дзеці «зніклі», былі забітыя падчас «бруднай вайны», якая вялася, у прыватнасьці, ваеннай дыктатурай (1976–1983) (Sarner, 2000). Назва паходзіць ад пляцу Траўня (*Plaza de Mayo*) у Буэнас-Айрэсе, дзе з 30 красавіка 1977 году маці штотыднёва зьбіраліся і моўчкі маніфэставалі. На працягу сарака гадоў яны змагаліся за тое, каб знайсці сваіх дзяцей, выкрадзеных ваеннай дыктатурай (1976–1983). Некаторыя з заснавальніцаў, у сваю чаргу, былі забітыя ў сьнежні 1977 году. У канцы 1970-х — пачатку 1980-х гадоў дыктатарскі ўрад спрабаваў падаць мацерак і бабуль за «вар'ятак» і «маці тэрарыстаў» (*Les folles de la Place*, 2016: 23), якія адправіліся на пошукі зніклых дзяцей. Хунта дала ім такую мянушку з мэтай дыскрэдытацыі, але

неўзабаве мянушка ператварылася ў камплімент (Sarner, 2000). У знак пратэсту маці насілі белыя хусткі (першапачаткова гэта былі зробленыя з тканіны падгузкі іх немаўлятаў) у памяць аб зьнікненні сваіх дзяцей. Яны зьбіраліся кожны чацьвер удзень на пляцы і хадзілі па ім паўгадзіны супраць гадзіннікавай стрэлкі, сымбалічна вяртаючыся ў мінулае і крытыкуючы беспакаранасьць рэжыму і жаўнераў, адказных за забойствы і катаваньні (Mothers of the Plaza de Mayo, 2011).

Падабенствы зь беларускім белым жаночым пратэстам: дзейнасьць ва ўмовах дыктатуры, белы колер — сымбаль чысьціні і цноты як удзельніцаў маршаў, так і зьніклых і забітых дзяцей, выключна мірны характар пратэсту, моўная дыскрэдытацыя, а таксама фізычны гвалт і забойства рэжымам некаторых пратэстовак (у беларускім выпадку — пратэстоўцаў). Да ўсяго ў дыктатарскіх Аргентыне і Беларусі рэжым апраўдваў гвалт падрывам стабільнасьці краіны і абінавачваў Захад у фінансаванні пратэстаў (Wright, 2006: 160). Падабенства і ў тым, што паступова жаночыя пратэсты ва ўмовах жорсткай дыктатуры застаюцца адзіным пратэставым і нават становяцца праваабарончым рухам.

Да асноўных адрозьненняў варта аднесці ўсё ж больш гвалтоўны і крывава характар аргентынскай хунты, якая вынішчыла ад 10 000 да 30 000 чалавек, ад 500 000 да 1 000 000 аргентынцаў зьехалі ў выгнаньне (Rodríguez, Soprano, 2009). Аднак варта ўлічваць большы тэрмін існаваньня аргентынскай хунты — 7 гадоў. Таксама аргентынскія маці выйшлі на пляц дзеля сваіх забітых дзяцей, тады як беларускі выйшлі праз салідарнасьць з усімі пацярпелымі беларусамі падчас акцыяў пратэсту супраць фальсыфікацыі выбараў. Такім парадкам, асабістыя прычыны пратэсту былі адрозныя, і сярод беларусаў у белым прысутнічалі ўсе ўзроставыя катэгорыі жанчынаў, тады як сярод аргентынак былі пераважна кабеты сярэдняга і сталага веку. Зрэшты, не зважаючы на жорсткасьць аргентынскай хунты, яна так і не змагла цалкам перамагчы жанчынаў і адваяваць у іх сымбалічную прастору цэнтральнага пляцу, тады як беларускі рэжым на дадзены момант амаль цалкам выціснуў жанчынаў у белым з публічнай прасторы.

Кубінскія дамы ў белым (2003–2021)

Кубінскія жанчыны ў белым — грамадзкі рух, заснаваны ў 2003 годзе, пасля хвалі рэпрэсіяў, вядомай як «Чорная вясна» (On Fourth Anniversary of Clampdown, 2007). У часе «Чорнай вясны» 2003 году кубінскія ўлады арыштавалі, без суда катавалі ды зняволілі 75 праваабаронцаў, незалежных журналістаў ды бібліятэкараў на турэмныя тэрміны да 28 гадоў за патрабаваньне правядзеньня рэфэрэндуму наконт увядзеньня свабодных выбараў, свабоды прэсы, слова і веравызнаньня. Дзяржава абвінаваціла ўсіх у «дзейнасьці супраць

незалежнасьці ці тэрытарыяльнай цэласнасьці дзяржавы», у тым ліку прыналежнасьці да «нелегальных арганізацый», прыняцьці грошай ад прадстаўніцтва ЗША ў Гаване, «рабаўніцтвах», «тэрарыстычнай дзейнасьці» і супрацоўніцтве з замежнымі СМІ (On Fourth Anniversary of Clampdown, 2007).

Рух пачынаўся як штонядзельныя шэсьці ў белых вопратках (колер быў выбраны таксама, як і ў іншых белых рухах, праз тое, што сымбалізуе чысьціню і цноту) жонак ды іншых сваякоў зьняволеных кубінскіх дысыдэнтаў. Рух пратэстуе супраць аўтарытарызму кубінскага рэжыму, перасьледу праваабаронцаў, турэмнага зьнявольеньня шматлікай колькасьці палітвязьняў (Cuba's Ladies in White released after weekend arrest, 2012). Рух дзейнічае да сёньняшняга дня, не зважаючы на сьмерць адной з галоўных постацяў руху – Ляўры Палян.

Прычына ўзьнікненьня руху, пасланьні ўдзельнікаў, мірныя тактыкі, якія выкарыстоўваюць кубінскія дамы ў белым, белы колер, з аднаго боку, і рэакцыя кубінскіх аўтарытарных уладаў (шматгадовы аўтарытарны рэжым, культура і ўмовы дзеяньня ўладаў, шуканьні заходняга сьледу ў актыўнасьці дамаў у белым, запалохваньні, арышты, шантаж, зьбіцьцё, званьненьні), з другога боку, амаль цалкам ідэнтычныя таму, што мы назіраем у Беларусі на прыкладзе жанчынаў у белым і рэакцыі беларускай дыктатуры. З усіх вядомых прыкладаў жаночых пратэстаў у недэмакратыі кубінскі выпадак найбольш блізка нагадвае беларускую сытуацыю.

Бэльгійскі белы, ці маўклівы, марш (1996)

Бэльгійскі белы марш, ці пратэст 1996 году, мае іншую гісторыю і прычыну. Ён стаў вынікам справы Марка Д'ютру, пэдафіла і сэрыйнага забойцы. Маўклівы марш, ці белы марш, як празвалі яго бэльгійскія СМІ, – гэты выраз выкарыстоўваецца для абазначэньня маршу, арганізаванага ў выніку зьнікненьня чалавека ці сьмерці ахвяры пэдафіла ці забойцы. Звычайна белыя маршы арганізуюцца роднымі ахвяраў, і звычайна ахвяра зьяўляецца дзіцём, падлеткам або жанчынай, якія былі выкрадзеныя, згвалтаваныя і забітыя. Часам белыя маршы ладзяцца і тады, калі цела ахвяры ня знойдзена (Godin, 2014: 169–170). Бацькі ахвяраў просяць «удзельнікаў шэсьця» прыйсьці ў белым, бо гэта нэўтральны, апалітычны колер, белы сымбалізуе дзяцінства і нявіннасьць (Les marches blanches se multiplient, 2015). Навізна маўклівых белых маршаў палягае ў тым, што яны нічога не патрабуюць, не шукаюць палітычных праціўнікаў, справядлівасьці і не імкнуцца заваяваць палітычны ці іншы капітал. Белы марш – абсалютна мірны, скіраваны на кансэнсус, гэта супрацьлегласьць агрэсіўным маршам і маршам, якія маюць на мэце лінчаваньне канкрэтных асобаў (Godin, 2014). Пры гэтым белы марш усё адно застаецца пратэставай, няхай

і маўклівай, апалітычнай актыўнасьцю, бо пратэстуе, прынамсі, супраць гвалту. Зрэшты, як заўважаюць дасьледнікі белых маршаў, белыя шэсьці зьяўляюцца да ўсяго новым кшталтам эмацыйных пратэставых рухаў, якія публічна артыкулююць і выказваюць жалобу. Апошняя важная рыса бэльгійскага белага маршу — гэта тое, што ён паўстаў спантанна, стыхійна, у ім адсутнічаюць арганізатары. Хоць наступныя белыя маршы, якія праводзіліся ў Бэльгіі, часта ініцыяваліся бацькамі забітых ці мясцовымі ўладамі (Godin, 2014).

Навідавоку адрознасьць бэльгійскіх белых маршаў і жаночых маршаў-пратэстаў у Беларусі: розны тып палітычнага рэжыму, удзел мужчынаў разам з жанчынамі ў маўклівых маршах у Бэльгіі і выключна жаночыя маршы ў Беларусі, апалітычнасьць бэльгійскіх маршаў і палітычнасьць, нават палітызаванасьць, беларускіх акцыяў, прычыны выхаду на вуліцу (пэдафілія, забойства дзяцей у Бэльгіі і палітычныя перакруты ў Беларусі). Аднак існуюць і пэўныя важныя падабенствы: выключна мірны і кансэнсусны характар пратэстаў, адсутнасьць агрэсіўнага пасланьня, а выключна пасланьне салідарнасьці. Да ўсяго пратэстоўкі ў Беларусі і пратэстоўцы ў Бэльгіі мінімальна выкарыстоўвалі плякаты і лезунгі, асноўнае пасланьне заключалася ў мірным і часта маўклівым шэсьці — нагадцы пра бяду, гора, пагрозу. Сацыяльная разнастайнасьць — яшчэ адна важная супольная для беларускага і бэльгійскага выпадкаў характарыстыка белых маршаў.

Францускія белыя маршы (2010, 2013)

Францускія белыя маршы ўзьніклі пад уплывам бэльгійскага белага маршу 1996 году (*Les marches blanches se multiplient*, 2015). Калі спачатку белыя маршы ў Францыі таксама ладзіліся ў знак падтрымкі родных ахвяраў пэдафіліі, то паступова яны пачалі ладзіцца, каб аддаць даніну павагі забітым дарослым, ахвярам мэдычных памылак, дарожна-транспартных здарэньняў ці забітым у выніку нападу злачынцы. У 2010 годзе ў Францыі ў дэпартаманце Эна нават адбыўся белы марш у падтрымку жывёлаў, зь якімі дрэнна абыходзяцца гаспадары (Godin, 2014). Цікавая эвалюцыя белых маршаў у бок унівэрсалізацыі спэцыфічнага першапачаткова сацыяльнага руху ў дэмакратыі абумоўленая перадусім кампрамісным і апалітычным характарам руху. Пад парасонам кампрамісу і апалітычнасьці ў дэмакратыі могуць знайсці сабе месца многія рухі, асацыяцыі і кампаніі. Зрэшты, як заўважае Крысьціян Гадэн, францускі філэзаф і дасьледнік белых ці маўклівых маршаў у Бэльгіі і Францыі, у дэмакратыі гэтыя маршы часта ператвараюцца ў папулісцкія рухі ці выкарыстоўваюцца папулісцкімі палітыкамі (Godin, 2014). Ва ўмовах недэмакратыі — напрыклад, у Беларусі — празь першапачатковую

палітызаванасць белыя пратэсты якраз захоўваюць сваю прадэмакратычную скіраванасць.

Падсумоўваючы параўнаньне розных прыкладаў белых пратэстаў, неабходна паўтарыць, што прынцыповым адрозьненьнем паміж белымі ці маўклівымі кансэнсуснымі маршамі ў Бэльгіі і Францыі і жаночымі пратэставымі рухамі ў Аргентыне, Кубе і Беларусі зьяўляецца тое, што дэмакратычны/недэмакратычны кшталт рэжыму абумоўлівае палітызаванасць рухаў у недэмакратыі і, наадварот, нэўтральнасьць у дэмакратыі. Да ўсяго белыя маршы ў Бэльгіі і Францыі ўзьніклі як эмацыйная рэакцыя на гвалт пэдафілаў, а таму ня мелі палітычнага праціўніка, тады як жаночыя пратэставыя рухі ў пералічаных дыктатурах не належаць да новых эмацыйных рухаў, а маюць канкрэтных праціўнікаў, зьяўляюцца палітызаванымі і скіраванымі на пэўную дэмакратызацыю. Таксама ўсе белыя пратэставыя рухі ў дыктатуры маюць наступнае падабенства: актыўнасьць пратэстовак маргіналізуецца, ачарняецца, шукаецца замежны сьлед у іх фінансаваньні, да ўсяго яны ўсяляк падаюцца ў нэгатыўным сьвятле, трактуюцца рэжымам як «шалёныя», «ненармальныя», як «дрэнныя маці і жонкі» (*Les folles de la Place*, 2016: 23) і пад. Важна адзначыць, што асабліва ў дыктатурах палітычна, эканамічна жанчыны недаацэньваюцца ўладай, і гэта становіцца ў далёкай пэрспэктыве ключавой памылкай дыктатара і атачэньня. У дэмакратыі ж не назіраецца ні дыскрэдытацыі, ні крытыкі «белых пратэстоўцаў».

Гістарычная пэрспэктыва жаночых каляровых пратэстаў у Беларусі: ад жанчынаў у чорным да жанчынаў у белым

Гістарычны аналіз і пошук паралеляў з сучасным белым жаночым пратэставым рухам дазваляюць часткова адкінуць тэзу аб выключнай спантаннасьці і навязьне фэномэну жанчынаў у белым у Беларусі. У мясцовай палітычнай гісторыі вядомага іншыя пратэсты беларусак, праўда, часцей яны афармляліся пад іншымі колерамі — чорным, напрыклад. Чорны колер — колер жалобы, з дапамогай якога шляхцянкі, гараджанкі ды жанчыны зь іншых клясаў і сацыяльных катэгорыяў пратэставалі супраць гвалту 1861 году, а пазьней — супраць вынішчэньня і высылкі ўдзельнікаў паўстаньня 1863 году. Пра гэты фэномэн пісалі многія польскія і зусім рэдка беларускія дасьледніцы, гісторыкі, гэтая зьява вядомая пад назовам «ціхія геройкі». Так, польская дасьледніца, публіцыстка Марыя Брухнальская (1869–1944) у 1933 годзе выдала ў Львове кнігу «*Ciche bohaterki*» («Ціхія геройкі») (*Bruchnalska*, 1933), у якой сабрала вялікі сьпіс кабетаў у чорным, якія ўдзельнічалі ў паўстаньні 1863 году. Ці не ўпершыню дасьледніца прааналізавала паўстаньне

1863 году праз прызму і з улікам кабетаў, якія падтрымалі рокаш. І хоць часта зьява «ціхіх героек» апісваецца як рух палячак, гэта не зусім дакладна: рух спантанна пачаўся ў Варшаве, але паступова да яго актыўна далучыліся беларускія, а часам і летувіскія шляхціцкія, а таксама гараджанкі.

Варта пазначыць, што яшчэ ў 1913 годзе, у 50-ю гадавіну паўстаньня, Марыя Брухнальская пісала, што вычыны ўдзельніцаў паўстаньня ігнараваныя, недаацэненыя, а таму імкнулася выратаваць іх ад забыцця. Такім парадкам, публіцыстка і змагарка за правы кабетаў пачала збіраць інфармацыю пра ўдзельніцаў рокашу 1863 году, перавыдаваць іх дзённікі і ўспаміны. Яшчэ да паўстаньня 1863 году палячкі, а таксама беларускі і жмудзянкі дзейнічалі і салідарнічалі разам дзеля адзінства зямель і нацыяў ВКЛ і Рэчы Паспалітай, чым пасьпяхова ўразілі і напалохалі расейскіх каляністаў. Гэтая акцыя пад сьцягам ВКЛ і Рэчы Паспалітай стане ці не апошняй праявай салідарнасьці палячак, беларусак і летувісак. Потым новыя этапы нацыябудаўнічых працэсаў пераключаць іх на іншую дзейнасьць, і гendarная салідарнасьць зьнікне на карысьць нацыянальнай.

Жанчыны ў чорных сукенках, ці «чорныя дамы», як часта называла іх тагачасная прэса, зьявіліся ў розных кутках былой калісьці адзінай хаўруснай дзяржавы пасля расстрэлу расейскімі войскамі мірных дэманстрантаў у Варшаве 27 студзеня 1861 году. Кабеты ў чорных жалобных сукенках без упрыгажэньняў прыйшлі на пахаваньні забітых. Пасьля гэтага па ўсёй Польшчы, Беларусі і Летуве пайшла пратэставая хваля жанчынаў у чорным. Чорны колер сымбалізаваў сьмерць, хаўтуры, а таксама кайданы. Аднак, як пазначыў у сваім эсе «Une nation en deuil. La Pologne en 1861» («Нацыя ў жалобе. Польшча ў 1861 годзе») францускі каталіцкі лібэрал, граф дэ Манталембэр, гэта была ня толькі ці не перадусім жалоба па сьмерці блізкіх людзей, як жалоба па няспраўджаным, па адсутным, жалоба па скрадзенай свабодзе (Montalembert, 1861). Польская паэтка Марыя Ільніцкая ў 1861 годзе напісала верш «Do sióstr moich» («Маім сёстрам»), у якім патлумачыла, навошта чорны колер пратэстовак:

Няхай чорная сукенка полькі сьведчыць сьвету
Пра самы страшны гвалт беззаконья (Ilnicka, 2019: 276–277).

І ня толькі беларускі і летувіскі падтрымалі гэтую хвалю салідарнасьці, але і многія іншыя эўрапейкі выказвалі спачуваньне, выходзячы ў чорных сукенках і капелюшах. Так, упрыгажэньні з чорных стразаў у Гішпаніі пэўны час называлі «польскімі сьлёзамі» (Zakrzewski, 2017). У іншых краінах кабеты насілі крыжыкі. Вядома, што такую польскую сьлязу і польскі крыж у знак салідарнасьці насіла дачка Карла Маркса. Некаторыя эўрапейкі да ўсяго

насілі імітаванья ці рэальныя кайданкі, каб зьвярнуць увагу грамадства на гвалт на заходніх землях Расейскай імперыі. Швайцарская прэса 1861 году апісвала кабетаў у Нэўшатэлі, якія схавалі свае стракатыя сукні і насілі толькі чорныя сукенкі на польскі манер, а да ўсяго на ланцужках насілі кайданкі. Вядомая швэдзкая грамадзкая дзяячка, пісьменьніца і фэміністка Фрэдэрыка Брэмэр шмат выступала ў падтрымку «чорных дамаў» у Польшчы і Літве, называючы гэтую справу «une sainte cause», то бок сьвятая справа. Дзякуючы ёй швэдзкая каралеўская сям'я падтрымала справу і перадавала вялікія сумы ў падтрымку жанчынаў у чорным (Bruchnalska, 1933: 185).

Аднак у саміх Польшчы і Беларусі была патрэбная грамадзянская мужнасьць, каб насіць жалобу: расейскія ўлады штрафавалі чорных пратэстовак, абражаючы іх «рэвалюцыянэркамі» і «антырасейскімі фанатычкамі» (Bruchnalska, 1933: 60–61). У Менску і Дынабурзе ўлады накладалі штраф на жанчынаў у чорным — ад 25 да 100 рублёў. Часам іх адвозілі ў пастарунак, загадвалі зьняць сукенкі, а ўзамен ім выдавалі строі, адабраныя ў арыштаваных прастытутак. Палячкам і ўкраінкам у чорным, якія выходзілі на вуліцы Львову, які знаходзіўся ва ўладзе Аўстра-Вугоршчыны, было прасьцей: мясцовая паліцыя хоць і глядзела крыва на пратэсты, але дзейнічала куды больш стрымана за расейскіх калегаў.

Пасьля паразы паўстанья Каліноўскага ў 1863 годзе ўзьнялася новая хваля грамадзянскай непакорнасьці сярод кабетаў. Зноў на вуліцах Менску, Вільні, Варшавы, Коўны, Пінску, Львова, Віцебску ці Кіева бачылі жанчынаў у чорным. Адною зь вядомых тагачасных беларусак, якой баяліся гараднічыя і губэрнатары, была Каміла Марцінкевіч, дачка Вінцэнта Дуніна-Марцінкевіча. Якраз яна была калі ня лідаркай жанчынаў у чорным, то адным з моцных сымбальў «чорнага пратэсту». Каміла Марцінкевіч уваходзіла ў менскую філію жаночага камітэту, створанага ўлетку 1863 году (Kowalewska, 1912: 90). Гэта была жаночая арганізацыя, якая дапамагала і даглядала параненых і арыштаваных паўстанцаў. У склад гэтых камітэтаў — komitety niewiast — уваходзілі ня толькі палячкі, але і беларускі. Вычыны ціхай беларускай геройкі вядомага ўсім: і выліваньне памыяў на галаву менскага губэрнатара, і сьпевы ў бажніцах, і сьмелыя паводзіны ў турме, сумна вядомай беларусам дасюль Валадарцы, і зьнявольеньне ў вар'ятні, і граньне на фартэпіяна рэвалюцыйнага гімну «Z думет роżarów» для агаломшанага губэрнатара (Dybowski, 1913: 35). Зрэшты, за дзёрскасьць і перадачу кветак вырачанаму на сьмерць паўстанцу саму Камілу выслалі ў Перм ці, паводле інфармацыі, пададзенай Марыяй Брухнальскай, у Архангельск (Bruchnalska, 1933: 387–388). Менская «антырасейская фанатычка», ці, як яе называлі палячкі, «менская Жанна д'Арк» (Wspomnienia wugnaiса, 1908: 2) вярнулася з высылкі ў Вільню. Пахаваная ў Вільні разам з мужам на Бэрнардынскіх могілках, сёньня

Каміла Марцінкевіч зьяўляецца моцным арыенцірам і сымбалем старых і новых пратэстаў супраць гвалту і дыктатуры наагул.

Цікава пазначыць, што часам «чорных дамаў» падтрымлівалі мужчыны ў чорным. Так, вядома, што ў 1861 годзе ў Пінску да жанчынаў у чорным далучыліся пань ў чорным, якія зьбіраліся ля крыжоў і маліліся за расстраляных у Варшаве дэманстрантаў. Як і сёньня, у 1861–1863 гадах кабеты маніфэставалі ня толькі вопраткай, але і рознымі іншымі манерамі. Так, у 1861 годзе ў Коўне штраф наклалі на пані, якая ня толькі апраналася ў чорнае, але і ўпрыгожвала дома фіранкі чорнымі стужкамі, якія былі бачныя з вуліцы (Bruchnalska, 1933: 61).

Рэакцыя ўладаў на жанчынаў у чорным амаль ідэнтычная да рэакцыі цяперашняй нелегетымнай беларускай улады: арышт кабетаў, запалохваньні, шантаж, забарона насіць публічна пэўныя колеры і незьлічоныя штрафы непакорніцам. Вядомая адна забавная ў трагічных умовах пастанова абэр-паліцмаістара Варшавы ад 1864 году, якая рэгулявала тып і колер адзеньня, што дазвалялася насіць кабетам. Так, чорная вопратка дазвалялася толькі ў выпадках рэальнай жалобы і хаўтураў, чорныя стужкі і банты нельга было насіць на белых капелюшах і пад. Улады баяліся ня толькі чорнага колеру, але і шэрага — забараняўся і ён. Часта штрафавалі кабетаў, якія рэальна насілі жалобу ці ішлі на сапраўдныя хаўтуры. Удовы былі вымушаныя пісаць прашэньні, каб ім дазволілі насіць чорны колер. Жыдоўкі, а таксама польскія і беларускія сялянкі часам баяліся насіць чорны колер, каб ня стаць ахвярамі арыштаў. У некаторых месцах Расейскай імперыі — у Варшаве перадусім — гандлярам забаранялі прадаваць тканіну чорнага колеру. На пэўны час падобную забарону ўвяла паліцыя Аўстра-Вугоршчыны — у Львове, напрыклад.

Такім парадкам, гісторыя пратэсту жанчынаў у чорным у XIX ст. у Беларусі, Польшчы і Летуве сьведчыць аб тым, што сучасная пратэставая культура, у прыватнасці, спантанная спачатку пратэсты жанчынаў у белым у Беларусі, маюць гістарычную традыцыю і зьяўляюцца натуральнай часткай мясцовых сацыяльна-палітычных практыкаў. Падобныя рухі маюць як важныя сымбалі: колеры, сьцягі, песьні, гімны, — так і сваіх лідарак: Каміла Марцінкевіч, «выбітная дама ў чорным» у XIX стагодзьдзі, і Ніна Багінская, сьцяганосіца і пікетніца, адна з іконаў жанчынаў у белым ці часам жанчынаў у бел-чырвона-белым — у XXI стагодзьдзі. Пры гэтым практыкі рэакцыі з боку ўлады на чорныя ці белыя пратэсты таксама маюць гісторыю і паўтараюцца амаль па гістарычным дакладным сцэнары, вядомым на беларускіх землях з XIX стагодзьдзя.

Не зважаючы на розныя колеры пратэсту — чорны і белы, на самрэч у жаночых пратэстаў XIX і XXI ст.ст. значна больш агульнага, чым адрознага. Так, агульнымі зьяўляюцца асноўныя прычыны пратэстаў: пратэст супраць свавольства, салідарнасьць і маральная

падтрымка арыштаваных, выказваньне ўласнай грамадзянскай пазыцыі. Агульным зьяўляецца і тое, што ў выніку адрознай каштоўнасьці палоў (Héritier, 2008) у традыцыйных грамадзтвах жанчыны як найбольш маргіналізаваныя часьцяком успрымаліся як слабыя, а таму досыць бясъепчныя для ўладаў і грамадзтва. І якраз дзякуючы гэтаму стэрэатыпнаму ўспрыманьню і агульнай маргінальнасьці жанчынаў ці іх меншай каштоўнасьці і важнасьці беларускі карысталіся гэтай «нэгатыўнай прывілеяй» і выходзілі ў публічную прастору для пратэставаньня. Улады як у XIX, так і ў XXI стагодзьдзі не былі гатовыя да такой рэакцыі з прычыны веры ў стэрэатып пра бясъепчную, пасіўную жанчыну.

Беларускі ў белым

у другой палове 2020 — першай палове 2021 году:
ад белых пратэстаў да бел-чырвона-белых флэш-мобаў?

Зыходзячы з таго, што жаночыя белыя пратэсты ў Беларусі маюць аналягі ў сацыяльна-палітычнай і гендарнай практыцы іншых краінаў, а таксама ўлічваючы ўласны беларускі гістарычны досвед жаночых пратэстаў — няхай і пад іншым, чорным колерам — у XIX стагодзьдзі, аналіз сучаснага фэномэну жанчынаў у белым варта разглядаць з улікам чынніку дыктатуры і жаночай маргінальнасьці, ці, ужываючы канцэпт французскай этналягіні Франсуазы Эрыт'е, «адрознай каштоўнасьці палоў» (Héritier, 2008). Як зазначалася ў папярэдніх частках, гістарычная маргінальнасьць жанчынаў і іх іншасьць, другараднасьць адбіваецца на ўсіх этапах разьвіцьця жанчынаў, у тым ліку на іх пратэставай дзейнасьці: у межах фэмінісцкіх рухаў яны пратэстуюць супраць адсутнасьці правоў альбо супраць іх няроўнага разьмеркаваньня, у межах агульных рухаў яны часта пратэстуюць за справы іншых — сваіх мужоў, дзяцей. У межах новых рухаў — напрыклад, падчас белых маршаў на Кубе ці ў Беларусі — яны пратэстуюць супраць гвалту, супраць арышту і зьнявольеньня родных, блізкіх. Часта жанчыны праз сваю маргінальнасьць і другараднасьць у вачох улады, рэжыму арыштоўваюцца пазьней, не чапаюцца, бо ўспрымаюцца як «слабы» і «прыгожы» пол адначасова. Такая традыцыйная ўстаноўка выкліканая адрознай гістарычнай каштоўнасьцю палоў: большай каштоўнасьцю надзяляюцца мужчыны, меншай — жанчыны. Як ні парадаксальна, але часам маргінальнасьць жанчынаў становіцца іх зброяй: у цэлым дыктатуры ў Аргентыне, на Кубе, у Беларусі ці М'янме аднолькава гвалтоўна ставяцца да ўсіх людзей, аднак часта дыктатуры дэманструюць дзіўнае джэнтэльмэнства, у якім хаваюць сваё няўменьне справіцца з маці забітых дзяцей, з пэнсіянеркамі, мнішкамі і пад. Пад уплывам традыцыйных каштоўнасьцяў і ўстановак вельмі часта ў дыктатурах шануецца вобраз, культ

маці. А таму маці, якія пратэстуюць на вуліцах, тым больш калі яны пратэстуюць дзеля сваіх дзяцей, як гэта было ў Аргентыне, могуць на пэўны час зьяўляцца аўтарытарныя рэжымы. Так, польская этналягія і дасьледніца Беларусі Ганна Энгелькінг, аналізуючы пратэсты ў Беларусі, лічыць, што тлумачэньні асобнай актыўнасьці беларусаў у «мірнай рэвалюцыі» трэба шукаць у традыцыйнай культуры (Rewolucja mirnych ludiej, 2020: 94). Беларуская культура досыць прагматычная, абапіраецца на каштоўнасьці жыцьця. Вядома, кабета адыгрывае асабліва важную ролю ў пытаньні жыцьця, бо дае жыцьцё людзям. Таму кабета адыгрывае і цяпер, падчас пратэстаў, актыўную ролю. Да ўсяго вобраз ворага ў беларусаў не ўспрымаецца ў нацыяналістычных катэгорыях, а хутчэй, у катэгорыі злых ці добрых намераў (Rewolucja mirnych ludiej, 2020: 93–95). Міліцыя ці вайскоўцы, якія атакуюць і зьбіваюць пратэстоўцаў, маюць злыя намеры, а таму і зьяўляюцца ворагамі ў традыцыйным разуменьні беларусаў. То бок дыктатура і сам дыктатар «зачапілі», парушылі старыя скрыпты беларускай культуры, ператварыўшыся ў ворагаў. Дыктатура да ўсяго выклікала гнеў, абурэньне жанчынаў. Этналягічны падыход і аналіз дазваляюць на культурным узроўні зразумець страту легітымнасьці дыктатарскага рэжыму і актывацыю традыцыйных рэсурсаў, скрыптаў, якія, у сваю чаргу, абумоўліваюць гendarныя зьмяненні ў грамадзтве.

У цэлым, пратэставыя маршы беларусаў у белым упісваюцца ў агульную карціну сацыяльных рухаў, варта дадаць — новых сацыяльных рухаў, «рухаў салідарнасьці» ці «эмацыйных рухаў» (Нёвё, 2010: 26), як іх часта называюць у заходняй палітычнай сацыялёгіі. Таксама дасьледнікі часам вядуць размову пра новыя гendarныя сацыяльныя рухі (Нёвё, 2010: 102). Зьява жанчынаў у белым наагул адрозьніваецца ад клясычных, ці старых, гendarных гэтак званых «рухаў тоеснасьці» (Нёвё, 2010: 103), напрыклад, фэмінісцкіх, тым, што звычайна не падкрэсьліваецца наўмысна жаночая ідэнтычнасьць, і ў прынцыпе мэтай гэтых маўклівых пратэстаў ня ёсьць змаганьне за жаночыя правы. Пры гэтым ва ўмовах недэмакратыі белыя маршы, у прыватнасьці, беларускія жаночыя маршы, зьвяртаюць на сябе ўвагу наступнымі рысамі: мірнасьць, маўклівасьць, часцей за ўсё бязьлёзунгавасьць, выключна жаночы склад. І якраз выключна жаночы складнік белага пратэсту выклікае пэўныя пытаньні і блытаніну: ці гэта пераважна жаночы рух без усякіх тоесных патрабаваньняў, ці ўсё ж такі гэта фэмінісцкі пратэст? З саміх назваў — «жаночыя маршы», «жаночыя пратэсты», «жанчыны ў белым» (Людзі, 2021; Пратэсты, 2021; Выбары, 2020 б) — не заўсёды ясна, які гэта кшталт руху. Аднак пры аналізе рэдкіх пасланьняў ці інтэрвію ўдзельніцаў белых маршаў бачна, што для іх важнай зьяўляецца ня проста салідарнасьць, але і барацьба за дэмакратычнасьць, а часам і за большую жаночую эмансypацыю. Зрэшты, далучэньне многіх беларусаў да пратэстаў было выклікана

ў тым ліку антыфэмінісцкімі і мізагіннымі выказваньнямі дыктатара і ўладаў наагул падчас прэзыдэнцкай кампаніі 2020 году і асабліва падчас вылучэньня ў кандыдаткі Сьвятланы Ціханоўскай (Соўсь, 2020; Выбары, 2020 б; Гарбацкі, 2020; Інтэрв’ю с Ольгой Шпарагой, 2021). Такім парадкам, улічваючы вымярэньне самавызначэньня ўдзельніцаў белых маршаў, можна весьці гаворку ў тым ліку і пра фэмінісцкае памкненьне маршаў. Дадзеную тэндэнцыю пацьвярджае аналіз дзейнасьці наступнай важнай акторкі пратэставай дзейнасьці беларусак 2020–2021 гадоў. Так, Ніна Багінская, адна зь лідарак жаночых маршаў, увасабляе прыклад таго, як маршы зьмяніліся ад белых да бел-чырвона-белых, ад кансэнсуальных да палітызаваных з моцным нацыянальным пасланьнем, ад жаночых да фэмінісцкіх, пры гэтым засталіся прынцыпова мірнымі (Выбары, 2020 б; Ніна Багінская пра Беларусь, 2021). Між іншым, спалучэньне мірнага характару, нацыянальнага і фэмінісцкага пасланьняў сваёй дзейнасьці Ніна Багінская адзначыла сама ў адным з сваіх зваротаў, апублікаваным на старонцы «Нямецкай Хвалі» (Ніна Багінская пра Беларусь, 2021). Грамадзкая дзяячка выразна падкрэсьліла каштоўнасьць фэмінісцкага дыфэрэнцыялісцкага пасланьня («*Беларусь ліцьвінская – краіна жаночкага роду*», «*Інтэлект жанчыны вышэйшы за мужчынскі, бо, нарадзіўшы дзіця, жанчына мае клопат аб захаваньні роду, а гэта значыць – роднага этнасу, Бацькаўшчыны*»), а таксама адданасьць нацыянальнаму адраджэньню. Да ўсяго Н. Багінская часта спасылаецца ў сваім змаганьні на прыклады іншых сьлынных беларусак: Эўфрасіньні Полацкай, Саламеі Русецкай, Ларысы Геніюш, Зоські Верас. На сучасным этапе яна прыгадвае тых, хто натхняе яе: С. Ціханоўская, М. Калесьніківа, В. Цапкала (Ніна Багінская пра Беларусь, 2021).

Пэўная эвалюцыя паводзінаў жанчынаў у белым, а таксама зьмяненне выкарыстаных колераў (спачатку выключна белага, потым бел-чырвона-белага) сьведчыць на карысьць цьверджаньня аб тым, што рух жанчынаў у белым паступова мяняецца: ад выключна эмацыйнага і кансэнсуальнага, першапачаткова белага ён ператварыўся ў рух арганізаваны, з моцным палітычным пасланьнем, увасобленым у ідэйных бел-чырвона-белых колерах. Аб эвалюцыі жаночых белых пратэстаў, якія пачаліся ня як «фэмінісцкі праект», але хутка такім сталі, піша ў сваім артыкуле і дасьледніца Наталья Паўловіч (Paulovich, 2021: 38). Іншая дасьледніца, філёзафка Вольга Шпарага ў кнізе «*У рэвалюцыі жаночае аблічча*» (Shparaga, 2021) сьцьвярджае, што грамадзтва нарэшце загаварыла на мове фэмінізму, а жанчыны ў белым – гэта вынік эвалюцыі грамадзтва за апошнія дзесяцігодзьдзе і адна з шматлікіх праяваў мірнай рэвалюцыі, у тым ліку фэмінісцкай, якая праявілася ў фальсыфікаванай перамозе жанчыны – Сьвятланы Ціханоўскай, у тысячы актаў салідарнасьці і сястрынства ў грамадзтве і г. д. (Інтэрв’ю с Ольгой Шпарагой, 2021).

Гісторыя жанчынаў у белым у Беларусі пачалася 12 жніўня 2020 году (Людзі, 2021), калі па ўсіх гарадах Беларусі выйшлі дзясяткі тысячаў жанчынаў пераважна ў белым, зь белымі кветкамі ў ланцугі салідарнасьці ў публічных месцах (Выбары, 2020 а). Спачатку белы колер заставаўся галоўным, бо кабеты імкнуліся падкрэсьліць перадусім мірны характар пратэстаў. З кожным днём ланцугі салідарнасьці павялічваліся, кабеты ў белым сьпявалі мірныя песьні, напрыклад, «Калыханку», а пратэстоўкі тлумачылі свой выхад на вуліцу: *«Ужо ня проста фальсыфікуюць выбары, а б'юць, калечаць і забіваюць нас, нашых мужчын, нашых дзяцей. І, магчыма, гэты шанец застаўся толькі у нас, у жанчын. Здаецца, і статыстычна нас больш у краіне, чым мужчын, то трэба гэта выкарыстоўваць»* (Соўсь, 2020). Паступова, з узмацненьнем рэакцыі ўладаў на жаночыя маршы і самі кабеты ў белым таксама крыху радыкалізаваліся: да ў асноўным белага колеру вопраткі ранейшых пратэстаў далучыліся бел-чырвона-белыя стужкі і сьцягі.

Такім парадкам, пачынаючы зь верасьня 2020 году ўсе жаночыя белыя маршы белымі па колеры больш не зьяўляліся — дамінаваў бел-чырвона-белы колер. Па зьмесьце гэта часта былі белыя жаночыя маршы кшталту тых, якія праводзілі аргентынскія мацэркі ў 1976–1983 гадах ці кубінскія белыя дамы пятнаццаць ці дзесяць гадоў таму: мірныя, з моцным праэдэмакратычным пасланьнем і прапановай кансэнсусу, перамір'я. Дыктатура да канца 2020 году амаль цалкам вынішчыла поле дзейнасьці для ўсіх пратэстоўцаў, уключаючы кабетаў у белым і бел-чырвона-белым. Тым ня менш спарадычныя «маршы суперажываньня» (Пратэсты, 2021) жанчынаў у белым з абавязковым чырвоным аксэсуарам (шалік, парасон, кветка) працягваюцца дасюль. Аднак у другой палове 2021 году жаночыя маршы сталіся мінарытарнымі і імгненнымі, нагадваючы, хутчэй, пэрформанс, акцыянізм і флэш-моб адначасова, чым звыклы сацыяльны пратэставы рух. Публічнае поле ў Беларусі зачышчана нагэтулькі, што нічога падобнага не маглі зрабіць ні аргентынская хунта за 7–8 гадоў, ні кубінская дыктатура за дзесяцігодзьдзі існаваньня. Якраз зачыстка публічнага поля, прызначэньне вайскоўцаў на высокія пасады і рэпрэсіі зьяўляюцца сьведчаньнем прынцыповай зьмены беларускага рэжыму з дыктатуры ў бок хунты. Узмацненьне жорсткасьці рэжыму не павінна азначаць аўтаматычна спыненьня жаночых бел-чырвона-белых маршаў — іх мінімізацыю і зьмянчваньне фармату дзейнасьці (ухіл у бок пэрформансу) варту ўспрымаць, хутчэй, як часовае зьмяненьне, як віток у эвалюцыі як рэжыму, так і мясцовых грамадзянскай супольнасьці і сацыяльных рухаў. Дарэчы, падобныя віткі зьведалі жаночыя белыя рухі ў Аргентыне і на Кубе, дзе яны існуюць ужо некалькі дзесяцігодзьдзяў насуперак гвалту дыктатуры (Scarpaci, Frazier, 1993: 8–9).

Беларускія пратэсты і, у прыватнасьці, жаночыя белыя пратэставыя маршы 2020–2021 гадоў — зьява новая для беларускай сучаснай гісторыі, хоць, няма сумневу, яны зьяўляюцца натуральнымі праявамі незадаволенасьці беларусаў і беларусак, якая не аднойчы спынялася і замарожвалася рэжымам Лукашэнкі, які адкладаў рэальнае вырашэньне праблемаў на потым. У зьвязку з гэтым, мажліва, мае рацыю дасьледніца Нэлі Бэкус (Bekus, 2021: 4), якая бачыць у сучасных пратэстах рэха 1989 году, водгульце шматлікіх нерэалізаваных нацыянальных і дэмакратычных памкненьняў беларусаў. Няма сумневу, сучасныя пратэсты ў Беларусі, у тым ліку жаночыя пратэсты, маюць гістарычную аснову, доказам чаго зьяўляецца рух жанчынаў у чорным у XIX стагодзьдзі, вядомы на беларускіх, польскіх і летувіскіх землях. Да ўсяго жаночыя пратэсты пад белым ці, дакладней, бел-чырвона-белым колерам упісваюцца ў сусьветную практыку новых гендарных сацыяльных рухаў, вядомых як рухі салідарнасьці ці эмацыйныя рухі. Падобныя рухі існуюць як у дэмакратыі (Бэльгія, Францыя, Швайцарыя), так і ў аўтарытарных рэжымах (Аргентына ў мінулым, цяперашняя Куба). Хоць іх і аднае сымбалічны колер, пол удзельніцаў і мірны, нават кансэнсуальны характар маршаў, часам паміж імі назіраюцца прынцыповыя адрозьненьні, выкліканыя тыпам рэжыму, матывацыямі выхаду на вуліцу, пасланьнямі, якія артыкулююцца падчас маршаў, выбарам палітычнага ці апалітычнага характару дзейнасьці, а таксама гендарнай інклюзіўнасьцю ці эксклюзіўнасьцю.

Да асноўнай спэцыфікі беларускіх жаночых белых пратэстаў можна аднесці спалучэньне адначасова нацыянальнага і гендарнага пасланьняў, што добра ілюструецца візуальна: жаночыя маршы пачаліся пад белым колерам, але хутка сталіся бел-чырвона-белымі. Камэнтары ўдзельніцаў белых маршаў таксама фіксуюць ня толькі гендарную, але і нацыянальную скіраванасьць супольнага дзеяньня (Соўсь, 2020). А таксама пад уплывам зьмены рэжыму ад дыктатуры да хунты спэцыфічнай сталася эвалюцыя мясцовых жаночых пратэстаў, якія з масавага сацыяльнага руху, які ахопліваў у 2020 годзе ня толькі Менск, але і іншыя гарады краіны, ператварыліся ў 2021 годзе ў нешта пераходнае паміж пэрформансам і флэш-мобам, што адбываецца выключна ў сталіцы.

Параўноўваючы беларускія жаночыя маршы зь іншымі падобнымі зьявамі, найбольшае падабенства можна знайсці ў кубінскім прыкладзе дамаў у белым: кшталт рэжыму (жорсткі аўтарытарызм ці дыктатура з элемэнтамі хунты), матывацыя руху (салідарызаваньне), мірныя тактыка і пасланьне, сацыяльная і ўзроставая разнастайнасьць удзельніцаў. Гэтае параўнаньне ў некаторай ступені дазваляе прагназаваць далейшае існаваньне і функцыянаваньне беларускіх жаночых пратэстаў, бо і кубінскія дамы ў белым па

першасьці сутыкаліся з падобнай жорсткасцю, катастрофічным скарачэннем маршаў, арыштамі і нават забойствамі з боку ўладаў (Le combat des «Dames en blanc», 2010; Les «Dames en blanc» autorisées, 2010). Аптымiстычным зьяўляецца і тое, што кубiнскія дамы ў белым у вынiку шматлiкiх гадоў пратэстаў паўплывалi на ўлады, якiя вызвалiлi сотнi палiтычных дысydэнтаў.

Зрэшты, гendarнае вымярэнне беларускiх пратэстаў аб'ядноўвае ўсе белыя маршы пад тэмай жаночай салiдарнасцьi і актыўнасцьi, а да ўсяго на практыцы дэманструе ажыццяўленьне гendarнай палiтычнай пазвы дня, якая раней заставалася ў тэорыi, а таму многiм не зразумелая ў Беларусi. Цяпер дзякуючы жанчынам у белым гendarнае вымярэнне сацыяльнай і палiтычнай мабiлізацыi сталася вiдавочным для бальшынi, усе на практыцы бачаць, што такое гendarная прызма палiтыкi, а гendarным дасьледнiкам і дасьледнiцам ня варта даводзiць карыснасьць катэгорыi гendarу ў гiсторыi ці ў палiтыцы (Гарбацкi, 2020). У звязку з гэтым ужытая ў працы для аналізу гendarнага вымярэння пратэсту этналягiчная тэорыя адрознай каштоўнасцьi палоў працуе ня толькi ў гiстарычнай пэрспэктыве, тлумачачы ўнiвэрсальную меншую каштоўнасць і большую маргiнальнасьць кабетаў у гiсторыi. Тэорыя працуе і на будучыню: сацыяльныя змяненнi ў грамадзтвах, асаблiва заходнiх, вядуць да перагляду каштоўнасцьi палоў, да эгалiтарызацыi каштоўнасцьi палоў. Якраз у пэўныя гiстарычныя моманты традыцыйная адрозная каштоўнасць палоў ставiцца пад сумнеў, і сацыяльныя практыкi прапануюць новыя вiзiі ў адносінах і ацэнцы палоў. Якраз падзеi, выклiканыя старэннем і гвалтам беларускай дыктатуры, – пратэсты і моцная жаночая мабiлізацыя – дэманструюць тэндэнцыю як да радыкальных палiтычных зменаў, так і да рэвiзiі традыцыйных скрыптаў, перадусiм гendarных.

Лiтаратура

- Блог В. Карбалевiча. (2021) Радые Свабода, [анлайн] Доступ па: <https://www.svaboda.org/z/691> [Прагледжана 1 кастрычнiка 2021].
- Выбары 2020. (2020 а) Жаночыя «ланцугi салiдарнасцьi» прайшлi па ўсёй Беларусi, Радые Свабода, 12 жнiўня 2020, [анлайн] Доступ па: <https://www.svaboda.org/a/30779898.html> [Прагледжана 1 кастрычнiка 2021].
- Выбары 2020. (2020 б) Жанчыны ў белым зноў выйшлi на вулiцы Менску на акцыю супраць гвалту, Радые Свабода, 22 жнiўня 2020, [анлайн] Доступ па: <https://www.svaboda.org/a/30797134.html> [Прагледжана 1 кастрычнiка 2021].
- Гарбацкi, У. (2020) Найноўшая гendarная гiсторыя Беларусi пiшацца проста цяпер на вулiцах, Новы Час, 21 верасня 2020, [анлайн] Доступ па: <https://novychas.by/hramadstva/najnouszaja-hendarnaja-historyja-belarusi-piszacca> [Прагледжана 10 кастрычнiка 2021].

- Интервью с Ольгой Шпарагой. (2021) Философ о белорусской революции: Общество заговорило на языке феминизма, Deutsche Welle, 30 июня 2021, [анлайн] Доступ па: <https://www.dw.com/ru/filosof-o-belorusskoj-revolucii-obshhestvo-zagovorilo-na-jazyke-feminizma-a-58108746/a-58108746> [Прагледжана 10 кастрычніка 2021].
- Людзі. (2021) У Менску, як і год таму, выйшлі жанчыны з кветкамі ў белым і чырвоным, Радыё Свабода, 12 жніўня 2021, [анлайн] Доступ па: <https://www.svaboda.org/a/31405994.html> [Прагледжана 30 верасня 2021].
- Нёвё, Н. (2010) Сацыялогія сацыяльных рухаў, Мінск: Прапілеі, 152 с.
- Ніна Багінская пра Беларусь Лукашэнкі і гістарычныя карані беларусаў. (2021) Deutsche Welle, 30 апреля 2021, [анлайн] Доступ па: <https://www.dw.com/ru/nina-baginskaja-pra-belarus-lukashenki/a-56961439> [Прагледжана 1 кастрычніка 2021].
- Пратэсты. (2021) «Марш суперажывання»: жанчыны ў белым з чырвонымі парасонамі правялі акцыю ў Менску, Радыё Свабода, 21 чэрвеня 2021, [анлайн] Доступ па: <https://www.svaboda.org/a/31318387.html> [Прагледжана 30 верасня 2021].
- Соўсь, Г. (2020) «Мы не “авечкі” і не “небаракі”, мы грамадзянкі і палітычная сіла». Галасы жанчын з «ланцугоў салідарнасьці», Радыё Свабода, 13 жніўня 2020, [анлайн] Доступ па: <https://www.svaboda.org/a/30781778.html> [Прагледжана 1 кастрычніка 2021].
- Bekus, N. (2021) Echo of 1989? Protest Imaginaries and Identity Dilemmas in Belarus. *Slavic Review*, 2021, 80 (1), p. 4.
- Bekus, N., Gabowitsch, M. (2021) Introduction: The Sociology of Belarusian Protest. *Slavic Review*, 80 (1), pp. 1-3.
- Bruchnalska, M. (1933) *Ciche bohaterki. Udział kobiet w powstaniu styczniowym*, Miejsce Piastowe, 1933.
- Christian, G. (2014) La marche blanche, un nouveau fait de société. *Cités*, no. 59, pp. 169-179.
- Cuba's "Ladies in White". (2006) Human Rights First, [анлайн] Доступ па: https://web.archive.org/web/20090720010456/http://www.human-rightsfirst.org/defenders/hrd_cuba/hrd_cuba_blanco.htm [Прагледжана 29 верасня 2021].
- Dybowski, B. (1913) *Wspomnienia z przeszłości półwiekowej: objaśnione czterdziestu kilku rycinami*, Lwów: Nakładem rodziny Autora, s. 35.
- Godin, C. (2014) La marche blanche, un nouveau fait de société. *Cités*, no. 59, [анлайн] Доступ па: <https://doi.org/10.3917/cite.059.0169> [Прагледжана 29 верасня 2021].
- Héritier, F. (2008) *L'Identique et le Différent: entretiens avec Caroline Broué*, La Tour-d'Aigues, Éditions de l'Aube, 108 p.
- Héritier, F. (2010) *Hommes, femmes: la construction de la différence*. Paris: Le Pommier, 191 p.
- Ілніцка, М. (2019) Do sióstr moich, [y:] Król, K. Słowem i czynem. Kobięca twórczość poetycka wobec tematyki powstania styczniowego, [y:] Ławski, J., Rusek, I. E., Wojciechowski, P., *Powstanie styczniowe: reinterpretacje pamięci*, Białystok, s. 275-276.
- Kergoat, D. (1992) *Les infirmières et leur coordination, 1988-1989*, Paris, Ed. Lamarre, [анлайн] Доступ па: https://www.persee.fr/doc/gendre_1165-3558_1993_num_6_1_907_t1_0093_0000_1 [Прагледжана 29 верасня 2021].
- Kowalewska, Z. (1912) *Obrazki Mińskie 1850-1863*, Wilno: I.dr. J. Zawadzki, s. 90.

- Le combat des “Dames en blanc” se poursuit à Cuba (2010) L'Express.fr, 19.04.2010, [анлайн] Доступ па: https://www.lexpress.fr/actualite/monde/amerique-sud/le-combat-des-dames-en-blanc-se-poursuit-a-cuba_885831.html [Прагледжана 29 верасьня 2021].
- Les “Dames en blanc” autorisées pour la première fois à manifester (2010) France 24, 03.05.2010, [анлайн] Доступ па: <https://www.france24.com/fr/20100503-dames-blanc-autorisees-manifester-oppasant-cuba-epouses-arrete-havane> [Прагледжана 29 верасьня 2021].
- Les folles de la Place de Mai (2016), Mémoires, N° 67, [анлайн] Доступ па: <https://www.cairn.info/revue-memoires-2016-2-page-23.htm> [Прагледжана 29 верасьня 2021].
- Les marches blanches se multiplient: pourquoi? (2015) France 3, Info, 19.06.2015, [анлайн] Доступ па: <https://france3-regions.francetvinfo.fr/hautes-de-france/2015/06/19/les-marches-blanches-se-multiplient-pour-quoi-751263.html> [Прагледжана 28 верасьня 2021].
- Martysevich, M. (2020) Belarus: The Alphabet of Protest, Culture.pl, 30 October, [анлайн] Доступ па: <https://culture.pl/en/article/belarus-the-alphabet-of-protest> [Прагледжана 29 верасьня 2021].
- Montalembert, Ch. de. (1861) *Une nation en deuil. La Pologne en 1861*, E. Dentu, Paris, p. 48.
- Mothers of the Plaza de Mayo (2011) First Responders for Human Rights, University of Denver, [анлайн] Доступ па: https://nanopdf.com/download/mothers-of-the-plaza-de-mayo-first-responders-for-human-rights_pdf [Прагледжана 28 верасьня 2021].
- Norris, S. M. (2021) History, Memory, and the Art of Protest in Belarus, Origins, Current Events in Historical Perspective, vol. 14, issue 6, [анлайн] Доступ па: <https://origins.osu.edu/article/history-memory-and-art-protest-belarus> [Прагледжана 29 верасьня 2021].
- On Fourth Anniversary of Clampdown (2007) Rights Group Calls for Release of Prisoners, Human Rights First, March 19, [анлайн] Доступ па: <https://www.humanrightsfirst.org/2007/03/19/On-Fourth-Anniversary-of-Clampdown-Rights-Group-Calls-for-Release-of-Prisoners> [Прагледжана 30 верасьня 2021].
- Paulovich, N. (2021) How Feminist is the Belarusian Revolution? Female Agency and Participation in the 2020 Post-Election Protests, *Slavic Review*, vol. 80 (1), pp. 38 – 44.
- Reichardt, I., Rust, M. (2021) The failure in binary thinking about Belarus, *New Eastern Europe*, Issue 1-2: Whither Democracy? [анлайн] Доступ па: <https://neweasterneurope.eu/2021/02/03/the-failure-in-binary-thinking-about-belarus/> [Прагледжана 29 верасьня 2021].
- Retour sur la Coordination des Infirmières de 1988 (2015) Révolution permanente, 22 juin 2015, [анлайн] Доступ па: <https://www.revolution-permanente.fr/Retour-sur-la-Coordination-des-Infirmieres-de-1988> [Прагледжана 30 верасьня 2021].
- Rewolucja mirnych ludzi (2020) Z Anną Engelking, antropolożką i badaczką kultury białoruskiej, rozmawia Anna Łazar, *Nowa Europa Wschodnia*, nr 6/2020, s. 94.
- Rodríguez, L. G., Soprano, G. (2009) La política universitaria de la dictadura militar en la Argentina: proyectos de reestructuración del sistema de educación superior (1976-1983), *Nuevo Mundo Mundos Nuevos*, Cuestiones del tiempo presente, [анлайн] Доступ па: <https://hear.unr.edu>.

- ar/wp-content/uploads/2014/12/La-pol%C3%ADtica-universitaria-de-la-dictadura-militar-en-la-Argentina-proyectos-de-reestructuraci%C3%B3n-del-sistema-de-educaci%C3%B3n-superior-1976-1983.pdf [Прагледжана 30 верасьня 2021].
- Sarner, E. (2000) Mères et “folles” sur la place de Mai: Argentine 1976–2000, *Irenees.net*, [анлайн] Доступ па: http://www.irenees.net/bdf_fiche-documentation-188_fr.html [Прагледжана 28 верасьня 2021].
- Sawer, M. (2007) Wearing your Politics on your Sleeve: The Role of Political Colours in Social Movements, *Social Movement Studies*, vol. 6 (1), pp. 39–56.
- Scarpaci, J. L., Frazier, L. Jo. (1993) State terror: ideology, protest and the gendering of landscapes, *Progress in Human Geography*, vol. 17 (1), pp. 8–9, [анлайн] Доступ па: https://deepblue.lib.umich.edu/bitstream/handle/2027.42/68892/10.1177_030913259301700101.pdf;sequence=2 [Прагледжана 30 верасьня 2021].
- Sierakowski, S. (2020) Belarus Uprising: The Making of a Revolution, *Journal of Democracy*, vol. 31 (4), pp. 5–16.
- Shparaga, O. (2021) *Die Revolution hat ein weibliches Gesicht; Der Fall Belarus*, Taschenbuch. Suhrkamp Verlag, 234 p.
- Tondeur, A. (1997) *La crise blanche: la Belgique du chagrin à la colère*, Bruxelles, Editions Luc Pire, 108 p.
- Wright, T. C. (2006) *State Terrorism in Latin America: Chile, Argentina, and International Human Rights (Latin American Silhouettes)*, Rowman & Littlefield. 160 p.
- Wspomnienia wygnańca (1908) *Goniec Wileński Polityczny, Społeczny i Literacki* R.1, 17 kwietnia 1908, s. 2.
- Zakrzewski, P. (2017) Czarny protest A.D. 1861, *Culture.pl*, 10 maj, [анлайн] Доступ па: <https://culture.pl/pl/artykul/czarny-protest-ad-1861> [Прагледжана 30 верасьня 2021].

References

- Blog V. Karbalevica [V. Karbalevic’s blog]. (2021) *Radyje Svaboda*, [online] Available from: <https://www.svaboda.org/z/691> [Accessed 1 October 2021].
- Vybary 2020 a. (2020) Zhanocyjа “lancuhi salidarnas’ci” prajsli pa ўsej Belarusi [Women’s “chains of solidarity” passed all over Belarus], *Radyje Svaboda*, August 12, [online] Available from: <https://www.svaboda.org/a/30779898.html> [Accessed 1 October 2021].
- Vybary 2020 b. (2020) Zhancyny ў belym znoў vyjsli na vulicy Mensku na akcyju suprac’ gvaltu [Women in white took to the streets of Minsk again to protest against violence], *Radyje Svaboda*, August 22, [online] Available from: <https://www.svaboda.org/a/30797134.html> [Accessed 1 October 2021].
- Harbacki, U. (2020) Najnoušaja gendarnaja historyja Belarusi pisacca prosta ciaper na vulicakh [The latest gender history of Belarus is being written on the streets right now], *Novy Cas*, September 21, [online] Available from: <https://novychas.by/hramadstva/najnouszaja-hendarnaja-historyja-belarusi-piszacca> [Accessed 10 October 2021].

- Interv'iu s Ol'goi Sparaga. (2021) Filozof o beloruskoi revoliutsii: Obshchestvo zagovorilo na iazyke feminizma [Philosopher about the Belarusian Revolution: Society spoke the language of feminism], *Deutsche Welle*, June 30, [online] Available from: <https://www.dw.com/ru/filosof-o-beloruskoj-revolucii-obshhestvo-zagovorilo-na-jazyke-feminizma-a-58108746/a-58108746> [Accessed 10 October 2021].
- Liudzi (2021) U Mensku, jak i hod tamu, vyjsli zhancyny z kvetkami ŭ belym i cyrvonym [In Minsk, as a year ago, women with flowers in white and red came out], *Radyje Svaboda*, August 12, [online] Available from: <https://www.svaboda.org/a/31405994.html> [Accessed 30 September 2021].
- Neve, N. (2010) *Sacyjalogija sacyjal'nykh rukhaŭ* [Sociology of social movements], Minsk: Prapilei.
- Nina Bahinskaja pra Belarus' Lukasenki i histarycnyja karani belarusaŭ (2021), *Deutsche Welle*, 30 April 2021, [online] Available from: <https://www.dw.com/ru/nina-baginskaja-pra-belarus-lukashenki/a-56961439> [Accessed 1 October 2021].
- Pratesty (2021) "Mars superazhyvan'nia": zhancyny ŭ belym z cyrvonymi parasonami praviali akcyju ŭ Mensku [March of compassion: women in white with red umbrellas organized a march in Minsk], *Radyje Svaboda*, 21 June, [online] Available from: <https://www.svaboda.org/a/31318387.html> [Accessed 30 September 2021].
- Soŭs', H. (2020) "My ne "avecki" i ne "nebaraki", my hramadzianki i palitycnaia sila". Halasy zhancyn z "lancuhoŭ salidarnas'ci" ["We are not 'sheep' or 'poor', we are citizens and a political force". Voices of women from the "chains of solidarity"], *Radyje Svaboda*, 13 August, [online] Available from: <https://www.svaboda.org/a/30781778.html> [Accessed 1 October 2021].
- Bekus, N. (2021) Echo of 1989? Protest Imaginaries and Identity Dilemmas in Belarus, *Slavic Review*, 2021, 80 (1), p. 4.
- Bekus, N., Gabowitsch, M. (2021) Introduction: The Sociology of Belarusian Protest, *Slavic Review*, 80 (1), pp. 1-3.
- Bruchnalska, M. (1933) *Ciche bohaterki. Udział kobiet w powstaniu styczniowym*, Miejsce Piastowe, 1933.
- Christian, G. (2014) La marche blanche, un nouveau fait de société, *Cités*, n°59), pp. 169-179.
- Cuba's "Ladies in White" (2006), Human Rights First, [online] Available from: https://web.archive.org/web/20090720010456/http://www.human-rightsfirst.org/defenders/hrd_cuba/hrd_cuba_blanco.htm [Accessed 29 September 2021].
- Dybowski, B. (1913) *Wspomnienia z przeszłości półwiekowej: objaśnione czterdziestu kilku rycinami*, Lwów: Nakładem rodziny Autora, s. 35.
- Godin, C. (2014) La marche blanche, un nouveau fait de société, *Cités*, 59, [online] Available from: <https://doi.org/10.3917/cite.059.0169> [Accessed 29 September 2021].
- Héritier, F. (2008) *L'Identique et le Différent: entretiens avec Caroline Broué*, La Tour-d'Aigues, Éditions de l'Aube.
- Héritier, F. (2010) *Hommes, femmes: la construction de la différence*, Paris, Le Pommier.
- Ilnicka, M. (2019) Do sióstr moich, [y:] Król, K. Słowem i czynem. Kobięca twórczość poetycka wobec tematyki powstania styczniowego, [y:] Ławski, J., Rusek, I. E., Wojciechowski, P., *Powstanie styczniowe: reinterpretacje pamięci*, Białystok, s. 275-276.

- Kergoat, D. (1992) *Les infirmières et leur coordination, 1988–1989*, Paris, Ed. Lamarre, [online] Available from: https://www.persee.fr/doc/genre_1165-3558_1993_num_6_1_907_t1_0093_0000_1 [Accessed 29 September 2021].
- Kowalewska, Z. (1912) *Obrazki Mińskie 1850–1863*, Wilno: I.dr. J. Zawadzki, s. 90.
- Le combat des “Dames en blanc” se poursuit à Cuba (2010) *L'Express.fr*, 19.04.2010, [online] Available from: https://www.lexpress.fr/actualite/monde/amerique-sud/le-combat-des-dames-en-blanc-se-poursuit-a-cuba_885831.html [Accessed 29 September 2021].
- Les “Dames en blanc” autorisées pour la première fois à manifester (2010) *France 24*, 03.05.2010, [online] Available from: <https://www.france24.com/fr/20100503-dames-blanc-autorisees-manifester-opposant-cuba-epouses-arrete-havane> [Accessed 29 September 2021].
- Les folles de la Place de Mai (2016), *Mémoires*, N° 67, [online] Available from: <https://www.cairn.info/revue-memoires-2016-2-page-23.htm> [Accessed 29 September 2021].
- Les marches blanches se multiplient: pourquoi? (2015) *France 3, Info*, 19.06.2015, [online] Available from: <https://france3-regions.francetvinfo.fr/hauts-de-france/2015/06/19/les-marches-blanches-se-multiplient-pourquoi-751263.html> [Accessed 28 September 2021].
- Martysevich, M. (2020) Belarus: The Alphabet of Protest, *Culture.pl*, 30 October, [online] Available from: <https://culture.pl/en/article/belarus-the-alphabet-of-protest> [Accessed 29 September 2021].
- Montalembert, Ch. de. (1861) *Une nation en deuil. La Pologne en 1861*, E. Dentu, Paris, 1861.
- Mothers of the Plaza de Mayo (2011) First Responders for Human Rights, *University of Denver*, [online] Available from: https://nanopdf.com/download/mothers-of-the-plaza-de-mayo-first-responders-for-human-rights_pdf [Accessed 28 September 2021].
- Norris, S. M. (2021) History, Memory, and the Art of Protest in Belarus, *Origins, Current Events in Historical Perspective*, vol. 14, issue 6, [online] Available from: <https://origins.osu.edu/article/history-memory-and-art-protest-belarus> [Accessed 29 September 2021].
- On Fourth Anniversary of Clampdown (2007) Rights Group Calls for Release of Prisoners, *Human Rights First*, March 19, [online] Available from: <https://www.humanrightsfirst.org/2007/03/19/On-Fourth-Anniversary-of-Clampdown-Rights-Group-Calls-for-Release-of-Prisoners> [Accessed 30 September 2021].
- Paulovich, N. (2021) How Feminist is the Belarusian Revolution? Female Agency and Participation in the 2020 Post-Election Protests, *Slavic Review*, 80 (1), p. 38.
- Reichardt, I., Rust, M. (2021) The failure in binary thinking about Belarus, *New Eastern Europe*, Issue 1–2: Whither Democracy? [online] Available from: <https://neweasterneurope.eu/2021/02/03/the-failure-in-binary-thinking-about-belarus/> [Accessed 29 September 2021].
- Retour sur la Coordination des Infirmières de 1988 (2015) *Révolution permanente*, 22 juin 2015, [online] Available from: <https://www.revolution-permanente.fr/Retour-sur-la-Coordination-des-Infirmieres-de-1988> [Accessed 30 September 2021].

- Rewolucja mirnych ludiej (2020) Z Anną Engelking, antropolożką i badaczką kultury białoruskiej, rozmawia Anna Łazar, Nowa Europa Wschodnia, nr 6/2020, s. 94.
- Rodríguez, L. G., Soprano, G. (2009) La política universitaria de la dictadura militar en la Argentina: proyectos de reestructuración del sistema de educación superior (1976–1983), *Nuevo Mundo Mundos Nuevos*, Cuestiones del tiempo presente, [online] Available from: <https://hear.unr.edu.ar/wp-content/uploads/2014/12/La-pol%C3%ADtica-universitaria-de-la-dictadura-militar-en-la-Argentina-proyectos-de-reestructuraci%C3%B3n-del-sistema-de-educaci%C3%B3n-superior-1976-1983.pdf> [Accessed 30 September 2021].
- Sarner, E. (2000) Mères et “folles” sur la place de Mai: Argentine 1976–2000, *Irenees.net*, [online] Available from: http://www.irenees.net/bdf_fiche-documentation-188_fr.html [Accessed 28 September 2021].
- Sawer, M. (2007) Wearing your Politics on your Sleeve: The Role of Political Colours in Social Movements, *Social Movement Studies*, 6 (1), pp. 39–56.
- Scarpaci, J. L., Frazier, L. Jo, State terror: ideology, protest and the gendering of landscapes, *Progress in Human Geography*, 17 (1) 1993, pp. 8–9, [online] Available from: https://deepblue.lib.umich.edu/bitstream/handle/2027.42/68892/10.1177_030913259301700101.pdf;sequence=2 [Accessed 30 September 2021].
- Sierakowski, S. (2020) Belarus Uprising: The Making of a Revolution, *Journal of Democracy*, vol. 31, no. 4, pp. 5–16.
- Shparaga, O. (2021) *Die Revolution hat ein weibliches Gesicht; Der Fall Belarus*, Taschenbuch.
- Tondeur, A. (1997) *La crise blanche: la Belgique du chagrin à la colère*, Bruxelles, Editions Luc Pire.
- Wright, T. C. (2006) *State Terrorism in Latin America: Chile, Argentina, and International Human Rights (Latin American Silhouettes)*, Rowman & Littlefield. p. 160.
- Wspomnienia wygnańca (1908) *Goniec Wileński Polityczny, Społeczny i Literacki* R.1, 17 kwietnia 1908, s. 2.
- Zakrzewski, P. (2017) Czarny protest A.D. 1861, *Culture.pl*, 10 maj, [online] Available from: <https://culture.pl/pl/arttykul/czarny-protest-ad-1861> [Accessed 30 September 2021].

НІЗАВАЯ САЦЫЯЛОГІЯ І МАГЧЫМАСЦІ СТАВІЦЬ РЭЛЕВАНТНЫЯ ПЫТАННІ ПРА БЕЛАРУСЬ ПАДЧАС РЭПРЭСІЙ

Андрэй Вазьянаў

GRASSROOTS SOCIOLOGY AND POSSIBILITIES TO POSE RELEVANT
QUESTIONS ABOUT BELARUS DURING THE REPRESSIONS

© Andrey Vozyanov

Lecturer at the Department of Social Sciences, European Humanities Uni-
versity
Savičiaus Str., 17, 01127 Vilnius, Lithuania

ORCID ID: 0000-0002-5103-7298

Email: andrei.vozianov@ehu.lt

Abstract: In the early 2020s, international academic interest in Belarus reached, perhaps, an unprecedented level. This was facilitated by the reaction of the country's authorities to the challenges of the Covid-19 pandemic, the political mobilization of society before the presidential election in August 2020, the largest protests against the regime, and the scale of violence and repressions. Simultaneously with the surge of interest, critical thought, as well as sociological and anthropological work in Belarus, have been persecuted. The essay outlines obstacles to research practice in Belarus from different perspectives. It describes how groups of Belarusian society are trying to compensate for the lack of sociological data by interpreting figures from the available sources or conducting grassroots surveys and interviews. Attention is drawn to the weaknesses of both grassroots sociology and external interpretations of «authoritative» data (surveys conducted by the research institutes). The text presents arguments in favor of more inclusive, sensitive and horizontal selection of empirical data from Belarus. The conclusion discusses ways to avoid ethnographic silence about Belarus and the conceptual perspectives of the Belarusian case.

Keywords: remote ethnography; public science; mass repressions; question posing; academic infrastructure; situated knowledges; epistemology

На пачатку 2020-х міжнародны даследніцкі інтарэс да беларускага сацыяльнага жыцця дасягнуў, бадай, беспрэцэдэнтнага ўзроўню. Гэтаму спрыялі асабліва рэакцыя ўладаў краіны на выклікі пандэміі Ковід-19, палітычная мабілізацыя грамадства перад выбарамі прэзідэнта ў жніўні 2020 года, найбуйнейшыя ў незалежнай гісторыі рэспублікі пратэсты супраць рэжыму, а таксама надзвычайнага маштабу гвалт і рэпрэсіі ў адказ на іх. Адначасова з усплёскам інтарэсу Беларусь перажывае і наймацнейшы пераслед крытычнай гуманітарнай думкі, а таксама дзейнасці па зборы, аналізе і прадстаўленні сацыялагічных і антрапалагічных дадзеных. Пры гэтым бядуеюць не толькі дадзеныя, атрыманыя мясцовымі нізавымі ініцыятывамі, незалежнымі даследчыкамі і афіцыйнымі ўстановамі, але і сабраныя звонку ў адпаведнасці з міжнароднымі акадэмічнымі стандартамі. У краіне ўзнікае эмпірычны дэфіцыт, а акадэмічная дыскусія пра яе будзеца на рэдукаваным аб'ёме інфармацыі і губляе рэлевантнасць для шырокай публікі. Як сацыяльнай навуцы адказваць на выклікі такога, імаверна, таталітарнага павароту? Якія этнаграфічныя і сацыялагічныя тактыкі мы можам назіраць у Беларусі 2020-х? І што можна зрабіць у адказ на ўзрослую зацікаўленасць беларускага грамадства сабой ва ўмовах рэпрэсій?

Эсэ акрэслівае перашкоды даследчай працы ў Беларусі з розных перспектываў. У ім апісваецца, як групы беларускага грамадства спрабуюць кампенсаваць недахоп сацыялагічных дадзеных шляхам інтэрпрэтацыі лічбаў з даступных крыніц або правядзення апытанняў і інтэрв'ю на нізавым узроўні. Увага звяртаецца на слабых месцы як такой нізавой сацыялогіі, так і знешніх інтэрпрэтацый «аўтарытэтных» дадзеных (апытанняў, праведзеных навукова-даследчымі інстытутамі). У тэксце прадстаўлены аргументы на карысць больш інклюзіўнага, чуллівага і гарызантальнага адбору эмпірычных дадзеных з Беларусі. У заключэнні абмяркоўваюцца спосабы пазбегнуць этнаграфічнага маўчання пра Беларусь і канцэптuallyныя перспектывы беларускага кейса.

Гэты тэкст вырас з англамоўнага эсэ, напісанага па запрашэнні адной аўтарытэтнай левай платформы. Ананімныя рэцэнзенты палічылі першую версію эсэ напісанай з актывісцкага гледзішча — і сапраўды, супраца з недзяржаўнымі ініцыятывамі была адной з пазіцый, у якіх назапашваўся досвед для яго. Другую версію, дапрацаваную з улікам усіх заўваг ананімных рэцэнзентаў, адхілілі, параіўшы даслаць тэкст іншаму выданню. У выніку артыкул апублікаваў трэці рэсурс (Vozyanov, 2021), але сам шлях да публікацыі стаўся паказальным: ён выразна паказвае маргіналізаваную пазіцыю беларускіх галасоў у дыскусіі пра Беларусь 2020-х.

Пакуль трываў няхуткі рэдактарскі працэс, змяняліся і абставіны, у якіх даводзіцца дзейнічаць эмпірычным даследчыкам Беларусі. Сёння адаптаваная версія тэксту мне бачыцца адрасаванай

не толькі левому флангу крытыкі падзей у Беларусі, але і астатнім зацікаўленым у разуменні сацыяльнага жыцця ў краіне. Незалежныя даследаванні ў Беларусі ажыццяўляюцца пад прыгнётам рэжыму, для якога веды не толькі нецікавыя, але і, па ўсёй бачнасці, некамафортныя. Але нават калі ставіць даследніцкія пытанні выпадае ў такім кантэксце, застаецца неабходнасць вызначаць прыярытэтныя кірункі запытання, а таксама адказваць на выклікі эмпірычнага дэфіцыту.

Кантэкст: адсутная інфраструктура сацыялогіі

Цягам многіх гадоў у Беларусі ствараліся перашкоды для атрымання надзейнай статыстыкі грамадскай думкі і незалежных сацыялагічных справаздач. Тое ж тычыцца і якататывўнага этнаграфічнага аналізу сацыяльнага жыцця ў краіне. Беларускі рэжым — гістарычна не першы і не адзіны на сёння з тых, дзе незалежная вытворчасць даследчых ведаў сутыкаецца з дадатковымі, спецыфічнымі перашкодамі. Пры гэтым беларускае эмпірычнае поле знаходзіцца на перасячэнні адразу некалькіх кантэкстаў, у якіх такая вытворчасць ускладнена.

Найбольш відавочны фактар — гэта таталітарная традыцыя, у рамках якой сацыялагічныя інстытуцыі, калі не зліквідаваны, то пастаўлены на службу рэжыму для выпрацоўкі цікавых яму ведаў або губляюць эпістэмічную функцыю і пачынаюць залучацца ў сацыяльную інжынерыю (Sackmann, 2016). Пры гэтым таталітарныя рэжымы ствараюць умовы менш спрыяльныя для сацыялогіі ў параўнанні не толькі з дакладнымі навукамі, але і з іншымі сацыяльнымі дысцыплінамі (там жа). У савецкі час Кампартыя планавала стварыць сетку сацыялагічных цэнтраў і бачыла сацыялогію як эфектыўны, базаваны на навуцы інструмент ідэалагічнай барацьбы і прапаганды (Titarenko & Zdravomyslova, 2017: p. 46). У сучасных беларускіх рэаліях гуманітарныя і сацыяльныя навукі адыходзяць на другі план адносна інжынерна-тэхнічных, што ў 2010-х спрабавала кампенсаваць нефармальнай адукацыяй грамадзянская супольнасць (civil society). Максімумам рэсурсных і кіраўнічых магчымасцей дзяржавы ў такой сістэме становіцца «посильное стимулирование прикладных сфер знания и исследований, способных приносить прямую экономическую прибыль» (Shchyttsova, 2021).

Апошняя незалежная сацыялагічная ўстанова Беларусі, НИСЭПИ, была прымукова закрыта ў 2016 годзе. Акрамя таго, абавязковай умовай для правядзення публічных апытанняў «па грамадска-палітычных тэмах» стала падаванне заяўкі на атрыманне ліцэнзіі, з практычна гарантаваным адмоўным вынікам. Гэта фармальна паставіла апытанні па-за законам, нават для асобных

людзей, якія размяшчаюць пытанні на сваіх старонках у сацыяльных сетках. За такую дзейнасць накладаецца штраф у адпаведнасці з КаАП (да 5400 BYN, або каля 1700 EUR). Інстытут сацыялогіі — падраздзяленне Нацыянальнай акадэміі навук РБ — наўрад ці можна назваць надзейнай крыніцай дадзеных, з улікам стараннага ігнаравання ім пры выбары тэм тых навін, што займаюць галоўныя пазіцыі ў папулярных СМІ (Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, 2021). Такім чынам, незалежныя сацыялагічныя веды яшчэ да пандэміі былі прызнаны беларускім рэжымам патэнцыйна небяспечнымі і адсутнічалі ў дзяржаўных медыях.

Акрамя таталітарнай спадчыннасці, вытворчасць ведаў пра Беларусь характарызуе сітуацыя, якую некаторыя даследнікі называюць посткаланіяльнай (дыскусія пра карэктнасць такой характарыстыкі гл. у Льюіса [Льюис, 2020]). І тут мае значэнне нават не толькі каланізаванасць слоўніка, мыслення, памяці, медыйнай ці эканамічнай прасторы і г.д. Пасля выгнання і закрыцця цэнтраў вытворчасці незалежнай сацыялогіі прадказальна, што большасць выказванняў пра Беларусь робіцца звонку і па правілах дыкрытэрыях рэлевантнасці, распрацаваных у іншых рэаліях. Прытым за адсутнасцю мясцовых незалежных устаноў сацыялогіі дзяржаўныя не набываюць аўтарытэт; замест гэтага найбольшую агалоску атрымоўваюць дадзеныя, сабраныя расійскім ВЦИОМ або апытанні ад імя брытанскіх ці нямецкіх навукова-даследчых устаноў.

Нарэшце, неабходна згадаць пазіцыю ведаў, што прадуюцца беларускай грамадскасцю з меншай ступенню інстытуцыяналізацыі: недзяржаўнымі арганізацыямі, нізавымі ініцыятывамі, асобнымі актывістамі (гэтыя веды ў заходнееўрапейскім кантэксце называюць «актывісцкімі»). Неаднакроць адзначалася, што экспертыза ў шматлікіх сферах — адукацыйнай, транспартнай, экалагічнай, урбаністычнай і г. д. — у Беларусі дэ-факта была дэлегавана недзяржаўным актэрам (Korosteleva, 2016; Шелест, Егоров, Смольяно, 2018). Але прызнання ці падвышэння экспертнага статусу гэтых актэраў такое дэлеганне за сабой не пацягнула — ні ў самой краіне, ні па-за яе межамі.

Апісанае спалучэнне фактэраў паспрыяла таму, што інфраструктура для збору, апрацоўкі і распаўсюду надзейных антрапалагічных і сацыялагічных дадзеных, а таксама для акадэмічных выказванняў з міжнароднай валіднасцю ў Беларусі адсутная. У 2013 годзе Аксана Шелест выказала меркаванне, што грамадскай думкі ў Беларусі не існуе (Shelest, 2013). Ва ўмовах адсутнасці публічнай палітыкі і пагаршэння ўмоў для інтэлектуальных дыскусій няма «рэальнага попыту грамадства на высвятленне і вымярэнне грамадскай думкі, а таксама фактычнай прасторы для рэалізацыі яе вынікаў» (там жа). Для ўсіх зацікаўленых бакоў — рэжыму, пратэстоўцаў, лаялістаў, навукоўцаў і актывістаў і г. д. — гэта прывяло да прадужтых уяўленняў пра грамадскія меркаванні.

У 2020-м дэфіцыт статыстыкі зацямяе класавы профіль пратэсту. Практычна адзіным усеагульным патрабаваннем пратэстаў было і ёсць спыніць гвалт, а пратэстоўцы вельмі па-рознаму ставяцца да эканамічных рэформаў, моўнай палітыкі, знешне-палітычных сувязяў і г. д. Характэрна, што ў жніўні 2020 года левыя крытыкі назвалі беларускія пратэсты як нацыяналістычнымі, так і пракапіталістычнымі, нягледзячы на іх пераважную рускамоўнасць і выразна нейтральную рыторыку па геапалітычных тэмах, а таксама сканцэнтраванасць на пытаннях законнасці. Рабочыя, іх спецыфічныя патрабаванні і праблемы застаюцца практычна недаследаванымі — асабліва ў колькаснай рэпрэзентатыўнай выбарцы.

Акрамя таго, сама публічная дыскусія — медыйная і акадэмічная — стала факсуецца на можнаўладцах, абдзяляючы ўвагай тых, каму ва ўладзе адмоўлена. Такая сітуацыя некрытычна рэпрадукуецца і ў 2020-х. Напрыклад, падчас першай хвалі пандэміі каранавіруса міжнародныя СМІ больш увагі надалі Ковід-дысідэнцтву Аляксандра Лукашэнкі, чым масавай мабілізацыі і дыстанцыяванню беларусаў, нягледзячы на даступнасць незалежных этнаграфічных рэпартаў (Сивцова, Карпеко, 2020; Возьянов, 2020) і апытанняў (напрыклад, даследавання SATIO (2020)). Сёння па-за кадрам застаюцца ідэалагічная складанасць хваль пратэстаў у Беларусі і іхны доўгатэрміновы ўплыў на беларускую штодзённасць. Для СМІ — беларускіх, але яшчэ больш замежных — практыкі і досведы насельніцтва аказваюцца ці то не цікавымі, ці то эмпірычна недаступнымі. У гэтым плане можна сказаць, што медыйная прастора куды больш выкарыстоўвае «гісторыю асобы», чым «публічную сацыялогію».

Попыт на дадзеныя ў беларускім грамадстве

Як і ў 2013-м, у Беларусі па-ранейшаму няма фактычнай прасторы для рэалізацыі вынікаў вымярэння грамадскай думкі. Аднак ёсць падставы думаць, што грамадскі попыт на такое вымярэнне ўзрос і перавышае прапанову. Гэтак, беларуская грамадскасць звяртаецца да колькасных дадзеных, не задуманых як статыстыка. Часцей за ўсё гэта лічбавыя сляды не-даследчай дзейнасці — напрыклад, напісання петыцый або каментавання палітычных навін на папулярных рэсурсах. Так, напрыклад, за апошнія гады існавання Tut.by, самага чытанага на той час сайта навін (заблакаванага 18 мая 2021 года), публікацыі атрымлівалі сотні каментароў, пад якімі можна было паставіць адзнакі «Падабаецца» (іконка з пястучком, павернутым уверх) і «Не падабаецца» (пястук уніз). Першыя каментары пад самымі папулярнымі публікацыямі атрымлівалі

ў сярэднім 300–500 рэакцый (у 2020-м на 80–90% — у падтрымку перамен). Платформа Petitions.by атрымоўвала рэкордную колькасць подпісаў пад зваротамі, дзе так ці інакш крытыкаваўся рэжым. У беларускіх размовах гэткія рэакцыі, а таксама колькасць падпісчыкаў на асабістых старонках палітыкаў выкарыстоўваліся, каб рабіць высновы аб меркаванні большасці.

Хаця вышэйпамянёныя «драбнічкі» інфармацыі не адпавядаюць крытэрыям сацыялагічных дадзеных, іх важнасць не варта недаацэньваць. Ужо ў 2017 годзе больш за 60% насельніцтва Беларусі атрымлівалі навіны з сеціва (Александров, Бастунец, 2020), а ўзровень доступу ў інтэрнэт склаў 84% (паводле звестак Міжнароднага саюза электрасувязі). Перад выбарамі 2020 года папулярныя беларускія СМІ, такія як «Наша Ніва», «Tut.by», «Onliner.by», «Telegraf.by» і іншыя, запыталіся ў сваіх чытачоў, за каго б яны прагаласавалі. Рэйтынг Лукашэнкі ва ўсіх такіх апытаннях аказаўся вельмі нізкім (менш за 10%). Улетку 2020 года гэта стварыла тое, што Арцём Шрайбман назваў эфектыўным палітычным мемам, — выраз «Саша 3%». Хаця гэтая лічба не адлюстроўвае ўзровень падтрымкі Лукашэнкі сярод усяго насельніцтва, ёй удалося запэўніць дэманстрантаў, што яны складаюць колькасную большасць, і ў пэўнай ступені абумовіць рэакцыю на афіцыйныя вынікі выбараў. Тым болей, што дыскурс рэжыму практычна не выкарыстоўваў спасылка на статыстыку.

Рэжым спрабуе схавць колькасныя дадзеныя аб прыхільніках перамен рознымі сродкамі, нават па-за практыкай апытанняў. Калі ў сакавіку 2021 года платформа «Голас» ініцыявала галасаванне за перамовы з рэжымам, то Міністэрства інфармацыі заблакавала яе сайт (галасаванне, аднак, працягвалася і за тыдзень набрала больш за 750 000 галасоў). Рэжым адрэагаваў, размясціўшы на рахунках на аплату камунальных паслуг «альтэрнатыўныя дадзеныя», паводле якіх 66,5% беларусаў давяраюць Лукашэнку. З аднаго боку, гэтыя лічбы з сумнеўным паходжаннем супярэчаць любым дадзеным, даступным з недзяржаўных апытанняў; з другога — праз іх з'яўленне ўскосна прызнаецца важнасць сацыялагічных звестак (цікава, што адзіны пункт, па якім незалежныя і дзяржаўныя лічбы дэманструюць аднолькавы кансенсус, — гэта прынцыповая каштоўнасць суверэнітэту Беларусі для большасці беларусаў).

Нізавы збор дадзеных і яго ўразлівасць

У Беларусі з прычыны адсутнасці інстытуцыялізаванай сацыялогіі з'явіліся гарызантальныя ініцыятывы, якія выкарыстоўваюць сацыяльныя сеткі для збору і публікацыі статыстыкі грамадскай думкі па надзённых праблемах. Для вельмі ўмоўнага абагульнення

апытанняў, галасаванняў, картаграфавання і этнаграфіі, праз якія актывісты, НДА і грамадзянскія ініцыятывы дакументуюць сацыяльныя трансфармацыі ў Беларусі, я прапаную тэрмін «нізавая сацыялогія». Раней тэрмінам «нізавая сацыялогія» (*grassroots sociology*) абазначалі ідэю «пабудаваць у дысцыпліне супольнасць, што разбурыла б лініі стратыфікацыі паміж арганізацыйнымі ўзроўнямі сацыялагічнага прадпрыемства і адрознымі патрэбамі нашых акадэмічных і прыкладных намаганняў» (Harris, Wise, 1998).

Канешне, нельга сказаць, што апытанкі, праведзеныя суседзямі для суседзяў, грамадскімі арганізацыямі і вядомымі блогерамі, у аднолькавай ступені «нізавыя». Аднак аб'ядноўваюць іх праблема-арыентаваны падыход, агульныя з аўдыторыяй фонавыя веды пра кантэкст, апэратыўнасць у выкананні і імкненне прадставіць вынікі самім удзельнікам даследавання, а таксама — адсутнасць аўтарытэту.

Нізавы збор сацыялагічнай эмпірыкі ў Беларусі не ёсць з'явай апошніх двух гадоў і ніколі не зводзіўся да палітычнай тэматыкі. Тым не менш падзеі 2020 года — пандэмія, перадвыбарная кампанія, пратэсты і рэпрэсіі — падштурхнулі беларускую грамадскасць памнажаць, наносіць на мапу, наратывізаваць веды, якім было адмоўлена ў статусе рэжымам. Медыйная сфера адрэагавала на імкненне грамадства да ведаў правядзеннем стыхійных анлайн-апытанняў. Пазней было зроблена так, каб веды аб электаральным выбары сталі недасяжнымі: ні праз вулічныя апытанні, ні праз падлік бюлетэняў, ні праз экзітполы. Тым не менш пратаколы выбарчых камісій, сабраныя «Зубром» і платформай «Голас», нанесены на карту і размешчаны на сайтах ініцыятыў. Яны прадстаўляюць найпаўнейшыя з даступных дакументальныя аповед пра тое, як выглядаў выбарчы працэс у Беларусі-2020.

Некаторыя праекты па зборы дадзеных у Беларусі прытрымліваюцца строга якаснага падыходу і нават не пазіцыянуюць сябе як даследаванне. Аднак логіка дакументавання, глыбокага апытання і архівавання апавяданняў нагадвае квалітатыўную сацыяльную навуку. Напрыклад, праект «Август2020» сабраў «большэ 280 історый людзей, которыя падвергліся жестокому абрацению» падчас задушэння пратэстаў. Аналагічным чынам праект «23.34» задакументаваў 5527 выпадкаў гвалту, а таксама склаў сацыяльна-дэмаграфічныя партрэты пратэстоўцаў і суддзяў. У кантэксте, калі тысячам ахвяраў паліцэйскага гвалту было адмоўлена ў юрыдычнай абароне, дадзеныя з гэтых зборнікаў шырока распаўсюджваюцца ў СМІ і міжнародных справаздачах — і прадстаўляюць падмурак для будучых паглыбленых даследаванняў.

Самай маштабнай недзяржаўнай ініцыятывай рэгулярных апытанняў у Беларусі на канец 2021 года з'яўляецца «Народный опрос». Месяцамі ініцыятыва штотыдзень апытвала ад дзвюх да чатырох тысяч чалавек і прасочвала «пратэставыя настроі» сярод

далёка не гамагеннай групы «прыхільнікаў пераменаў». Блогер Антон Матолька апублікаваў больш маштабнае даследаванне, у якім вывучаў грамадскія настроі, асноўныя занепакоенасці беларусаў, прызнанне імі палітычных дзеячаў, меркаванне адносна пазіцый іншых дзяржаў па беларускім пратэсце (Motolko, 2021).

Інтэрэсы нізавой сацыялогіі не абмяжоўваліся пратэстамі і рэпрэсіямі нават у 2020-х, асабліва калі гаворка ідзе пра меншыя суполкі. Гэтак, «суседскія» чаты Telegram, якія масава з’явіліся па ўсёй краіне летам 2020 года (іх дэталёва вывучалі Алена Лебедзева (Лебедева, 2020) і Аксана Шэлест (Шелест, 2021)), функцыю апытання часта выкарыстоўвалі для збору меркаванняў жыхароў пра камунальныя праблемы і змены ў іх раёне. На практыцы апытанні ў чатах проста маюць больш шанцаў адбыцца, бо яны патрабуюць меншых рэсурсаў, чым пакватэрныя. Для суполак гэты ўдзел у апытаннях становіцца практыкаваннем не толькі прамой дэмакратыі, але і аўтаномнай вытворчасці таго, што Донна Хараўэй назвала сітуіраванымі ведамі (Haraway, 1988).

Для беларускіх ініцыятываў і арганізацый, якія працуюць у асобных тэмах і сферах — такіх, як культура, экалогія, мабільнасць, урбанізм, праваабарона, адукацыя і г.д., — збор эмпірыкі быў і застаецца руціннай практыкай, але ў 2020 годзе атрыманыя імі веды прыцягнулі беспрэцэдэнтную цікавасць грамадскасці. Адначасова тэматызаваны аналіз жыцця людзей у Беларусі становіцца ўсё цяжэйшым. Удзел у даследаваннях небяспечны як для апытаных, так і для інтэрв’юераў, а апытанні рэкламуюцца ў сацыяльных сетках з асцярогай — нават калі яны сканцэнтраваны на, здавалася б, нейтральных тэмах. Вулічныя апытанні набываюць амаль крымінальнае адценне. Што яшчэ горш, сама практыка арганізацыі апытанняў і ўдзелу ў іх становіцца палітычнай, і сацыяльныя наступствы гэтай эпістэмічнай крызы нам яшчэ давядзецца пабачыць.

Да нізавых дадзеных можна і трэба ставіцца крытычна. Паколькі анкетны распаўсюджваюцца ў асноўным праз Telegram і сярод суседзяў, у іх аўдыторыях могуць быць непрапарцыйна прадстаўлены апаненты рэжыму, а пажылых людзей, што не карыстаюцца інтэрнэтам, наадварот, не пачуць. У некаторых выпадках блогеры і актывісты ў Telegram інтэгруюць апытанні ў сваю камунікацыю з аўдыторыяй, якая мае раней вызначаны парадак дня. Актывісцкі аналіз можа прыарытызаваць цытаты, аповеды і насычаныя апісанні гвалту перад лічбамі; таксама акцэнт ставіцца на каштоўнасці і эмоцыі замест планаў і праграм. Але абмежаваннем на баку недзяржаўных даследнікаў супрацьстаіць адмаўленне ад даследавання як такога з боку рэжыму. Дзяржаўныя СМІ ўвогуле не часта звяртаюцца да сацыялагічных даследаванняў.

Сёння ў беларускім кантэксце гарызантальнасць і дэцэнтралізацыя вытворчасці ведаў становяцца ўмовай працягу сацыялагічнай працы; сам збор дадзеных аказваецца формай грамадзянскай

актыўнасці (з вытворнымі ад гэтага плюсамі і мінусамі). Частая ананімнасць дэцэнтралізаванай сацыялогіі азначае, што ў нас практычна няма інфармацыі пра яе асобныя калектывы; аднак мы можам бачыць разнастайнасць прадстаўленых у ёй метадалогій і інтарэсаў, а таксама імкненне растлумачыць досвед і праблемы, якія дагэтуль замоўчваліся. Пры гэтым сацыялогія ў Беларусі ў асноўным аказваецца цікавай прыхільнікам пераменаў, хаця магла б быць карыснай і рэжыму. Чым больш маргіналізуюцца сацыялагічныя намаганні ў Беларусі, тым горшай будзе якасць дадзеных пра яе, сабраных знутры ці звонку, прыхільнікамі ці апанентамі статус-кво.

Праблемы з іерархіяй дадзеных

Пры недахопах лакальных нізавых і грамадскіх дадзеных пра Беларусь неабходна праблематызаваць і тое, як больш аўтарытэтныя, высокія па статусе дадзеныя фарміруюць дыскусію пра краіну. У многіх выпадках мы сутыкаемся з іерархіяй дадзеных, якая замінае не толькі зразумець беларускія рэаліі, але і паставіць рэлевантныя пытанні пра іх.

У акадэмічнай дыскусіі пра Беларусь відавочна пераважаюць звесткі, сабраныя з-за мяжы, прааналізаваныя і інтэрпрэтаваныя замежнымі даследчыкамі. Больш за ўсё цытуюцца заходнееўрапейскія аналітыкі, якія ў цэлым падкрэсліваюць маштаб пратэсту і глыбокі раскол унутры беларускага грамадства. Некаторыя з іх раней мелі кантакты з полем, але многія не былі ні дня ў Беларусі на працягу 2020–2021 гадоў ці, верагодна, ніколі. Гэтая праблема можа выглядаць як чыста этычная, але яна мае сваё выяўленне і ў характары аналізу. Фемінісцкі канцэпт «гледзішча» (standpoint) і фенаменалагічная рэфлексія пра «быццё там» дапамагаюць уявіць, які этнаграфічны рэпорт можа (і не можа) быць створаны тымі, хто фізічна і сацыяльна знаходзіцца ў пазіцыі знешняга назірання Беларусі. Радыкальная пазазнаходнасць Іншага можа быць апісана на мностве прыкладаў, але адзін — з жніўня і верасня 2020-га — мне падаецца асабліва паказальным: гэта інтэнсіўнасць, з якой у сацсетках знешнія назіральнікі чаргавалі пасты пра толькі што дачытаную кнігу ці пошук артыкулаў на адцягненыя тэмы з рэпостамі і каментаваннем здымкаў беларускага пратэсту. Такі постынг выразна кантраставаў з напаўненнем сацыяльных сетак знутры Беларусі — і з апісаннямі «анаміі», «спыненага жыцця», «немагчымасці нічога [іншага] рабіць», характэрнымі для асабістых успамінаў пра згаданыя месяцы ў краіне. Гэткая пазазнаходнасць не азначае немагчымасці аналізу, але і не дае забыць пра непазбытную рознасць знешняй і ўнутранай пазіцыі у апісанні і разуменні досведу масавых рэпрэсій.

У асобных аўтарытэтных выказваннях пра Беларусь надта заўважна і выяўляецца нават у выкарыстанай лексіцы элементарная незнаёмасць з беларускім кантэкстам. Прыклад — досыць цытаваныя тэксты пісьменніцы Каці Казбек і актывіста Аляксея Сахніна, якія рэгулярна пішуць пра Беларусь ад імя расійскіх левых. Напрыклад, у сваім тэксце «Восстание, которое провалилось» Казбек і Сахнін пішуць, што абсалютная большасць беларусаў называла Лукашэнку «бацькам» (2021), што для людзей з Беларусі, незалежна ад іх стаўлення да рэжыму, прагучала б спрэчна: ім парт гэтага слова ў 2020-м на беларускае дзяржаўнае тэлебачанне журналістамі Russia Today падрабязна апісала Ірына Халіп (Халіп, 2020). Тая ж нечулліваць — і ў выкарыстанні тэрміна «апазіцыя». Унутры краіны лідары пратэставага руху і «альтэрнатыўныя кандыдаты» ў 2020 годзе выразна супрацьпастаўляюцца інстытуцыялізаваным партыям і палітычным рухам, што дзейнічалі з 1990-х гадоў — тым, каго самі беларусы называлі апазіцыяй дзесяцігоддзямі (як з негатыўным, так і з пазітыўным падтэкстам). Сахнін нават выкарыстоўвае ў сваіх рускамоўных публікацыях назву «Белоруссия» — у чым адразу і высвятляецца чужасць аўтара ў полі. У тэкстах Сахніна і Казбек, акрамя ідэалагічна нагружанай лексікі, шмат факталагічных памылак: напрыклад, сцвярджанне, што Лукашэнка «перастаў выступаць са сваімі прэзідэнцкімі прамовамі па-руску» (Sakhnin, 2021), хоць практычна кожны ягоны выступ з 2015 года быў на рускай мове. Беларускіх даследаванняў памянёныя аўтары не цытуюць (падрабязны разбор факталагічных памылак у тэкстах Сахніна пра Беларусь праводзіў Валадымір Арцюх).

Іншая праблема ў знешніх інтэрпрэтацыях — ігнараванне гвалту, учыненага сілавымі службамі супраць мірных пратэстаў. Напрыклад, Аляксандр Калеснікаў у артыкуле «Почему рабочие не поддержали “цветную революцию” в Беларуси?» (Колесников, 2020) пісаў, што «многотысячные уличные шествия к середине октября практически растаяли (курсіў мой. — А. В.)», а затым працягнуў свой тэкст развагамі пра тое, чаму «оппозиция» не здолела «покорить сердца рабочего класса», і завяршыў абзацам «Что могут сделать белорусские левые?». Разгоны мірных акцый, збіццё, масавыя затрыманні і катаванні (у тым ліку рабочых, жанчын, падлеткаў) у гэтым тэксце наогул не фігуруюць. Гэта ў той час, як унутры Беларусі тэма гвалту дагэтуль займае ключавое месца ў пратэставым дыскурсе. Больш за тое, абьякаваць да гвалту — гэта галоўны папрок, які сёння агучваюць пратэстоўцы ў адрас тых, хто іх не падтрымлівае. Імаверна, раскол у беларускім грамадстве адбываецца на глебе стаўлення да міліцэйскага гвалту значна больш, чым па жаданай эканамічнай мадэлі ці падтрыманай палітычнай фігуры. У гэтым кантэксце звесці аналіз пратэсту да класавых інтарэсаў і пакінуць без увагі астатнія матывацыі — значыць аб'ектывізаваць і дэгуманізаваць саміх рабочых.

Невалідныя для саміх пратэстоўцаў уявы і пытанні датычна метаў пратэсту могуць вынікаць як з няўключанасці ў лакальнае грамадства, так і з ігнаравання зместу тэкстаў байнэта, плакатаў, крычалак і іншых дадзеных. Унутры Беларусі, здаецца, абодва бакі супрацьстаяння пагодзяцца, што ўсе альтэрнатыўныя кандыдаты абяцалі выбарцам прававую дзяржаву і справядлівыя выбары, а пратэставы дыкурс (у тым ліку і яго «народны» пласт) быў сканцэнтраваны на пытаннях законнасці, а не эканомікі. І хаця на шматлікіх плакатах, стрымах і мітынгх пераважалі патрабаванні выканання закону ды сумленных выбараў, а рынак і капітал адсутнічалі там, гэтак жа, як інтарэсы рабочага класа, знешнія крытыкі абіраюць мысліць пратэст праз «развал дзяржаўніцкай мадэлі капіталізму [Лукашэнкі]» (Sakhnin, Kazbek, 2021), імаверныя рынкавыя рэформы і «капіталістычныя каштоўнасці». Выглядае, што нават даступная праз медыі эмпірыка застаецца без увагі. І тады менш здзіўляюць высновы, што «па ўсёй Беларусі “апанентаў” і ляялістаў больш-менш пароўну» (там жа), з апытання ZOiS, у якім 18% заявілі, што прагаласавалі за Лукашэнку, і 53% – за апазіцыйнага кандыдата Святлану Ціханоўскую (Douglas et al., 2021, с. 5). Можна шукаць прычыны гэтага высноўвання і дыскутаваць пра карэктнасць інтэрпрэтацыі, але цікава, што колькасць прыхільнікаў рэжыму тут ацэньваецца праз паказнік стаўлення да пратэстаў, а не праз індыкатары волевыяўлення на выбарах. Што непадтрымка пратэсту не раўняецца падтрымцы рэпрэсіўнага рэжыму, а можа, сведчыць пра пазбяганне гвалту сілавікоў, унутры Беларусі не абвргаюць нават прарэжымныя тэлеграм-каналы (няхай і кажучы пра такое пазбяганне як пра «трусосьць»). Але знаныя крытыкі «галоўны ўрок, які мы можам вынесці з беларускага досведу», бачаць у тым, што «эскалацыя гвалту выгадная абодвум бакам канфлікту» (Sakhnin, Kazbek, 2021). Для неаднароднага мноства беларускіх пратэстоўцаў, якіх на працягу месяцаў аб'ядноўваў адно лозунг «Спыніце гвалт», такая выснова наўрад ці можа падвысіць аўтарытэт публічных інтэлектуалаў.

Трэба адразу адзначыць, што сітуацыя з правакансерватыўнага боку крытыкі не лепей: тут пануе ідэнтытарная рыторыка пра «адраджэнне нацыі», «даросленне беларусаў» і «маральную перамогу», нічым эмпірычна не падмацаваная. Іншая справа, што гэты палітычны фланг у заходняй акадэміі маргіналізаваўся, і мацней гучаць галасы з намінальнай «левіцы».

Сацыялогія пра нас без нас:
да чаго яна прыводзіць?

Прынцып «нічога пра нас без нас» (nothing about us without us) часцей за ўсё абмяркоўваецца ў сферы абароны правоў і палітычнай

рэпрэзентацыі, значна радзей фігуруючы ў метадалагічных дыскусіях: у акадэміі ён агучваецца пераважна ў фемінісцкіх і этнаграфічных колах. Не ўдаючыся ў маральна-этычны парадак рэпрэзентацыі, тут я б хацеў звярнуць увагу на эфекты, што стварае маргінальнасць беларускіх галасоў у міжнароднай навуковай дыскусіі пра Беларусь.

Не навіна, што публікацыі лакальных даследчыкаў, якія вядуць архіўную, этнаграфічную і публіцыстычную працу ўнутры Беларусі (таксама на рускай і англійскай мовах), цытуюцца мала ў параўнанні з замежнымі працамі пра краіну. І шмат з лакальных публікацый не будзе напісана наагул — перадусім праз рэпрэсіі. Пазбаўлены свабоды сёння лектары і студэнты дзяржаўных універсітэтаў і ўстаноў нефармальнай адукацыі Беларусі, вядомыя філосафы, палітолагі, гісторыкі, а таксама прадстаўнікі і прадстаўніцы іншых дысцыплін.

Са жніўня 2020 года дзясяткам сацыяльных навукоўцаў давалося шукаць працу за мяжой ці нават пакідаць Беларусь. Гэта датычыцца ў тым ліку калектываў дзяржаўных навуковых устаноў. Так, Генадзь Коршунаў быў звольнены з паста дырэктара Інстытута сацыялогіі НАН РБ неўзабаве пасля таго, як у ліпені 2020 года ён выявіў, што ў Мінску падтрымліваюць Лукашэнку каля 24%, у той час як ЦВК давяраюць толькі 11%.

У рэйтыngu акадэмічнай свабоды Беларусь сёння займае адно з апошніх месцаў (Kinzelbach et al, 2021). Няма ўпэўненасці ў тым, што бяспечна нават упамінаць даследнікаў і даследніц, якія застаюцца ў Беларусі і працягваюць там незалежныя штудыі.

У 2020 і 2021 гадах многія беларускія акадэмікі і студэнты аддалі велізарную колькасць часу грамадскім ініцыятывам і прыкладным даследаванням. Да мяне і маіх калег няспынна звярталіся з просьбамі пра інтэрв'ю, удзел у семінарах, рэпартажы для сайтаў навін, а часам — па фатаграфіі з мінскіх вуліц. Не бракавала і запрашэнняў да акадэмічнай публікацыі, але ў Беларусі гэта азначала выбар: з аднаго боку, уключанасць у падзеі, прамое назіранне і інтэнсіўны абмен эмпірыкай; з другога — укладанне часу ў чытанне, тэарэтызацыю і рэдактуру. У выніку многія даследчыкі, што фізічна правялі час у Беларусі, могуць супрацьпаставіць выкладкам з апытанняў і структураваным артыкулам з аглядам літаратуры толькі гранічна эмпірычныя сведчання і нататкі, хаця такая эмпірыка здольна паставіць пэўныя (вышэйшыя па іерархіі) інтэрпрэтацыі пад сумнеў.

Суды дадаецца і дэмагявацыя рэаліямі публікацыйнай практыкі. У «The Independent» публікуецца тэкст Слава Яжжака (Zizek, 2020) пра беларускі пратэст; але не адкрыты адказ на яго з 45 подпісамі навукоўцаў, дзе тлумачыцца, чаму заява Яжжака эмпірычна хібная (Vozyanov, 2020). Большасць экспертных інтэрв'ю па Беларусі праводзіцца са знешнімі назіральнікамі; размоваў з тымі,

хто жыве ў краіне цяпер, у разы менш. Яшчэ менш увагі надаецца калектыўным архівам вуснай гісторыі паліцэйскага гвалту. Ігнаруюцца інтэрв’ю, наратывы, дробныя факусаваныя апытанні ад вышэйпамянёных «23.34», «Голас», «Народный опрос» і г.д. — то бок дадзеныя, створаныя ў Беларусі яе жыхарамі. Новы аб’ект інтарэсу абслугоўваецца няновымі імёнамі.

Да чаго прыводзіць такая сацыялогія «пра нас без нас», у пераважанне якой робяць унёсак і рэжым, і акадэмія, і міжнародныя медыі? Напрыклад, з яе вынікае тое, што ўнутрыбеларускія кансэнсусы застаюцца нібыта спрэчнымі па-за Беларуссю. Сапраўды, у тым, што ў пратэсту няма эканамічнай праграмы, пралукашэнкаўскія каментатары і «прыхільнікі перамен» пагодзяцца між сабой (для першых гэтая адсутнасць стае мішэнню крытыкі; другія лічаць, што перадусім павінны быць вырашаны пытанні гвалту і законнасці). Падобная заўвага тычыцца і ацэнкі ролі гвалту як вырашальнай у дынаміцы пратэсту. Страх гвалту — галоўная прычына няўдзелу ў пратэстах, у тым ліку паводле апытання ZOiS. Мала таго, рэжым не адмаўляе факта сваёй гвалтоўнасці, замест гэтага адбываецца дыскурсіўная праца дзяржаўных СМІ па пераапісанні жорсткасці як праявы прафесійнасці, а не як злачынства сілавікоў. Аднак знешнія каментатары ўсур’ёз ставяць у цэнтр пытанне пра прычыны спынення пратэсту. Глеб Корань, адзін з нямногіх левых каментатараў сітуацыі знутры Беларусі, адзначае, што тыя, хто бачыць сэнс у пратэстах рабочых толькі пры ўмове іх палітычнай арганізаванасці, «не чувствительны к масштабам насилия режима, ведь для них протестующие еще не обладают классовым сознанием, их не жалко» (Корень, 2020). Сумежны прыклад — унутрыбеларускі кансэнсус, што сам беларускі рэжым не ёсць арганізаваным на карысць рабочым (неаліберальныя рэформы перыяду праўлення Лукашэнкі сцісла апісаў Павел Катаржэўскі [Каторжэўскі, 2021]).

Сацыялогія пра нас без нас прыводзіць да знешніх выказванняў, якія для людзей «там, у Беларусі» не маюць рацыі, а выклікаюць у іх пачуццё адарванасці, неразумення і няважнасці для каментатараў. Пакуль тэксты пра Беларусь, апублікаваныя пераважна па-ангельску на паважаных міжнародных платформах, амаль не цытуюцца ў папулярных беларускіх СМІ і з расчараваннем абмяркоўваюцца ў беларускіх сацыяльных сетках як нерэлевантныя — у тым ліку студэнцтвам; і я часцей чытач такой крытыкі, чым яе аўтар. Калі ёсць амбіцыя зацікавіць акадэмічнымі выказваннямі каго-кольвек у самой Беларусі, неабходная супраца паміж мясцовымі і міжнароднымі суб’ектамі вытворчасці ведаў — і куды большая ўвага да неакадэмічных эмпірычных матэрыялаў.

Што спытаць пра Беларусь?

Абмінаючы дыскусію пра тое, што і для каго значыць «параза рэвалюцыі», калі мы і дамовімся лічыць яе відавочнай, гэта мае важныя імплікацыі для вывучэння Беларусі. Неабходна спытаць: а што цяпер трэба аналізаваць? Як рабіць выказванне, якое мае сэнс і пераканальнасць хаця б для нейкага сегмента беларускага грамадства? І што новага належыць сказаць пра свет пасля беларускага жніўня-2020?

Сахнін і Казбек сцвярджалі, што пратэсты не змаглі змяніць рэжым — і гэта няпраўда: хоць змены ў асноўным супярэчаць мэтам пратэсту, яны істотныя і закранаюць беларускае грамадства ў цэлым. Нават фармальна Беларусь змянілася: яна стала значна менш свабоднай краінай (з 11 баламі са 100 у 2021 годзе супраць 19 на пачатку 2020 года ў рэйтынгу глабальнай свабоды Freedom House), менш бяспечнай (Мінск апусціўся з 16-га на 114-е месца ў рэйтынгу гарадоў Numbeo) і больш збыднелай. Колькасць затрыманых перавысіла 35 000 чалавек; колькасць крымінальных спраў супраць іх цяпер складае больш за 3 тысячы. Па стане на канец лістапада 2021 года праваабарончая арганізацыя «Вясна» ўключае ў спіс палітвязняў больш за 880 чалавек. Бесчалавечнае абыходжанне з палітвязнямі стала шырока распаўсюджаным. Беларускі парламент працягвае штампаваць новыя законы, якія абмяжоўваюць свабоду СМІ, пратэстаў, асацыяцый, пашыраюць паўнамоцтвы сілавікоў па ўжыванні агнястрэльнай зброі, узмацняюць крымінальную адказнасць за маўленчыя злачынствы кшталту «дыскрэдытацыі Рэспублікі Беларусь» (Shraibman, 2021). Сюды дадаюцца пытанні пандэміі, інфляцыі, арганізаванага прыезду людзей з Бліжняга Усходу і г. д.

У гэтых умовах для саміх беларусаў і беларусак без адказу застаюцца пытанні аб жыцці пасля таго, як «пратэст не перамог». Што застаецца важным, калі няма закону, выбараў і статыстыкі? Наколькі змяніліся ўяўленні беларускага грамадства пра «якасць жыцця»? Як вызначаюцца межы і правілы маўчання пра рэпрэсіі ў той большасці, што не эмігруе? Што вымушае (або дазваляе) застацца, а што схіляе з'ехаць? Як вызначаюць свае планы розныя пакаленні — абітурыентаў і выпускнікоў, маладых бацькоў, пенсіянераў — і як узаемадзейнічаюць між сабой па гэтых пытаннях? Якія ёсць прыклады эфектыўнага супраціву і эмпайэрменту ў параўнальна рэпрэсіўных рэжымах? Гэтым і іншым пытанням варта надаць увагу, калі аналітыкі хочуць захаваць эмпірычную і экалагічную абгрунтаванасць сваіх даследаванняў Беларусі.

Тут даводзіцца нагадаць — сабе і іншым — пра пазіцыю грамадскіх арганізацый у Беларусі, бо яна адрозніваецца ад пазіцыі такіх у краінах, дзе жыве і працуе абсалютная большасць рэдкалегій міжнародных акадэмічных часопісаў. Рэцэнзіі на раннюю

версію гэтага тэксту наракалі, што ён напісаны з пазіцыі актывісцкай, магчыма, незвычайнай для Заходняй Еўропы пры напісанні навуковага тэксту. Але ці дзіўна ў Беларусі, калі выкладчык ВНУ са ступенню MA або PhD заходнееўрапейскага ўніверсітэта спалучае акадэмічныя даследаванні і ўдзел у мясцовай ініцыятыве? Такі выпадак не выключны і нават не рэдкі: у Беларусі навукоўцы часта з'яўляюцца актывістамі і адукатарамі, а актывісты — даследнікамі-экспертамі, бо іншыя актары яшчэ менш знаёмы з кантэкстам. Пры гэтым нямецкая ступень кандыдата навук у Беларусі не робіць актывіста менш уразлівым, затое для знешніх назіральнікаў памяншае статус выказванняў любога, хто залучаны ў актывізм. Гэта аказваецца асабліва згубным для разумення Беларусі ў вусейных тэматычных сферах — такіх як мабільнасць, экалагічныя паводзіны, паўсядзённае жыццё, адукацыя, медыяспажыванне і г.д., — дзе дадзеным ад нізавых ініцыятыў і НДА практычна няма альтэрнатывы. Аўтаматычнае пазначэнне мясцовых этнаграфічных і нізавых дадзеных як «неаб'ектыўных» азначае адмову ад багатага рэсурсу для разумення лакальных досведаў і сацыяльных працэсаў.

У 2021 годзе працягваюць змяншацца не толькі доступ да інфармацыі і, адпаведна, здольнасць праводзіць навуковыя даследаванні, але і магчымасці распаўсюду даследніцкіх ведаў. СМІ без афіцыйнай акрэдытацыі, па сутнасці, забаронена публікаваць любыя вынікі апытанняў, якія даюць уяўленне аб грамадска-палітычнай сітуацыі ў краіне або рэферэндумах і выбарах; па-за законам нават гіперспасылкі на такія вынікі. «Экалагічным ініцыятывам, урбанистыке, частным адукацыйным праектам, рознымі відамі волонтерства» праўладная газета «Беларусь сёння» прыпісала статус сацыяльных з'яў, што пагражаюць знішчыць Беларусь (2021). У ліпені 2021-га пачаўся працэс ліквідацыі соцень НДА. Блогеры, што праводзілі свае апытанні, абвешчаны «экстрэмістамі». На праваабарончую арганізацыю «Вясна», якая сістэматычна збірае дадзеныя аб затрыманнях і палітвязнях, учыняюцца бесперапынныя напады (з верасня 2020 года каардынатарка валанцёрскай службы «Вясны» Марфа Рабкова знаходзіцца за кратамі).

У той час як міжнародная цікавасць да Беларусі значна ўзрасла з лета 2020 года, даступнасць і надзейнасць эмпірычных дадзеных аб беларускім жыцці рэзка знізіліся. Пакуль адносна свабодны і паўсюдны доступ у інтэрнэт адрознівае Беларусь ад большасці супастаўна рэпрэсіўных рэжымаў, што маюць нізкі ўзровень лічбавізацыі або ізаляюць сваё насельніцтва ад WWW з дапамогай брандмаўэра. Аднак няма гарантый, што беларускі рэжым не пойдзе такім шляхам. Эксперты выказваюць здагадкі, што інтэрнэт можа знікнуць з Беларусі па частках: напрыклад, пачынаючы з адключэння YouTube, Facebook, Instagram і г.д. Пры такім прагнозе

пра будучых ахвяр масавых рэпрэсій ніхто не будзе ведаць. Ужо сёння цэлыя масівы дадзеных пра грамадскую думку ў Беларусі папросту знішчаны, як гэта адбылося з TUT.BY, калі сайт быў заблакаваны, а супрацоўнікі былі затрыманыя. Страта матэрыялаў TUT.BY з публічнага доступу непапраўная ў плане вывучэння беларускага жыцця і грамадскай думкі апошніх гадоў (партал штодня налічваў 2–3 мільёны ўнікальных мясцовых наведвальнікаў у 9,4-мільённай краіне). Гэта ставіць перад намі і выклік новага кшталту – верагодна, мы павінны архіваваць тое, што яшчэ засталася ад беларускага інтэрнэту?

Якая навука дазволена ў Беларусі?

Сукупнасць выклікаў, злучаных з іерархіямі міжнароднай навукі і рэпрэсіямі ў самой Беларусі, вымушае нас задумацца не толькі пра метадалогію, але і пра статус вытворчасці эмпірычных ведаў як такой. Калі нават штосьці высветлена пра сацыяльную рэальнасць Беларусі, то што можа быць сказана пра гэта і кім? Якая сацыяльная навука дазволена ў Беларусі сёння – не ў вузкім сэнсе санкцыянаванасці рэжымам, але ў шырэйшым сэнсе мэтавызначэння і супамернасці паміж рызыкамі даследчага высылку для ўсіх бакоў і сацыяльна значным вынікам? Ці можа гэта быць навука рэпрэзентатыўных выбарак? Навука часопісаў з Scopus? Навука знешніх назіральнікаў (якімі стаюць усё больш з нас)? І калі не, то як рабіць інакшыю?

Гэта не першы раз у маёй практыцы, калі даводзіцца думаць пра дыстанцыйную этнаграфію. У 2014-м я быў вымушаны прыпыніць паездкі на Данбас, дзе вывучаў мабільнасць пажылых і нізавы трамвайна-тралейбусны актывізм, – мая тагачасная інстытуцыя палічыла гэта надта небяспечным. Пры гэтым рэфлексія патрабуюць рызык як для даследнікаў, так і для ўдзельнікаў даследавання.

Кожны дзень у Мінску-2021 можа быць поўны інсайтаў – напрыклад, у тым, што тычыцца трансфармацыі вольнага часу, спажывання, эмацыйнага жыцця, камунікацыі ў час пандэміі, пра-тэсту, рэпрэсій, прыезду іншаземцаў і г. д. Але большасць з пачутага ў размовах на вуліцы ці са знаёмымі дакладна не можа ўпамінацца ў тэкстах, бо знаходзіцца далёка па-за стандартамі даследніцкай этыкі. Расказанае застанеца ў сакрэце, бо расказана сябру, а не антрапологу. Ці можа антраполог у такіх умовах прасіць пра нешта пад назвай «інтэрв’ю»?

Гэтыя абставіны, здаецца, выракаюць нас на этнаграфічнае маўчанне. Усё часцей у нас узнікае немагчымасць нават даць спасылку (то з меркаванняў бяспекі, то праз пытанні палітыкі цытавання: ці можна спаслацца на артыкул чалавека, які ў складзе камісіі прызнаў матэрыялы ключавага беларускага медыя

экстрэмісцкімі?). З Беларуссю многія аказваюцца эпістэмічнымі закладнікамі: перабыванне ў краіне дае доступ да дробных дэталю сацыяльнага жыцця, але і радыкальна змяняе магчымасці казаць пра іх публічна. Тым каштоўней аказваецца тое нямногае і, здавалася б, другаснае, што мы можам пачуць з Беларусі і пра Беларусь.

Этнаграфічнае маўчанне — вынік не толькі небяспекі і недаступнасці поля, але і інерцыі, стомы ад немагчымасці паводзіцца з полем так, як патрабуюць высокія акадэмічныя стандарты. Уцёкі ад этнаграфічнага маўчання — гэта няспынны пошук спосабаў не проста даведацца, але і сказаць хоць штосьці з таго, што мы ведаем. Гэта можа азначаць раней не знаёмыя большасці навукоўцаў патрэбы: самаадукацыю ў кібербяспецы, абмежаванне часу на ўдзел у некаторых акадэмічных актыўнасцях, максімальную дэцэнтралізацыю высілкаў дзеля захавання парэшткаў этнаграфічнай паліфаніі. Верагодна, на пэўны час як этнографы і сацыёлагі мы вырачаны на таропкія нарысы, на псеўданімы, на інтэрв'ю з ананімамі, на тое, каб «весці дзённікі» (Budzma.by, 2020), на посты ў Фэйсбук «для фрэндаў» (хоць колькасці праглядаў у многіх навуковых публікацый пра Беларусь параўнальныя з папулярнасцю Фэйсбук-постаў). Гэта нават можа азначаць, што ўсе ў нейкай ступені вымушаны стаць сацыёлагамі, інтэрв'юерамі і полстэрамі, набыць элементарныя навыкі дэдукцыі ва ўмовах эпістэمالагічнай блакады.

Канцэптуальная праца з беларускім кантэкстам, тым не менш, абячае быць захапляльнай. Тут большай увагі заслугоўвае літаратура пра (вялізарны) свет па-за «Еўропай», з якой Беларусь аказалася так рашуча выключана. Калі ў рэйтынгу Freedom House Беларусь знаходзіцца паміж Палесцінай і Узбекістанам, то, мабыць, змяшчэнне яе ў шырэйшы кантэкст дапаможа лепей зразумець і апісаць, як у адной штодзённасці поўны іншадумства Інстаграм, мінскія рэйвы і магчымасць зляцець прэч ужываюцца з галадоўкамі катаваных палітвязняў на Акрэсціна і настаўнікамі-ідэолагамі ў сярэдняй школе. Верагодна, замест звычайнай канстатацыі «адсталасці» ад еўрапейскіх краін, беларускі кейс мусіць асэнсоўвацца як авангард трывожнага аўтарытарнага зруху, і менавіта тут павінны выпрацоўвацца спосабы яму працівіцца. Нарэшце, калі ў пэўны момант сацыяльная навука здольная распавесці пра Беларусь няшмат, то беларускі кейс можа расказаць нямала пра саму сацыяльную навуку — ейную трываласць, здольнасць адказваць на выклікі і ставіць пытанні з нулявай па-за ўласным полем вартасцю.

Літаратура

- Александров, А., Бастунец, А. (2020) Медиа в Беларуси 2020. Рынок, законы и информационная безопасность. [онлайн] Беларуская асацыяцыя журналістаў. Доступ по: https://baj.by/sites/default/files/event/files/2020/report_media2020_rus.pdf [Просмотрено 7 декабря 2021].
- Беларусь сегодня (2021) Как растили мятежное поколение. [онлайн] Sb.by. Доступ по: <https://www.sb.by/articles/seyateli-ulichnykh-poley.html> [Просмотрено 7 декабря 2021].
- Возьянов, А. (2020) Не трактором единым. Як білорусі борюцца з коронавірусом, а свет помічае ліше Лукашэнка. [онлайн] Спільне. Доступ по: <https://commons.com.ua/uk/yak-bilorusi-boryutsya-z-koronavirussom-svit-pomichaye-lishe-lukashenka/> [Просмотрено 7 декабря 2021].
- Казбек, К., Сахнін, О. (2021) Восстание, которое провалилось. [онлайн] Ліва. Доступ по: <https://liva.com.ua/vosstanie-kotoroe-provalilos.html> [Просмотрено 7 декабря 2021].
- Каторжевский, П. (2021) Осколки августа. Как белорусам снова стать «невероятными». [онлайн] Заново. Доступ по: <https://zanovo.media/ha-beas-corpus/oskolki-avgusta> [Просмотрено 7 декабря 2021].
- Колесников, А. (2020) Почему рабочие не поддержали «цветную революцию» в Беларуси? [онлайн]. Рабочий университет им. И.Б. Хлебникова. Доступ по: <https://prometej.info/pochemu-rabochie-ne-podderzhali-cvetnyuyu-revolyuciyu-v-belarusi/> [Просмотрено 7 декабря 2021].
- Корень, Г. (2020) Кривое зеркало белорусского протеста. [онлайн] September. Доступ по: <http://september.media/archives/3469> [Просмотрено 7 декабря 2021].
- Лебедева, Е. (2020) «Право на город» и практики городского участия. [онлайн] Доступ по: <https://drive.google.com/file/d/1qMrhDvvt9Ktg-q0ij0-8-73zd03ywRlZE/view> [Просмотрено 7 декабря 2021].
- Льюис, С. (2020) «Партизанская республика»: колониальные мифы и война за память в Беларуси (пер. с англ. Галины Бесединой). Новое литературное обозрение. 166 (6). Доступ по: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/166_nlo_6_2020/article/22957/ [Просмотрено 7 декабря 2021].
- Нацыянальная акадэмія навук Беларусі (2021) Навуковыя даследаванні і навукова-тэхнічная дзейнасць. Доступ па: <https://nasb.gov.by/bel/activity/issledovaniya/> [Прагледжана 7 снежня 2021].
- Сивцова, А., Карпеко, А. (2020) Письмо из Минска: тихое безумие против коронапсихоза. [онлайн] Батенька, да вы же трансформер. Доступ по: <https://batenka.ru/unity/letter-from-minsk/> [Просмотрено 7 декабря 2021].
- Шелест, О. (2021) Локальные телеграм-группы (чаты) в ноябре-декабре 2020 года: изменения в повестке и региональные отличия. [онлайн] Центр европейской трансформации. Доступ по: <https://cet.eurobelarus.info/ru/library/publication/2021/01/14/lokal-nye-telegram-gruppy-chaty-v-noyabre-dekabre-2020-goda.html> [Просмотрено 7 декабря 2021].
- Шелест, О., Егоров, А., Смоляноко, О. (2018) Гражданское общество Беларуси: актуальное состояние и условия развития (2015–2017). [онлайн] Центр европейской трансформации. Доступ по: <https://cet.eurobelarus.info/>

- ru/library/publication/2018/10/11/grazhdanskoe-obschestvo-belarusi-aktual-noe-sostoyanie-i-1810110900.html [Просмотрено 7 декабря 2021].
- Халип, И. (2020) Ябатьки. Основные признаки российского присутствия в Беларуси//Новая Газета. №91. 24 августа 2020. Доступ по: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/08/22/86782-yabatki> [Просмотрено 7 декабря 2021].
- Budzma.by (2020) Письменнік Саша Філіпенка...[онлайн]. Доступ па: <https://budzma.org/news/traumu-2020.html> [Прагледжана 7 снежня 2021].
- Douglas, N., Elsner, R., Krawatzek, F., Langbein, J., Sasse, G. (2021) Belarus at a crossroads: attitudes on social and political change. [online] *Zentrum für Osteuropa- und Internationale Studien (ZOiS)*, Report 3/2021. Available from: https://www.zois-berlin.de/fileadmin/media/Dateien/3-Publikationen/ZOiS_Reports/2021/ZOiS_Report_3_2021.pdf [Accessed 6 December 2021].
- Haraway, D. (1988). Situated knowledges: The science question in feminism and the privilege of partial perspective. *Feminist studies*. 14(3), 575–599.
- Harris, C., & Wise, M. (1998). Grassroots sociology and the future of the discipline. *The American Sociologist*, 29(4), 29–47.
- Kinzelbach, K., Saliba, I., Spannagel, J., & Quinn, R. (2020). Free universities: Putting the academic freedom index into action – Report March 2021. [online] *Berlin: Global Public Policy Institute*. Available from: https://ei-website.blob.core.windows.net/uploads/20210413_075622_KinzelbachEtAl_2021_Free_Universities_AFi-2020.pdf?sv=2019-10-10&ss=b&srt=o&sp=rdx&se=2030-05-26T22:00:00Z&st=2020-05-26T14:11:47Z&spr=https,http&sig=fqlBEId9cO6/PzqL9OFD54Ufvt33KDBvH/hM-9wslvLA%3D [Accessed 7 December 2021].
- Korosteleva, E. A. (2016). The European Union and Belarus: democracy promotion by technocratic means? *Democratization*. 23(4), 678–698.
- Motolko, A. (2021) Социологическое исследование. [онлайн] Доступ по: https://public.tableau.com/app/profile/anton.motolko/viz/C_16129805381080/sheet0 [Просмотрено 7 декабря 2021].
- Sackmann, R. (2016) Democracy, Totalitarianism, and Dead Ends in Sociology. *Serendipities*. 2, 158–177.
- Sakhnin, A. (2021) The Opposition Business. [online] *New Left Review*. Available from: <https://newleftreview.org/sidecar/posts/the-opposition-business> [Accessed 7 December 2021].
- Sakhnin, A., Kazbek, K. (2021) Why the Uprising in Belarus Failed. [online] *Jacobin*. Available from: <https://jacobinmag.com/2021/02/belarus-protest-uprising-failure-lukashenko> [Accessed 6 December 2021].
- SATIO (2020) Как жители Беларуси реагируют на коронавирус. [онлайн] Доступ по: https://drive.google.com/file/d/15G8ag1bZlfwwg_M8VXhv_FldcPb8vl6x/view [Просмотрено 7 декабря 2021].
- Shchytsova, T. (2021) По случаю 100-летия Alma Mater [Facebook]. Доступ по: <https://www.facebook.com/tatiana.shchytsova.5/posts/4663366353724396> [Просмотрено 7 декабря 2021].
- Shelest, A. (2013) Does public opinion exist in Belarus? [online] *Index on Censorship*. Available from: <https://www.indexoncensorship.org/2013/11/public-opinion-exist-belarus/> [Accessed 6 December 2021].
- Shraibman, A. (2021) Belarus: Revolution Suppressed or Postponed? [online] *Zentrum Liberale Moderne*. Available from:

- <https://libmod.de/en/belarus-revolution-suppressed-or-postponed-shraibman1/> [Accessed 6 December 2021].
- Titarenko, L., Zdravomyslova, E. (2017) *Sociology in Russia: A brief history*. Springer.
- Vozyanov, A. (2020) [This is an open letter... [Facebook] Available from: <https://www.facebook.com/andrey.vozyanov/posts/3227943123927058> [Accessed 6 December 2021].
- Vozyanov, A. (2021) Grassroots Sociology, Data Hierarchies, and the Challenges of Posing Relevant Questions in and About Belarus. [online] *Status Platform* <http://statusproject.net/grassroots-sociology/> [Accessed 6 December 2021].
- Zizek, S. (2020) Belarus's problems won't vanish when Lukashenko goes – victory for democracy also comes at a price. [online] *The Independent*, 24 August, 2020. Available from: <https://www.independent.co.uk/voices/belarus-election-lukashenko-minsk-protests-democracy-freedom-coronavirus-a9685816.html> [Accessed 6 December 2021].

References

- Aleksandrov, A., Bastunets, A. (2020) Media v Belarusi 2020. Rynok, zakony i informatsionnaya bezopasnost' [Media in Belarus 2020. Market, Laws and Information Security]. [online] *Bielaruskaja asacyjacyja žurnalistaŭ*. Available from: https://baj.by/sites/default/files/event/files/2020/report_media2020_rus.pdf [Accessed 6 December 2021].
- Belarus today (2021) Kak rastili myatezhnoye pokoleniye [How the rebellious generation was raised]. [online] *Sb.by*. Available from: <https://www.sb.by/articles/seyateli-ulichnykh-poley.html> [Accessed 7 December 2021].
- Budzma.by (2020) Pišmiennik Saša Filipienka... [Writer Sasha Filipienka...]. [online] Available from: <https://budzma.org/news/traumy-2020.html> [Accessed 7 December 2021].
- Douglas, N., Elsner, R., Krawatzek, F., Langbein, J., Sasse, G. (2021) Belarus at a crossroads: attitudes on social and political change. [online] *Zentrum für Osteuropa- und Internationale Studien (ZOiS)*, Report 3/2021. Available from: https://www.zois-berlin.de/fileadmin/media/Dateien/3-Publikationen/ZOiS_Reports/2021/ZOiS_Report_3_2021.pdf [Accessed 6 December 2021].
- Haraway, D. (1988). Situated knowledges: The science question in feminism and the privilege of partial perspective. *Feminist studies*. 14(3), 575-599.
- Harris, C., & Wise, M. (1998). Grassroots sociology and the future of the discipline. *The American Sociologist*, 29(4), 29-47.
- Kazbek, K., Sakhnin, O. (2021) An uprising that failed [Vosstaniye, kotoroye provalilos']. [online] *Liva*. Available from: <https://liva.com.ua/vosstanie-kotoroe-provalilos.html> [Accessed 7 December 2021].
- Katorzhhevskiy, P. (2021) Oskolki avgusta. Kak belorusam snova stat' «neveroyatnymi» [Pieces of August. How can Belarusians become “incredible” again]. [online] *Zanovo*. Available from: <https://zanovo.media/habeas-corpus/oskolki-avgusta> [Accessed 7 December 2021].
- Khalip, I. (2020) Yabat'ki. Osnovnyye priznaki rossiyskogo prisutstviya v Belarusi [Yabat'ki. The main signs of the Russian presence in Belarus]. [online]

- Novaya Gazeta 91. 24 August 2020. Available from: <https://novyagazeta.ru/articles/2020/08/22/86782-yabatki> [Accessed 7 December 2021].
- Kolesnikov, A. (2020) Pochemu rabochiye ne podderzhali «tsvetnyuyu revolyutsiyu» v Belarusi? [Why did the workers not support the “color revolution” in Belarus?]. [online] *Rabochiy universitet im. I.B. Khlebnikova*. Available from: <https://prometej.info/pochemu-rabochie-ne-podderzhali-cvetnyuyu-revolyutsiyu-v-belarusi/> [Accessed 7 December 2021].
- Koren', G. (2020) Krivoye zerkalo belorusskogo protesta [A crooked mirror of the Belarusian protest]. [online] *September*. Available from: <http://september.media/archives/3469> [Accessed 7 December 2021].
- Kinzelbach, K., Saliba, I., Spannagel, J., & Quinn, R. (2020). Free universities: Putting the academic freedom index into action – Report March 2021. [online] Berlin: Global Public Policy Institute. Available from: https://eiwebsite.blob.core.windows.net/uploads/20210413_075622_KinzelbachEtAl_2021_Free_Universities_AFi-2020.pdf?sv=2019-10-10&ss=b&srt=o&sp=rdx&se=2030-05-26T22:00:00Z&st=2020-05-26T14:11:47Z&spr=https,http&sig=fq1BEId9cO6/PzqL9OFD54Ufvt33KDBvH/hM9wsvLA%3D [Accessed 7 December 2021].
- Korosteleva, E. A. (2016). The European Union and Belarus: democracy promotion by technocratic means?. *Democratization*. 23(4), 678-698.
- Lebedeva, E. (2020) «Pravo na gorod» i praktiki gorodskogo uchastiya [“The Right to the City” and Practices of Urban Participation]. [online] Available from: <https://drive.google.com/file/d/1qMrhDvvt9Ktqg0ij0-8-73zd03y-wRIZE/view> [Accessed 7 December 2021].
- Lewis, S. (2020) «Partizanskaya respublika»: kolonial'nyye mify i vojna za pamyat' v Belarusi. *Novoye literaturnoye obozreniye* 166 (6). Available from: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/166_nlo_6_2020/article/22957/ [Accessed 7 December 2021]. Translated from English by Galina Besedina. Original: Lewis, S. (2017). The “Partisan Republic”: Colonial Myths and Memory Wars in Belarus. In *War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus* (Fedor, J., Kangaspuro, M. Laszila, J., Zhurzhenko, T.), pp. 371-396. Palgrave Macmillan, Cham.
- Motolko, A. (2021) Sotsiologicheskoye issledovaniye [Sociological study]. [online] Available from: https://public.tableau.com/app/profile/anton.motolko/viz/C_16129805381080/sheet0 [Accessed 7 December 2021].
- Nacyjanalnaja akademija navuk Bielarusi (2021) Navukovyja dasliedavanni i navukova-technichnaja dziejnasac [Research and scientific and technical activities]. Available from: <https://nasb.gov.by/bel/activity/issledovaniya/> [Accessed 7 December 2021].
- Sackmann, R. (2016) Democracy, Totalitarianism, and Dead Ends in Sociology. *Serendipities*. 2, 158-177).
- Sakhnin, A. (2021) The Opposition Business. [online] *New Left Review*. Available from: <https://newleftreview.org/sidecar/posts/the-opposition-business> [Accessed 7 December 2021].
- Sakhnin, A., Kazbek, K. (2021) Why the Uprising in Belarus Failed. [online] *Jacobin*. Available from: <https://jacobinmag.com/2021/02/belarus-protest-uprising-failure-lukashenko> [Accessed 6 December 2021].
- SATIO (2020) Kak zhiteli Belarusi reagiruyut na koronavirus [How Belarusians react to coronavirus]. [online] Available from: https://drive.google.com/file/d/15G8ag1bZlffwgg_M8VXhv_FldcPb8vl6x/view [Accessed 7 December 2021].

- Shchytsova, T. (2021) Po sluchayu 100-letiya Alma Mater [On the occasion of the 100th anniversary of Alma Mater]. [Facebook]. Available from: <https://www.facebook.com/tatiana.shchytsova.5/posts/4663366353724396> [Accessed 7 December 2021].
- Shelest, A. (2013) Does public opinion exist in Belarus? [online] *Index on Censorship*. Available from: <https://www.indexoncensorship.org/2013/11/public-opinion-exist-belarus/> [Accessed 6 December 2021].
- Shelest, O. (2021) Lokal'nyye telegram-gruppy (chaty) v noyabre-dekabre 2020 goda: izmeneniya v povestke i regional'nyye otlichiya [Local Telegram groups (chats) in November-December 2020: changes in the agenda and regional differences]. [online] *Center for European Transformation*. Available from: <https://cet.eurobelarus.info/ru/library/publication/2021/01/14/lokal-nye-telegram-gruppy-chaty-v-noyabre-dekabre-2020-goda.html> [Accessed 7 December 2021].
- Shelest, O., Egorov, A., Smolyanko, O. (2018) Grazhdanskoye obshchestvo Belarusi: aktual'noye sostoyaniye i usloviya razvitiya [Civil society in Belarus: current state and conditions for development] (2015-2017). [online] *Center for European Transformation*. Available from: <https://cet.eurobelarus.info/ru/library/publication/2018/10/11/grazhdanskoe-obschestvo-belarusi-aktual-noe-sostoyanie-i-1810110900.html> [Accessed 7 December 2021].
- Shraibman, A. (2021) Belarus: Revolution Suppressed or Postponed? [online] *Zentrum Liberale Moderne*. Available from: <https://libmod.de/en/belarus-revolution-suppressed-or-postponed-shraibman1/> [Accessed 6 December 2021].
- Sivtsova, A., Karpeko, A. (2020) Pis'mo iz Minska: tikhoye bezumiye protiv koronapsikhoza [Letter from Minsk: Quiet Madness Against Coronopsychosis]. [online] *Baten'ka, da vy zhe transformer*. Available from: <https://batenka.ru/unity/letter-from-minsk/> [Accessed 7 December 2021].
- Titarenko, L., and Zdravomyslova, E. (2017). *Sociology in Russia: A brief history*. Springer.
- Vozyanov, A. (2020) [This is an open letter... [Facebook] Available from: <https://www.facebook.com/andrey.vozyanov/posts/3227943123927058> [Accessed 6 December 2021].
- Vozyanov, A. (2021) Grassroots Sociology, Data Hierarchies, and the Challenges of Posing Relevant Questions in and About Belarus. [online] *Status Platform* <http://statusproject.net/grassroots-sociology/> [Accessed 6 December 2021].
- Voz'yanov, A. (2020) Ne traktorom yedynym. Yak bilorusy boryut'sya z koronavirusom, a svit pomichaye lyshe Lukashenka [Not the only tractor. How Belarusians are fighting the coronavirus, and the world only notices Lukashenka]. [online] *Spilne*. Available from: <https://commons.com.ua/uk/yak-bilorusi-boryutsya-z-koronavirusom-svit-pomichaye-lishe-lukashenka/> [Accessed 7 December 2021].
- Zizek, S. (2020) Belarus's problems won't vanish when Lukashenko goes – victory for democracy also comes at a price. [online] *The Independent*, 24 August, 2020. Available from: <https://www.independent.co.uk/voices/belarus-election-lukashenko-minsk-protests-democracy-freedom-coronavirus-a9685816.html> [Accessed 6 December 2021].

КОММУНИКАТИВНЫЙ ДИЗАЙН ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ В СУБКУЛЬТУРЕ ПРОТЕСТА

Александр Сарна

COMMUNICATIVE DESIGN OF THE URBAN ENVIRONMENT
IN THE PROTEST SUBCULTURE

© Aleksandr Sarna

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Department
of Social Communication, Belarusian State University
Kaŭvaryjskaja str. 9, Minsk, Belarus 220004

ORCID ID: 0000-0001-5701-7573

E-mail: alsar.08@gmail.com

Abstract: The article analyzes the communicative practices of citizens, carried out in the public space of Minsk and transforming the urban environment by working with small architectural forms and contributing to both the creative self-realization of local residents and the formation of local urban communities. Through the narrative and intertext analysis, communication strategies such as palimpsest and intertext are identified as contributing to self-organization, identification, nominalization, symbolization and mobilization of these communities. Based on the material of announcements, leaflets, posters and alternative press (in the format of telegram channels and printed materials), the role of communicative design tools as a means of marking the territory and interacting with various social actors is shown.

The use of these technologies contributes to the actualization of ideas about the historical past of urban places (such as the military town of Masyukovshchina in Minsk) in the memory of local residents, informing, enlightening and mobilizing them to form their local identity within the framework of narratives of memory and protest as an unofficial historical policy pursued by the civil activists regardless of the position and actions of the city authorities. The analysis of these cases and situations reveals the peculiarities of the implementation of the historical “policy of

memory” and the preservation of the historical heritage of the Great Patriotic War in the public space of Minsk, indicating the possibilities of more or less active public participation in resolving conflicts and interfering with the situation at the local level.

Key words: urban environment; communicative design; civic activism; urban communities; social protest.

1. Линии повествования: нарративы памяти и протеста

Устройство публичной сферы современного города предполагает возможность реализации представлений о справедливом общественном устройстве, правах и свободах человека, диалоге между различными социальными группами, которые выступают на социальной сцене как достаточно автономные и инициативные публики и контрпублики, стремящиеся к реализации своих целей и достижению собственных интересов. Столкновение и поляризация конкретных тактик и стратегий, которые исходят от данных социальных субъектов, приводит к возникновению гетерогенных политических практик, регуляция которых не всегда может осуществляться успешно с помощью имеющихся государственных институтов. В такой ситуации на сцену выходят общественные организации и гражданские инициативы, которые и стремятся достичь согласования столь разных, порой взаимоисключающих позиций (Публичная сфера: теория, методология, кейс стади, 2013).

В общественной сфере каждого города или региона можно выделить политических акторов, которые, не являясь представителями органов власти и не обладая их полномочиями, тем не менее оказывают заметное влияние на то, какие проблемы и как здесь решаются или замалчиваются. В первую очередь речь идет не столько о роли бизнеса, сколько о разных формах общественного участия, где на уровне организованных групп действуют негосударственные организации (НГО) и общественные движения разной степени институционализации. Российские исследователи Е. Белокурова и Д. Воробьев включают в них следующие объединения:

1. Традиционные общественные некоммерческие организации, способствующие реализации социальной политики на локальном уровне зачастую еще с советских времен (советы ветеранов, общества инвалидов, подростковые клубы и т. д.).

2. Экспертные негосударственные организации, как правило, возникшие в 1990-е годы, обладающие высоким уровнем профессионализации и имеющие богатый опыт социальной экспертизы.

Обычно они официально зарегистрированы и включены в республиканские и международные сети (правозащитные организации, экологические центры и др.).

3. Стихийные проблемно-ориентированные инициативы, возникающие при появлении угроз, значимых для населения в целом и/или для отдельных социальных групп. Как правило, это временные объединения граждан, которые вынуждены выступать в защиту своих прав, поскольку госструктуры в этом не заинтересованы (Белокурова, Воробьев, 2010).

В современных городах общественное участие иногда проявляется и в так называемой проблематизации, которая может сопутствовать любой стадии принятия решений и осуществляться не только через институциональные механизмы, но и через протестные действия (а в ряде случаев происходит и совмещение этих сценариев). Протесты состоят из организованных усилий и действий, основанных на категорических требованиях решения вопросов и проблем, которые были проигнорированы и отброшены, однако влияют на общественные настроения, принятие и исполнение законов для того, чтобы восстановить справедливость. На постсоветском пространстве типичными примерами такой проблематизации выступают массовые протесты, возникающие по поводу различных градостроительных и инвестиционных проектов. «Подавляющее большинство местных протестных инициатив выносит на повестку жилищные вопросы и проблемы охраны городской и природной среды. Речь идет о движениях против “уплотнительной застройки”, вырубки скверов и парков, выселения жителей из аварийного и ветхого жилого фонда, роста тарифов на жилищно-коммунальные услуги или, наоборот, — в защиту прав обманутых дольщиков» (Белокурова, Воробьев, 2010).

В контексте проблематизации политических решений на местном уровне следует различать протесты спонтанно возникающих объединений местных жителей и коллективные действия официально зарегистрированных организаций, поскольку у них разные возможности и ресурсы для реализации своих намерений. Как правило, местные жители вовлекаются в конфликтное противостояние лишь в тех случаях, когда напрямую затрагиваются их интересы, и приобретают опыт политического участия непосредственно в ходе протестных действий. Они могут защищать свой двор от застройки, предлагая построить новое здание или опасное предприятие где-нибудь в другом месте, и выдвигают свои претензии в рамках тактики, получившей название NIMBY (not in my backyard — «только не в моем дворе»).

Такие ситуации показывают, что «локальные протестные инициативы, их возникновение и эволюция связаны не только с политическими возможностями, но и с внутренней логикой развития общественных движений. Протесты преимущественно возникают

там, где не работают механизмы общественного участия в выработке политического курса, из-за чего в рамках локальных режимов принимаются решения, ущемляющие права и интересы тех или иных социальных групп» (Белокурова, Воробьев, 2010). При этом важную роль внутренней организации в движениях протеста играют их лидеры, которые уже участвовали в подобных акциях или судебных разбирательствах и способны возглавить инициативную группу, опираясь на свой опыт. Они также могут стимулировать поддержку своих действий со стороны НГО и различных политиков, что может радикализировать или, напротив, смягчить развитие конфликта, привести к его разрешению в институциональных рамках.

Чтобы предотвратить развитие негативных сценариев и их радикализацию в локальных протестах, необходимо добиться смещения акцента в социальной политике на «инклюзивное» управление публичной сферой. Ориентиром может стать переход от управления к участию, когда государством при содействии населения должны реализовываться такие практики, которые стимулируют гражданскую инициативу «снизу» — партиципация, кооперация и коммуникация между стейкхолдерами. Однако ситуация осложняется тем, что возможность установления партнерских отношений между политико-административными элитами и негосударственными акторами затруднена ввиду слабости либерально-демократических традиций и институтов гражданского общества, отсутствия независимой правоохранительной и судебной системы, расширения бюрократического контроля и сужения сферы публичной политики. В итоге гражданская активность, особенно у молодежи, смещается «в плоскость более или менее приватной повседневной гражданственности и эмоционально окрашенного патриотизма. Повседневная гражданственность — это гражданственность малых дел. Имеется в виду, что [человек действует], во-первых, в контексте своей группы, которой он доверяет и которая разделяет его ценности и идеи, а во-вторых, исключительно в той мере, в которой он может что-то изменить. Государственная же политика воспринимается как нечто чуждое и далекое: то, в чем ему нет места, потому что нельзя ни на что повлиять» (Взятьшева, 2018).

Примером подобной формы гражданского активизма, проявляемого как «повседневная гражданственность», становится деятельность местных жителей, гражданских активистов и локальных сообществ в одном из микрорайонов Минска — военном городке Масюковщина. Их усилиями создаются собственные независимые СМИ (новые медиа в формате телеграм-каналов), а также печатные материалы, претендующие на роль тактических медиа (объявления, брошюры, листовки и проч.), где распространяются важные для района сведения о планируемых или происходящих

событиях, акциях, формах взаимодействия участников. Пожалуй, самым значимым из них является издание «Вестник Масюковщины» (печатная версия новостного канала в телеграме (https://t.me/masyuki_news), которое начало выходить в свет с апреля 2020 г. В нем осуществляется регулярная публикация материалов, связанных с протестной активностью гражданского общества в Беларуси после президентских выборов 2020 г., а также с реконструкцией исторического наследия микрорайона и сохранением памяти о прошлом. Сквозными темами из номера в номер, структурообразующими для локального нарратива в плане производства контента, являются история военного городка Масюковщина и концлагеря Stalag 352, существовавшего на данной территории в годы Второй мировой войны. Так, уже в первом номере «Вестника» появилась рубрика «История Масюковщины», открыла которую небольшая заметка о том, что военная часть в Масюковщине начала строиться еще с 1930-х гг. и в итоге был создан военный городок на 50 гектаров с жилой, административно-хозяйственной, складской зонами, парковкой и полигоном. До 1939 г. городок занимала кавалерийская часть, а затем — 355-й стрелковый полк 100-й ордена Ленина стрелковой дивизии, успешно оборонявшей Минск в 1941 г., за что ей было присвоено наименование гвардейской (История Масюковщины, 2021a).

С началом оккупации на месте военного городка создается концлагерь для военнопленных, и так начинается печально известная страница истории Масюковщины, которой посвящена большая часть материалов, опубликованных на страницах «Вестника». Со второго номера рубрика «История Масюковщины» начинает освещать эту часть военной истории, когда появляется материал, приуроченный к 11 апреля — Международному дню освобождения узников фашистских концлагерей. В связи с этим авторы заметки отмечают, что изначально в Масюковщине размещался концлагерь Dulag 126 и лишь в августе-сентябре 1941 г. территория перешла к Stalag 352, который стал самым большим лагерем для военнопленных и имел 80 филиалов на оккупированных территориях Беларуси. Его основную часть составлял так называемый Лесной лагерь, который с июля 1941 по июль 1944 г. находился на территории военного городка около деревни Масюковщина вдоль железной дороги Минск — Молодечно (История Масюковщины, 2021б). В дальнейшем авторы материалов приоткрывали все больше подробностей об устройстве лагерной жизни. Так, в третьем материале рубрики указывалось, что в период с 1941 по 1942 г. в лагере находилось до 140 тысяч пленных, хотя территория городка была рассчитана всего на 6 тысяч человек. Зимой смертность достигла чудовищных масштабов — каждое утро из барачков выносили 100-150 трупов, которые сваливали в общую кучу. В дальнейших материалах рубрики рассказывалось об условиях

содержания военнопленных на территории концлагеря, когда голод, страшная скученность, антисанитарное состояние и жестокое обращение охраны приводили военнопленных к истощению и тяжким заболеваниям (История Масюковщины, 2021в).

Начиная с номера 9 «Вестника Масюковщины» в данной рубрике стали публиковаться материалы, посвященные описанию одного дня из жизни военнопленных лагеря Stalag 352. Историко-графической и фактологической основой построения нарратива памяти выступили материалы, собранные группой историков и «неравнодушных граждан», которые, по словам авторов, проделали большую работу над созданием проекта «Цветы для Сенькина» (<https://stalag352story.by/>). Они опирались на сведения, которые сохранились в лазарете лагеря — лазаретная книга с историями болезни позволила восстановить имена около 9 тысяч узников. Эти данные использовал историк С. П. Злобин в своей книге «Пропавшие без вести», где приводятся воспоминания Г. А. Воронова, бывшего узника Stalag. Немногие сведения можно было подчерпнуть из остатков надписей, сделанных прямо на балках казармы, которая, к сожалению, была снесена, а ее остатки вывезли на свалку — и лишь часть удалось сохранить стараниями поисковой группы. Тем самым вплоть до номера 21 на страницах «Вестника Масюковщины» продолжали публиковаться материалы о подробностях жизни военнопленных в концлагере, а в номере 23 проводились параллели с реальностью современной жизни в Беларуси, когда хроника текущих арестов и репрессий в отношении политзаключенных преподносилась под заголовком «Людей до сих пор продолжают пытаться» в сопровождении фотографии заключенных концлагеря за колючей проволокой (Людей до сих пор продолжают пытаться, 2021). Тем самым нарратив памяти на страницах издания включался в нарратив политического протеста за счет отождествления жертв фашистской оккупации с жертвами гражданского сопротивления в современной Беларуси.

Одной из важнейших тем, регулярно поднимаемой на страницах издания, является строительство на территории городка трассы в границах бывшей застройки лагеря для военнопленных. Впервые эта тема прозвучала в номере 6 за 9 мая 2020 г., в статье «Трасса у нас под окнами», где в сопровождении фрагмента карты городка представлены сведения о том, что «на территории бывшего военного городка собираются проложить четырехполосную дорогу. Работы по подготовке строительства уже начаты» (Трасса у нас под окнами, 2021а). Далее приводится ряд примеров того, что строительство планируют начать уже в ближайшее время и делается попытка прогноза, чем это может обернуться для жителей Масюковщины. Материал заканчивается призывом к совместному поиску решения данной проблемы и просьбой связаться с редакцией.

Эта же тема нашла свое продолжение в номере 9, где была опубликована заметка «Застройка Масюковщины: проходной двор». Здесь представлены свежие новости о планах властей по застройке территории, которые удалось получить инициативной группе жителей городка. Выяснилось, что по четырехполосной дороге (проектируемая улица № 1) планируется открыть движение троллейбусов и автобусов и соответствующую остановку транспорта, на углу территории бывшего концлагеря планируется построить большой торговый центр, а также проложить еще одну улицу вдоль ряда домов в глубине территории военного городка. Анонсируется и проведение общественного обсуждения по застройке участка в начале июня, по результатам которого план в соответствии с требованиями жителей может быть доработан и утвержден. В конце заметки авторы призывают быть внимательными и не пропустить момент объявления назначенной даты для общественного обсуждения (Застройка Масюковщины: проходной двор, 2021). Тему продолжили в номере 13 «Вестника Масюковщины», где опубликована заметка «Застройка Масюковщины», в которой сообщается, что двум проектируемым улицам в рамках микрорайона хотят дать названия в честь Владислава Голубка (проектируемой улице № 1) и Всеволода Игнатовского (улице № 3) как продолжение уже существующих улиц в данном районе города. Сообщается, что управление культуры Мингорисполкома принимает мнения жителей города по предложенным наименованиям в течение двух недель после публикации (Застройка Масюковщины, 2021).

В номере 20 данная тема снова появляется, причем в первоначальном варианте статьи под названием «Трасса у нас под окнами» и снова в сопровождении фрагмента карты того участка территории городка, где планируется застройка. На сей раз авторы материала сообщают, что администрация Фрунзенского района Минска известила о проведении общественного обсуждения отчета об оценке воздействия на окружающую среду (ОВОС) в сроки с 30.08.2021 по 28.09.2021, причем каждому следует персонально ознакомиться с отчетом о проведении данных работ. Активисты же предлагают инициировать общественное собрание по ознакомлению и обсуждению ОВОС, для чего следует проявить инициативу и направить электронное письмо с запросом на проведение собрания и экспертизы. «Вы можете написать заявление, подписать у своих соседей, отсканировать (сфотографировать) и отправить по электронной почте — это будет коллективное обращение. Благодаря нашей инициативе и настойчивости мы отстаивали наши права в 2017 году и план уплотнения городка был отменен. Давайте и сейчас не дадим уничтожить зеленые насаждения, провести скоростные дороги внутри микрорайона. Сейчас нам необходимо сплотиться. Нам нужны юристы, экологи, инженеры и заинтересованные судьбой района люди. Будем вместе!» (Трасса у нас под окнами, 2021б).

Кроме публикаций в «Вестнике Масюковщины», в военном городке расклеиваются плакаты, объявления и стикеры по периметру всего участка бывшей военной части на трубах теплотрассы, опоясывающей территорию практически в границах прежнего участка лагеря Stalag 352, на трансформаторных подстанциях рисуются муралы и граффити, проводятся акции по уборке территории. Все это свидетельствует о попытках мобилизации усилий местных жителей по сохранению мест памяти о прошлом и предотвращению застройки микрорайона. Так, накануне празднования 9 мая 2021 г. во многих общественных местах военного городка были расклеены следующие объявления: «Приглашаем всех желающих на общую уборку территории бывшего лагеря для военнопленных 9 мая Stalag 352. Встречаемся возле здания лазарета в 14:00. По возможности и желанию можно принести с собой средства для уборки». В конце августа 2021 г. на фонарях возле теплотрассы вокруг территории бывшей военной части и концлагеря Stalag 352 были наклеены два объявления следующего содержания: «Уважаемые отдыхающие! Любители природы! На этой территории умирали узники Великой Отечественной войны, защитники нашей Родины. Какую память от нас заслужили? Кучи мусора после вашего отдыха? Или живые цветы? Помните о тех, кто отдал жизнь за вашу свободу! Мы ведь люди...»

В середине сентября 2021 г. на многих досках объявлений возле подъездов жилых домов военного городка были расклеены следующие объявления: «ТРАССА У НАС ПОД ОКНАМИ. Не проходи мимо, прямо внутри городка планируют построить четырехполосную дорогу!!! Скоростная трасса в нашем районе, вырубка деревьев, уничтожение оставшихся зданий концлагеря Stalag 352... Не оставайся в стороне!!! Что делать? Пишем письма с просьбой провести общественное обсуждение по этому проекту. Что может быть проще?! Заключение о необходимости проведения общественных слушаний (собрания), а также заявление о намерении проведения общественной экологической экспертизы можно направить в администрацию Фрунзенского района г. Минска почтой по адресу: 220073, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Кальварийская, 39, тел./факс 39248113 или по электронной почте fr.priemnaya@minsk.gov.by в срок по 10.09.2021 включительно».

Далее рассмотрим примеры плакатов, расклеиваемых активистами на территории бывшего концлагеря Stalag 352 или непосредственно прилегающей к ней. Так, на стене бывшего лазарета в сентябре 2020 г. был наклеен плакат с цитатой из Евангелия «Няма нічога таемнага, што ня выйшла б на яву; і нічога няма схаванага, што ня выйшла б наверх (Эвангелле ад Марка 4:22)», где изображено кроваво-красное пятно, на котором четко прорисованы силуэты звонниц с крестами и колоколом на черном фоне с красной надписью Stalag 352. В этот же период на трансформаторной

подстанции поблизости были наклеены два схожих плаката с изображением белого черепа и перекрещенных костей («Веселый Рождер») на черном фоне с той цитатой из Евангелия от Марка на белорусском языке и надписью «Шталаг 352 (Stalag 352)». В нижней части плакатов указаны QR-коды для ссылок на соцсети «Фейсбук», «Одноклассники» и «ВКонтакте». Аналогично сделан другой плакат с тремя ссылками на те же соцсети (в сопровождении надписи «мы в соцсетях») и хештегом #сохраниммасюковщину. Здесь цитата из Священного Писания приведена уже на русском языке: «Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, и ничего не бывает потаенного, что не вышло бы наружу (Мк 4:22)»

По схеме противопоставления двух образов на цветных фотографиях построена композиция других плакатов (наклеены на фонарных столбах и трубах теплотрассы, опоясывающих территорию бывшего концлагеря): в верхней части под названием «было» приводится фотография казармы для военнопленных, а в нижней («стало») — обломки этой казармы, оставшиеся после ее недавнего сноса. В центре плаката размещены надпись «Я помню, я горжусь?» в сопровождении хештега #сохраниммасюковщину и небольшой текст: «Историческое здание лагеря для военнопленных Stalag 352 было снесено осенью 2019 года. На обломках казармы были найдены балки с надписями, которые оставляли военнопленные. Большое количество таких балок было вывезено на свалку...»

По такой же схеме противопоставления на основе контраста выстроена композиция плаката, где представлен коллаж из двух рядов цветных фотографий, позволяющих сравнить положение с сохранением исторического наследия в Германии и в Беларуси. Так, в верхней части плаката изображены четыре фотографии с фрагментами заброшенных и разрушающихся зданий бывшего концлагеря в Масюковщине в сопровождении надписи «Тэрыторыя канцлагеру Stalag 352 (Шталаг 352) у Масюкоўшчыне (каля 80 000 ахвяраў)». Четыре фотографии восстановленных и реконструированных зданий в нижней части плаката подписаны «Музейны комплекс Buchenwald (Бухенвальд) у Нямецчыне (каля 56 000 ахвяраў)». Нижней строкой идет перечень хештегов #Stalag352, #сохраниммасюковщину, #зберажоммасюкоушчыну, #масюковщина, #беларусьпомнит, #беларусьнепомнит. Тем самым подчеркивается разительный контраст в исторической политике памяти, реализуемой в Германии и в Беларуси, когда у нас историческое наследие не представляет интереса для городских и республиканских властей и оказывается предано забвению, а усилия активистов не находят поддержки на официальном уровне.

Самым информационно насыщенным является плакат с черно-белыми фотографиями военнопленных на фоне здания лазарета и частью зданий бывшего концлагеря, сохранившихся на территории нынешнего военного городка Масюковщины. Фотографии

сопровождаются следующим текстом: «Концлагерь для военнопленных Stalag 352 был создан в конце августа 1941 года на месте бывшего военного городка около деревни Масюковщина. Его территория была обнесена несколькими рядами колючей проволоки, укрепленной на бетонных столбах высотой до 3 метров. Во избежание побегов по периметру проволочных заграждений были возведены сторожевые вышки и установлены прожектора. В него свозились пленные со многих участков советско-германского фронта: в 1941–1942 годах в лагере находилось до 130–140 тысяч пленных. Осенью 1943 года в лагере появились военнопленные итальянцы, которые оказались в плену после выхода Италии из союза с Германией. Всего в Stalag 352 погибло около 80 тысяч военнопленных. После освобождения Минска в Лесном лагере около Масюковщины советскими властями содержались немецкие военнопленные. На сегодня сохранившиеся здания времен Второй мировой войны в Масюковщине представляют собой самый большой концлагерный комплекс на всей территории Республики Беларусь. Сохранились 6 зданий, которые относились непосредственно к лагерю: 1. Дом офицерского состава (сейчас жилой дом, Лынькова, 71). 2. Баня (сейчас административное здание Лынькова, 86, к. 6). 3. Лазарет (сейчас заброшенная бывшая казарма, Лынькова, 111Г). 4. Столовая (сейчас складское здание напротив здания лазарета, Лынькова, 111Д). 5. Мастерская (бывший клуб, Лынькова, 111Б). 6. Погребы овощехранилища (сейчас закинутые склады между зданием лазарета и столовой). Под асфальтом современных главных дорог военного городка в Масюковщине находится брусчатка, которую выкладывали узники лагеря Stalag 352». В нижней части плаката приводится хештег #Stalag352 и электронный адрес для связи Stalag352@gmail.com.

Таким образом, примеры указанных объявлений, плакатов и тактических медиа (в формате как телеграм-канала, так и печатных листовок) указывают на то, что они служат маркерами территории и способствуют актуализации представлений о прошлом данной локации в памяти местных жителей, информируя, просвещая и мобилизуя их для отстаивания своей локальной идентичности в рамках нарративов памяти и протеста как неофициальной исторической политики, проводимой силами гражданских активистов независимо от позиции и действий городских властей (администрации Фрунзенского района г. Минска).

2. Стратегии коммуникации: палимпсест и интертекст

После президентских выборов 2020 г. и мобилизации гражданского общества, его активного участия в социально-политических

процессах в Минске и областных центрах происходит солидаризация и сплочение жителей городских микрорайонов, улиц, дворов и даже отдельных домов. Возникают локальные и ситуативные городские сообщества, которые в будущем могут стать альтернативными институтами местного самоуправления и выступить основой гражданского общества в Беларуси. Процесс становления данных сообществ разворачивается через самоорганизацию (формирование сообщества на основе солидарности и взаимной поддержки), идентификацию (отождествление группы с конкретным сегментом городского пространства), номинацию (называние себя через городские топонимы и урбанонимы как в рамках официальной системы обозначений, так и вне ее), символизацию (средствами коммуникативного дизайна городской среды с использованием образов и символов), мобилизацию (для организации регулярных встреч во дворах или проведения акций — «цепей солидарности», митингов, прогулок по району, участия в городских маршах). «Всю власть дворам!» — новый лозунг в борьбе за возможности неформальной и вневедомственной самоорганизации горожан на разных участках городской территории. А новые гербы и флаги районов/микрорайонов и улиц — это яркий атрибут становления стихийного местного самоуправления, гражданской автономии вне территориально-административных рамок сложившейся властной системы (Погодина, 2020).

Параллельно возникает и активно развивается субкультура протеста со своими нормами, ценностями и идеалами, мифами и легендами, героями и кумирами, что позволяет ей претендовать на роль контркультуры как неофициальной, альтернативной традиции и ключевого элемента в политической культуре современного белорусского общества. Базовые принципы и основные идеи данной субкультуры репрезентированы в некотором наборе образов, знаков и символов, которые постоянно воспроизводятся и лишь незначительно видоизменяются. Их генерирование и тиражирование осуществляется через новые медиа (мессенджеры, социальные сети, видеоблоги и телеграм-каналы), а затем ретранслируется средствами маркирования территории (стикеры, плакаты, листовки, флаги) в повседневных взаимодействиях на улицах и во дворах, что позволяет говорить о масштабной медиатизации городской среды в целом. Результатом таких процессов трансформации информационной сферы и обыденной жизни становится активное применение альтернативной топонимики как «стихийного творчества масс» — яркого выражения формы протеста и самоорганизации граждан в практической реализации лозунга «Это наш город!» Так, жители Минска в августе — ноябре 2020 г. неофициально переименовывали свои дворы и улицы в «площади», чтобы подчеркнуть значимость и масштабность движения за перемены, их лавинообразный характер. В результате

такого семиотического вторжения «снизу» в городскую среду происходила реноминация и перекодирование символического пространства города, в результате чего на местах постоянных встреч жителей микрорайонов возникали «Площадь перемен», «Площадь победителей», «Площадь правды» и т. п.

Для репрезентации своих идей и ценностей городская протестная субкультура активно использует возможности коммуникативного дизайна, визуально преобразуя городскую среду, практически полностью трансформируя внешний вид ее несущественных элементов (например, малых архитектурных форм — таких как урны, скамейки, ограждения, лестницы, дорожные знаки и указатели) и частично декорируя более крупные (наноса узоры и изображения на крупногабаритные сооружения, дома, мосты, рекламные щиты и стенды, киоски), отчасти меняя их функции и расставляя новые смысловые акценты. Любое изображение или узор на самых различных объектах городской среды в рамках протестного движения становится своеобразным «меседжем» — посланием, адресованным как своим соратникам («нас много»), так и самой власти и ее сторонникам (Новые муралы и ОМОН-арт, 2020). Особую роль играет расцветка в стиле бело-красно-белого флага как альтернатива государственному варианту официальной символики, а также муралы — настенные рисунки и изображения, которые позволяют визуализировать образы наиболее известных участников протеста как его ключевых персонажей и даже героев, превращая в своеобразные «иконы» движения. В случае, когда нанесение изображения не представляется возможным или возникает намерение добиться большего визуального эффекта, может применяться специальная аппаратура для осуществления световых проекций. Это позволяет превратить стену дома или площадку во дворе в «кинотеатр под открытым небом», транслируя слайды, диафильмы или даже видеоролики в темное время суток. Данные изображения также становятся иконическими, хотя и носят кратковременный характер.

При этом в практике активного использования принципов коммуникативного дизайна для трансформации городской среды могут применяться элементы и ландшафтного дизайна на основе атрибутики протестного движения — например, окрашивание в красно-белый цвет валунов на газонах, деревьев и клумб или даже повреждений асфальта на дороге — чтобы ремонтные службы, закрасивая их, хотя бы попытались устранить недостатки. Такая окраска воспринимается не просто как элемент декора и эстетический вариант украшения окружающего пространства улицы, двора или дома, но и обращение ко всем заинтересованным представителям аудитории, понимающим идеологическую подоплеку противопоставления официальной и альтернативной символики в рамках политического конфликта. Появление бело-красно-белых

элементов в дизайне городской среды сразу посылает всем сигнал о том, что здесь отметились граждане, готовые публично выражать свою позицию через протест против действий власти — пусть и в такой «партизанской» форме, как это проявляется при нанесении надписей на киоски «Табакерка», что расценивается властью как хулиганские действия. При этом городские локации начинают использоваться для выполнения несвойственных им функций — как нагруженное дополнительными коннотациями место, которое локализовано скорее как «экран» или «дисплей», позволяющий репрезентировать общественное мнение и осуществлять мониторинг смены массовых настроений, выявляя мотивы протеста.

В целом можно выделить две основные информационные (текстуальные) стратегии в реализации практик по применению коммуникативного дизайна городской среды и изменению ее смыслового ландшафта. Первой можно считать *палимпсест*: надписи и изображения регулярно закрашиваются работниками ЖЭСа и столь же регулярно обновляются — появляются новые тексты, адресные сообщения и персональные послания, т.е. активно осуществляется межличностная коммуникация, хотя и в одностороннем порядке. Закрашивание и обновление надписей превращается в ежедневный ритуал общения, формат взаимодействия в виде прямой адресации не только конкретно к власти («Уходи!»), но и представителям ЖЭС («Привет ЖЭСу!», «Совість свою тоже закрасишь?» и проч.). Прекрасным образцом юмористической стратегии палимпсеста стал навешенный друг на друга тройной плакат в Новой Боровой, когда попытка снять один плакат приводила к появлению из-под него второго, затем третьего.

При этом палимпсест выступает категорией, во многом пересекающейся по смыслу с концептом «облезлость», который используют авторы сборника «Микроурбанизм», указывая, что «поверхность некоего предмета имеет несколько хронологических слоев, нанесенных один на другой. В случае, если предмет не подновляется регулярно, а находится в некотором забвении и неухоженности, краска начинает неравномерно облезать, в разных местах проступают нижние, более старые слои, которые становятся видимыми и вносят свое слово в общее “звучание” и восприятие предмета» (Желнина, 2014, с. 277). Однако палимпсест, в отличие от облезлости, не обнажает давние поверхности прежних надписей и текстуры, но объединяет в себе все новые и новые слои, перекрывающие друг друга и в то же время приоткрывающие едва видимую и полустертую прежнюю надпись, проступающую на свежеразкрашенной поверхности как послание из прошлого. При этом становится возможно «пересечение, наложение, проглядывание одного через другое. В какой-то момент она создает эффект аккумуляции — что-то вроде усиленного соприсутствия, когда наличие нескольких слоев, угадывающихся ли под облупившейся

краской, проступающих ли как слои воспоминаний, вызывает особый эмоциональный отклик и, соответственно, особое взаимодействие с городом» (Там же, с. 16–17).

В военном городке Масюковщины данный эффект палимпсеста можно увидеть на стене участка гаражей по адресу ул. Лынькова, 99/4 напротив магазина «Виталюр», где к моменту написания данной статьи под слоем белой краски прочитывалась нанесенная кем-то ранее надпись «Солнце мое, взгляни на меня — моя страна превратилась в ГУЛАГ» (аллюзия на песню «Кукушка» В. Цоя). Но наиболее ярким образцом палимпсеста на основе интертекстовых связей стали надписи, нанесенные неизвестными активистами на ограждении (заборе) вдоль автодороги между «старой» частью военного городка и платформой железнодорожной станции «Масюковщина». Здесь из 174 сегментов забора регулярно в течение нескольких месяцев (с августа 2020 г. по февраль 2021 г.) на 83 появлялись надписи как воспроизводящие ставшие традиционными речевые клише и шаблоны («Жыве Беларусь!», «Уходи», «Верым, можам, пераможам!», «Не забудем, не простим!», «Саша 3%»), так и вполне оригинальные («Наша возьме!», «Жыве ТУТ.бай!», «Я выхожу, а ты?» и проч.). Попытки работников ЖЭСа закрасить эти надписи красной или белой краской привели к тому, что возникли многослойные цветные полосы темно-красного цвета, похожие на кровавые следы, а сквозь белые проступали старые надписи и угадывались следы прежних мазков (порой даже чередовались полосы красного и белого цветов, что напоминало расцветку БЧБ флага). Многослойность и насыщенность ярких оттенков полос краски стали напоминать полотна известного художника М. Ротко, работавшего в жанре абстрактного экспрессионизма. Подобная «настенная живопись» и непреднамеренно создавшийся эффект стихийного стрит-арта напоминали монохромные «цветовые поля» картин Ротко, насыщенные болью, тревогами и страхами, воспроизводя аналогичные эмоции и впечатления — ярости и отчаяния, но и надежды, стойкости и мужества, готовности идти до конца, несмотря ни на что.

Другой стиль изображений на том же ограждении был представлен трехцветной гаммой пятен, которые напоминали кляксы — следы попадания шариков для игры в пейнтбол и воспроизводили тональность бело-красно-белого флага, напоминая при этом полотна другого представителя абстрактного экспрессионизма — Дж. Поллока. Однако в отличие от работ американского художника, представляющих собой хаотично, хотя и равномерно распределенный набор цветных пятен, узоров и линий, образовавшихся при разбрызгивании краски на полотно, пятна краски на заборе вполне четко и последовательно воспроизводили цветовой код БЧБ флага, что делало их эстетическое и идеологическое решение более однозначным и предсказуемым, следующим

исходной установке на воспроизводство политической символики. Таким образом, созданные на основе вербальных надписей цветные пятна и полосы на заборе военного городка Масюковщина неожиданно превратились в многослойный палимпсест в стиле протестного и художественного стрит-арта.

Второй базовой стратегией при изменении коммуникативного ландшафта городской среды протестного Минска является *интертекст*, когда возникают смысловые корреляции и взаимные отсылки от одного текста/изображения к другому (трафаретная надпись «Масюки против Луки», нанесенная на несколько жилых домов, трансформаторных подстанций и ограждений для мусорных контейнеров в Масюковщине; трафаретный рисунок в виде сердца бело-красного цвета с надписью «Жыве Беларусь!», сделанный в военном городке на остановке общественного транспорта и в нескольких местах на тротуарах; цитаты и рисунки Я. Купалы), что создает единую семантическую сеть межтекстовых связей. В рамках данной стратегии происходит пересечение и отсылки между текстами и образами не только в масштабах городка, но и всего Минска (рисунки-портреты Колесниковой, трафареты крысы и проч.). Дальнейшее вирусное распространение и массовое тиражирование имен, образов, слоганов, мемов происходит в рамках интертекстуальности, которая может осуществляться в разных формах, но всегда связана с созданием и распространением текстов по образцу прецедентных, предполагая их смысловую взаимосвязь, формальные отсылки, тематические повторы образов, сюжетов, персонажей и пр. Так выстраивается некая *семиотика* интертекстовых взаимодействий, где можно выделить парадигматическое измерение — схожие жанры и формы коммуникации (муралы, стикеры, плакаты, флаги, граффити и т.п.), в рамках которой происходит самопрезентация участников городской субкультуры протеста, донесение их требований до массовой аудитории (но, увы, далеко не всегда до самой власти), а также синтагматическое — территориальное разделение на отдельные сегменты пространства как участки городской среды, что выстраивает таксономию как новый порядок номинативных единиц в городе, подвергающихся переосмыслению и трансформации в ландшафтном, графическом и концептуальном дизайне как его коммуникативном измерении.

При этом складываются два порядка номинации как своеобразной «таксономической матрицы» — официальный (список территорий Минска, требующих особого внимания со стороны городских властей и контроля администраций районов, утвержденный Мингорисполкомом) и альтернативный (например, карта протестных районов или районных чатов, составленная редакцией TUT.BY). Таксономия как «власть номинации» (П. Бурдые) используется как инструмент упорядочивания («наведения порядка»)

и структурирования материала, обращения хаоса в космос в попытке придать ему тот смысл, который близок и понятен инстанциям власти. Официальный порядок номинации считает, что хаос есть отклонение от нормы и его следует вернуть к образцу-этalonу, подвергнуть принудительной нормализации и стандартизации в соответствии с требованиями жилищного кодекса РБ, правилами эксплуатации жилых помещений и дворовых территорий, где не предусмотрена возможность спонтанного проявления и стихийного «творчества масс», креативных инициатив горожан даже по благоустройству территории, не говоря уже о попытках ее перепланировки, изменения или нестандартного оформления — раскрашивании объектов дворовой и уличной инфраструктуры (скамейки, столы, урны, клумбы, лестницы, качели, трансформаторные подстанции, информационные стенды и др.). Альтернативный таксономический порядок номинации исходит из установки, что горожане сами могут распоряжаться территорией, на которой они проживают и имеют права на владение ею, обустривая под свои потребности и следуя собственным представлениям о том, как можно «сделать лучше, красивей, проще». Обычно их инициативы не укладываются в стандарты строительной и эксплуатационной практики, выходят за рамки официальных рекомендаций и нормативов, поэтому воспринимаются властью как беспорядок или хаос, который следует нейтрализовать и направить в «правильное русло».

Наиболее ярким примером выпадения локации из сетки таксономических связей становится креативное преобразование жителями минских дворов трансформаторных подстанций, которые в период протестов 2020 г. становились «эпицентром» двора и активности его жителей. Именно трансформаторные будки превращались в уникальный материальный носитель — сооружение, выполняющее функции информационного стенда, одна-две стороны которого обычно представляют собой сплошную стену с однородной поверхностью, без дверей и окон, как будто специально предназначенную для нанесения плакатов, рисунков (муралов) или надписей (граффити). Размер такой стены позволяет не ограничивать себя в масштабе наносимого изображения или фразы/слова — ведь чем больше по размеру оно будет, тем большее внимание сможет привлечь, что и нужно автору. Этому способствует и тот факт, что зачастую такие станции расположены прямо в центре двора, располагаясь рядом с детской площадкой между рядами жилых домов, либо во фронтальной зоне, доминирующей по периметру всей дворовой территории внутри микрорайона или квартала. Иногда таких станций может быть две или три, и все они могут быть оформлены посредством рисунков, узоров или плакатов в едином стиле (как в случае с «Кварталом счастья» в микрорайоне «Каменная горка»), со схожим сюжетом и персонажами,

ключевой идеей-месседжем как «посланием городу и миру» или раскрашены мозаично и фрагментарно, словно кадры из кинохроники или постеры из журналов (как на «Площади Правды» пр. им. Газеты Правда).

Это смысловой и креативный центр двора, но при этом вполне нейтральный участок придомовой территории, которая принадлежит всем жителям и в то же время — никому из них персонально, поскольку является городской собственностью и обслуживается коммунальными службами и сетью «Минскэнерго». Эта удачная позиция «ничьей земли» и становится компромиссным объектом взаимных усилий и сотрудничества всех соседей по двору, оптимально подходящим под росписи в отличие от стен близлежащих домов, жители которых могут выступить против «вандализма», посягающего на их личную территорию и собственность. Подстанция выступает как трансформатор-ретранслятор не только электрической, но и творческой энергии, объединяющей большинство людей во дворе или квартале, и даже становится генератором смыслов и образов, представленных нанесенными на нее рисунками и текстами (хотя в виде шаблонов и трафаретов они также могут считаться лишь ретрансляторами оригинальных идей и сюжетов). Как правило, это выполненные в красно-белой гамме неформальный символ района и герб «Пагоня», портреты лидеров протестного движения и лозунги, ставшие вербальными формулами сопротивления («Жыве Беларусь!», «Верым, можам, пераможам!», «Саша 3%» и т.п.).

Фокусируя внимание на себе как на специальном территориальном маркере, символика объединяет всех жителей квартала, превращаясь в *genius loci* — «гения места», инструмент формирования их коллективной идентичности как представителей локального сообщества, а сама подстанция (стены, на которые наносятся изображения и тексты) становятся своеобразным экраном, на который проецируются страхи и желания, страстное стремление к свободе, надежды и мечты тех, кто ассоциирует себя именно с данным местом в городской среде. Пока власти не начали пресекать подобные инициативы, жители дворов и кварталов собирались малыми или средними группами во дворах, видели поддержку из домов (из окон и с балконов им махали флагами, светили фонариками телефонов, выкрикивали лозунги) и ощущали себя большой и сплоченной группой, где все по-соседски поддерживают друг друга. Такими локальными связями оказался охвачен весь город, когда представители разных мест совершают дружеские визиты из района в район, ходят друг другу в гости, устраивают совместные мероприятия и акции, совершают творческий обмен и реализуют общие проекты, что и могло бы составить основу для формирования местного самоуправления и гражданского общества в современной Беларуси.

Далее можно указать конкретные виды трансформации различных участков городской среды при протестных инициативах в Минске на примере территории военного городка Масюковщина, где концептуальный дизайн пересекается с коммуникативным, а ландшафтный — с графическим. Визуальное наблюдение и мониторинг данного района позволяет выделить условные сегменты городской территории, которые были подвергнуты радикальным преобразованиям со стороны протестующих — например, въезд в городок со стороны железнодорожной станции Масюковщина, где прямо на асфальте была нанесена надпись «Свабодная Масюкоўшчына»; заграждения (забор), отделяющие территорию городка от проезжей части вдоль перрона станции «Масюковщина», и стена гаражей по адресу ул. Лынькова, 99/4 напротив магазина «Виталюр», которые могут претендовать на функциональный аналог «стены плача» в Иерусалиме, но с поправкой на вызывающий тон нанесенных надписей, превращающий эти сооружения скорее в «стены гнева», а не скорби.

Далее киоск «Табакерка» около магазина «Купаловский» был расписан в цвета бело-красно-белого флага, а непосредственно возле входа в сам магазин был выкрашен в серебристый оттенок стенд для объявлений, на котором неизвестные изобразили портрет Я. Купалы и нанесли надпись «Жыве вечна!»; на асфальте у входа написали «Стоп насиліе!», на тротуаре появилась трафаретная надпись «Жыве Беларусь!» в виде сердца в бело-красно-белых тонах, в эти же цвета раскрашен валун у дороги и канализационные люки на проезжей части. Вдоль дороги напротив магазина «Купаловский» на пару дней (3–4 апреля 2021 г.) были вывешены бело-красно-белые флаги. Их достаточно быстро сняли, но зато долго сохранялись трафареты-муралы в виде рисунка мальчика с тремя шариками (белым, красным и белым) на газовой подстанции возле дома по адресу Лынькова, 79 и портреты М. Колесниковой и М. Знака, а также рисунок Эйфелевой башни, снесенной в микрорайоне «Восток» и надпись «Усход, мы разам!» на трансформаторной подстанции возле дома на ул. Лынькова, 111. В преддверии дня рождения Марии Колесниковой на разных участках территории военного городка были нанесены около сорока трафаретных портретов именинницы, где она изображена в знаменитой позе с пальцами рук, сложенными в виде сердца. На подстанции возле дома по Лынькова, 101, к. 1 были сделаны надписи «Забастовка!», «Жыве Беларусь!» и «Хватит убивать наших детей!» (сразу после трагической смерти Р. Бондаренко). Кроме того, были расписаны мусорные контейнеры возле магазина «Хит-экспресс», на которые были нанесены надписи «БТ», «МВД», «ОМОН», а после стирания этих надписей они регулярно возобновлялись.

Кроме того, не представляется возможным указать точное количество листовок, стикеров и плакатов, наклеенных на стенах

жилых домов по всей территории военного городка Масюковщина, некоторые из них были маркированы бело-красно-белыми красками на манер пейнтбольных отметок в виде клякс на стенах. Сами дома, их фасады, окна и балконы также подвергались попыткам переустройства, обновления и оформления в альтернативном стиле — вплоть до вывешивания флагов или одежды на балконах, наклеивания листов бумаги на окнах, раскрашивания дверей подъездов, лестниц, установки новых средств освещения — ламп, гирлянд, лент в БЧБ расцветке, осуществления световых проекций и проч. В итоге фасады домов приобретают новый оттенок — не только колористический, но и идеологический, смысловой, подчеркивая протестные настроения жителей данного дома или подъезда. Так создается коммуникативный/концептуальный (ре) дизайн пространства жилого массива — квартала, двора или микрорайона, а властью такие попытки расцениваются как «одиночное пикетирование» или «нарушение норм эксплуатации зданий и помещений», за что следуют санкции в виде штрафов или даже ареста.

Также на территории заброшенной военной части были расписаны в БЧБ цвета трубы теплотрассы, фонарные столбы и будки трансформаторных подстанций, на одну из которых регулярно наносились трафаретные рисунки в виде портретов С. Тихановской и других лидеров протестного движения, а также плакаты с архивными фотографиями военнопленных, содержащихся в концлагере Stalag 352, расположенном на территории части в годы Второй мировой войны. Это позволяет связать нарратив протеста с памятью о жертвах войны и провести смысловые параллели между героическим прошлым военного периода и нынешней ситуацией в Беларуси. Здесь исторические сюжеты памяти (о прошлом) и протеста (ради будущего) создают свою драматургию, когда память выстраивается на основе воспоминаний о боли утраты (жертвы войны и протеста) и травме (насилия), которые власть старается предать забвению, подавить или вытеснить, но даже в таком полубессознательном состоянии они способны повлиять на формирование коллективной идентичности — как локальных сообществ, местных жителей и активистов, так и всего белорусского этноса.

В связи с этим белорусская исследовательница Н. Бекус отмечает, что образ «народа-победителя» во Второй мировой войне как один из сюжетов официальной идеологии и политики памяти, продвигаемой государством, сейчас приобретает новый смысл. Данный образ не просто показывает масштаб мобилизации общества, но и передает суть происходящих в ходе протестов трансформаций культурных символов и их исторических идей, составляющих коллективную память белорусов. «Это парадоксально, что именно те элементы исторической памяти, которые составляли

основу официальной белорусской идеологии и идентичности, теперь оказались востребованы для мобилизации в борьбе против режима, который эту идеологию насаждал. В то же время те идеи, которые составляли основу альтернативной белорусскости (образ жертв советского режима, например), из-за протестов также приобрели гораздо более широкий резонанс. Оказалось, что общество в процессе этой мобилизации не только вышло на сцену политической жизни, но и включилось в работу над своей идентичностью. И в этом процессе те идеи о белорусской идентичности, которые составляли основу двух конкурирующих проектов и идеологий (официальной и альтернативной), объединяются, видоизменяются и меняют значение» (Бекус, 2020).

Подводя итоги, можно отметить, что анализ практик трансформации городской среды средствами коммуникативного дизайна на территории военного городка Масюковщина, осуществляемых местными жителями в рамках нарративов памяти и протеста, позволяет выявить особенности не только их протестной активности (на основе стратегий палимпсеста и интертекста), но и реализации «политики памяти» при попытке сохранения исторического наследия времен Великой Отечественной войны в общественном пространстве Минска.

Литература

- Бекус, Н. (2020) «Даже стиль вашей одежды показывает, вы субъект или объект выбора». Исследовательница — о том, как мы изменились за 26 лет. [онлайн] Citydog.by. Доступ по: <https://citydog.by/post/belorusy-izmenilis/> [Просмотрено 20 сентября 2021].
- Белокурова, Е., Воробьев, Д. (2010) Общественное участие на локальном уровне в современной России. [онлайн] Неприкосновенный запас. Доступ по: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/2/obshhestvennoe-uchastie-na-lokalnom-urovne-v-sovremennoj-rossii.html> [Просмотрено 20 сентября 2021].
- Взятшышева, В. (2018) «Это молодежь с высоким ощущением опасности»: социолог Е. Омельченко — о том, почему 18-летние доверяют президенту и как изменились современные субкультуры [онлайн] Бумага. Доступ по: https://paperpaper.ru/campus/omelchenko/?utm_source=meduza&utm_medium=partners&utm_campaign=friends [Просмотрено 20 сентября 2021].
- Желнина, А. (2014) «Железо, слюда, апатиты и россыпи судеб людских...» Прошлое и настоящее в заполярном индустриальном городе. В: Микроурбанизм. Город в деталях. Сб. статей под отв. ред. О. Бредниковой, О. Запорожец. Москва: Новое литературное обозрение, с. 256–279.
- Застройка Масюковщины (2021) В: Вестник Масюковщины, № 13, с. 1.
- Застройка Масюковщины: проходной двор (2021) В: Вестник Масюковщины, № 9, с. 1.
- История Масюковщины (2021б) В: Вестник Масюковщины, № 2, с. 1.

- История Масюковщины (2021в) В: Вестник Масюковщины, № 3, с. 1.
- История Масюковщины (2021д) В: Вестник Масюковщины, № 13, с. 1.
- История Масюковщины (2021а) В: Вестник Масюковщины, № 1, с. 1.
- Людей до сих пор продолжают пытаться (2021) В: Вестник Масюковщины, № 23, с. 1.
- Новые муралы и ОМОН-арт. Как минские дворы превращаются в галерею протестного искусства (2020) [онлайн] Onliner.by. Доступ по: <https://realt.onliner.by/2020/09/15/minskie-dvory-galereya-protestnogo-iskusstva> [Просмотрено 20 сентября 2021].
- Погодина, Л. (2020) В Минске появились десятки «протестных дворов». Там по-соседски протестуют против Лукашенко, устраивают концерты и борются с силовиками. Вот как это выглядит [онлайн] Meduza. Доступ по: <https://meduza.io/feature/2020/09/27/v-minske-poyavilis-desyatki-protestnyh-dvorov-tam-po-sosedski-protestuyut-protiv-lukashenko-ustraiwayut-kontserty-i-boryutsya-s-silovikami> [Просмотрено 20 сентября 2021].
- Трасса у нас под окнами (2021а) В: Вестник Масюковщины, № 6, с. 1.
- Трасса у нас под окнами (2021б) В: Вестник Масюковщины, № 20, с. 1.
- Ярская-Смирнова, Е. Р., и Романов, П. В. (2013) Публичная сфера: теория, методология, кейс стади. Москва: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 360 с.

References

- Bekus, N. (2020) «Dazhe stil' vashey odezhdy pokazyvayet, vy sub'yekt ili ob'yekt vybora». Issledovatel'nitsa – o tom, kak my izmenilis' za 26 let. [«Even the style of your clothes shows you are the subject or the object of choice». Researcher – How we have changed in 26 years]. [online] Citydog.by. Available from: <https://citydog.by/post/belorusy-izmenilis/> [Accessed 20 September 2021].
- Belokurova, Y., Vorob'yev, D. (2010) Obshchestvennoye uchastiye na lokal'nom urovne v sovremennoy Rossii. [Public participation at the local level in modern Russia]. [online] Neprikosnovennyuy zapas. Available from: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/2/obshhestvennoe-uchastie-na-lokalnom-urovne-v-sovremennoj-rossii.html> [Accessed 20 September 2021].
- Istoriya Masyukovshchiny (2021a) [History of Masyukovshchina]. V: Vestnik Masyukovshchiny, № 1, p. 1.
- Istoriya Masyukovshchiny (2021a) [History of Masyukovshchina]. V: Vestnik Masyukovshchiny, № 3, p. 1.
- Istoriya Masyukovshchiny (2021a) [History of Masyukovshchina]. V: Vestnik Masyukovshchiny, № 9, p. 1.
- Istoriya Masyukovshchiny (2021a) [History of Masyukovshchina]. V: Vestnik Masyukovshchiny, № 13, p. 1.
- Istoriya Masyukovshchiny (2021b) [History of Masyukovshchina]. V: Vestnik Masyukovshchiny, № 2, p. 1.
- Lyudey do sikh por prodolzhayut pytat' (2021) [People still continue to be tortured]. V: Vestnik Masyukovshchiny, № 23, p. 1.
- Novyye muraly i OMON-art. Kak minskiye dvory prevrashchayutsya v galereyu protestnogo iskusstva (2020) [New murals and riot police. How Minsk

- courtyards are turning into a gallery of protest art]. [online] *Onliner.by* Available from: <https://realt.onliner.by/2020/09/15/minskie-dvory-galereya-protestnogo-iskusstva> [Accessed 20 September 2021].
- Pogodina, L. (2020) V Minske poyavilis' desyatki «protestnykh dvorov». Tam po-sosedski protestuyut protiv Lukashenko, ustraivayut kontserty i boryutsya s silovikami. Vot kak eto vyglyadit [online] *Meduza*. Available from: <https://meduza.io/feature/2020/09/27/v-minske-poyavilis-desyatki-protestnykh-dvorov-tam-po-sosedski-protestuyut-protiv-lukashenko-ustraivayut-kontserty-i-boryutsya-s-silovikami> [Accessed 20 September 2021].
- Trassa u nas pod oknami (2021a) [The track is under our windows]. In: *Vestnik Masyukovshchiny*, № 6, p. 1.
- Trassa u nas pod oknami (2021b) [The track is under our windows]. In: *Vestnik Masyukovshchiny*, № 20, p. 1.
- Vzyatyshcheva, V. (2018) «Eto molodezh' s vysokim oshchushcheniyem opasnosti»: sotsiolog Ye. Omel'chenko — o tom, pochemu 18-letniye doveryayut prezidentu i kak izmenilis' sovremennyye subkul'tury [«These are young people with a high sense of danger»: sociologist E. Omelchenko — about why 18-year-olds trust the president and how modern subcultures have changed]. [online] *Bumaga* Available from: <https://citydog.by/post/belorusy-izmenilis/> [Accessed 20 September 2021].
- Yarskaya-Smirnova, E., and Romanov, P., eds. (2013) *Publichnaia sfera: teoriia, metodologiya, keis stadi*. [Public sphere: theory, methodology, case study]. Moscow: OOO «Variant»: TsSPGI, 360 p.
- Zastroyka Masyukovshchiny (2021) [Buildings in Masyukovshchina] V: *Vestnik Masyukovshchiny*, № 13, p. 1.
- Zastroyka Masyukovshchiny: prokhodnoy dvor (2021) [Buildings in Masyukovshchina: entrance courtyard] V: *Vestnik Masyukovshchiny*, № 9, p. 1.
- Zhel'nina, A. (2014) «Zhelezo, slyuda, apatity i rossypi sudeb lyudskikh...» Proshloye i nastoyashcheye v zapolyarnom industrial'nom gorode. [«Iron, mica, apatite and placers of human destinies ...» Past and present in a polar industrial city]. In: O. Brednikova and O. Zaporozhets, red. *Mikrourbanizm. Gorod v detaliakh*. [Microurbanism. City in Detail]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 316–345.

АГЛЯД ПУБЛІКАЦЫЙ, ПРЫСВЕЧАНЫХ УДЗЕЛУ ЖАНЧЫН У ПРАТЭСТАВЫХ АКЦЫЯХ 2020 ГОДА

Вера Дзядок

REVIEW OF PUBLICATIONS, DEDICATED TO THE PARTICIPATION
OF WOMEN IN PROTESTS OF 2020

© Vera Dziadok

Translator, publicist, MA student of the “Cultural Heritage Development”
program at European Humanities University

Email: dzyadok.vera@student.ehu.lt

ORCID ID: 0000-0001-5856-6160

Падзеі 2020 года ў Беларусі прыцягнулі да яе ўвагу творчых асоб, журналістаў і даследчыкаў з розных краін. Пра гэтыя траўматычныя падзеі распавядаюць фільмы, спектаклі і мастацкія выставы.

Кнігі, прысвечаныя Беларусі, выйшлі ў Бельгіі (Christophe Brackx, «*De laatste dictator in Europa. De opstand tegen Loekasjenko*»), Швецыі (Julia Tsimafejeva, «*Dagar i Belarus*»), Польшчы (Edyta Banaszkiwicz, «*Marsz Białorusi: sierpień – grudzień 2020*»). У Германіі з’явілася адразу некалькі кніг, прысвечаных падзеям 2020 года ў Беларусі: «*Stimmen der Hoffnung*», «*BELARUS! Das weibliche Gesicht der Revolution*», «*Die Revolution hat ein weibliches Gesicht*» Вольгі Шпараргі і, нарэшце, «*Die Frauen von Belarus*» Эліс Бота.

Тры апошнія з названых кніг экспліцытна прысвечаны ўдзелу жанчын у пратэставых падзеях 2020 года.

Агляд гэтых трох выданняў будзе дапоўнены навуковымі аспектамі ўдзелу жанчын у падзеях 2020-га, якія былі прадстаўлены на Міжнародным кангрэсе даследчыкаў Беларусі ў Коўне ў кастрычніку 2021 года.

Кніга «Беларусь! Жаночае аблічча рэвалюцыі» выдавецтва «*edition.fotoТАРЕТА*» выйшла яшчэ ў лістападзе 2020 года і сабрала пад сваёй вокладкай самыя разнастайныя погляды, каментары і дакументы, прычым аўтаркі — выключна жанчыны. Па гарачах

слядах падзей тут друкуюцца і важныя сведчанні часу, і допісы з сацыяльных сетак, і паэзія. Кніга прадстаўляе ўдалую камбінацыю з тэкстаў нямецкіх (Дыяна Зіберт, Гун-Брыт Колер) і беларускіх аўтарак, а таксама беларусак, якія жывуць і працуюць у Германіі.

У прадмове падкрэсліваецца, што рэвалюцыя ў Беларусі мае мноства абліччаў, і яна не можа лічыцца толькі жаночай, але за ёю замацаваўся менавіта жаночы вобраз.

Цэнтральнае месца ў пошуку адказу на пытанне аб феміністычным характары рэвалюцыі займае артыкул Ірыны Саламацінай, феміністкі і сябры ГА «Беларуская арганізацыя працоўных жанчын».

Ірына сцвярджае, што беларуская рэвалюцыя не мае жаночага аблічча. У адрозненне ад многіх іншых аўтарак, якія падкрэсліваюць унікальнасць падзей 2020 года, Ірына вяртае іх у гістарычны кантэкст і згадвае «забытыя» прыклады ўдзелу жанчын у палітыцы ў новай гісторыі Беларусі: кандыдаткі ў прэзідэнты Наталля Машэрава (2001) і Таццяна Караткевіч (2015). Тым не менш яна адзначае, што «жаночая» павестка ніякім чынам не артыкулявалася падчас выбараў 2020 года. Праблемы хатняга гвалту або дыскрымінацыі жанчын у аплаце працы не становяцца тэмай ні для дэпутатаў Нацыянальнага сходу (40 % з якіх складаюць жанчыны), ні для «старой» апазіцыі. Не сталі яны тэмай і для новай апазіцыі. «Жанчыны, якія ахвяруюць сабой дзеля гетэрапатрыярхальных каштоўнасцей, падманваюць не толькі сябе саміх, але ўсіх жанчын», — піша даследчыца. Яна прыводзіць шматлікія прыклады выкарыстання мацярынства для ціску і маральнага шантажу з боку дзяржавы (пагроза пазбаўлення бацькоўскіх правоў актывістак). Агулам палітыку беларускай дзяржавы Ірына апісвае як недастаткова чуйную да жаночых праблем. Аўтарка адзначае таксама адсутнасць доўгатэрміновай самаарганізацыі жанчын і бачыць перспектыву для беларусак у фармуляванні гендарнай павесткі, якая б не служыла апраўданню ўдзелу жанчын у палітыцы, а стала падставай для падтрымкі ў барацьбе з гвалтам любой прыроды.

Таццяна Шчытцова ў сваім артыкуле падкрэслівае менавіта маральны характар рэвалюцыі і робіць выснову пра запыт з боку грамадства на правы чалавека як асноўны прынцып суіснавання ў соцыуме. Таццяна адзначае ўнікальнасць новага самавызначэння нацыі і яго адрозненне ад старой канцэпцыі этнічнага нацыяналізму, вылучае такія асаблівасці, як этыка (якая мае глыбокія гістарычныя і культурныя карані) і жаданне вызначыць на нова правілы жыцця ў грамадстве. Менавіта траўма і маральнае патрабаванне аб спыненні гвалту і сталі, на яе думку, падставай палітычнай салідарнасці. Таццяна ставіць гэту спробу ў адзін шэраг са спробамі ўтварэння дзяржавы ў 1918 годзе і пабудовы суверэннай і дэмакратычнай дзяржавы 1991–1996 гадоў. Таксама яна

падкрэслівае грамадскі запыт на перагляд савецкай спадчыны, бо савецкая сістэма ўспрымаецца як гістарычная аснова для сучаснага аўтарытарызму.

Ірына Раманавая разважае пра карані гвалту ў беларускім грамадстве і адзначае ролю інстытута войска ў фарміраванні каштоўнасцей сляпога падпарадкавання і культуры гвалту. Яна вылучае ў рэакцыі сілавых структур важныя элементы, характэрныя для тэарызму. Таксама яна звяртае ўвагу на псіхалагічныя характарыстыкі прадстаўнікоў сілавых структур і падкрэслівае іх самаідэнтыфікацыю як прамых нашчадкаў НКВД.

Кніга Вольгі Шпарагі «У рэвалюцыі жаночае аблічча» выйшла на нямецкай мове ў выдавецтве «Suhrkamp» і рыхтуецца да выдання на рускай мове.

Як непасрэдная ўдзельніца падзей, аўтарка выкладае паслядоўнасць і характар таго, што адбывалася ўлетку і ўвосень 2020 года. Вольга адзначае паўстанне калектыўнага жаночага суб'екта і падкрэслівае, што самаарганізацыя жанчын стала магчымай у тым ліку дзякуючы турэмнаму досведу, практыкам сястрынства і клопату. Гэты досвед, паводле Вольгі, стаў падставай для фарміравання «новай чулівасці» (Shparaga, 2021, p. 61) — той адчувальнасці, якая, паводле Джудзіт Батлер, наўпрост звязана з актыўнасцю (Shparaga, 2021, p. 99). Жанчыны-лідаркі перадвыбарчай кампаніі, піша аўтарка, сталі той сілай, якая паказала, што жанчыны «могуць не толькі весці грамадства наперад, але і навучыць яго новай форме палітычнай улады — soft power» (Shparaga, 2021, p. 34).

Феміністычны пасыл беларускіх пратэстаў Вольга Шпарага звязвае менавіта з іх супрацьгвалтоўным характарам.

У фарміраванні новай адчувальнасці і сацыяльнай эмансipaцыі Вольга бачыць імкненне грамадства да сацыяльных повязяў, якое ўзнікла на месцы вертыкальнай дамовы з уладай, што перастала функцыянаваць (Shparaga, 2021, p. 113).

Цікава параўнаць гэтую выснову з аналізам сацыёлага Генадзя Коршунава, які ў сваім дакладзе на Міжнародным кангрэсе даследчыкаў Беларусі разглядае пратэст 2020 года як вяршыню айсберга і вынік працэсаў разыходжання ўлады і грамадства, што доўжацца на працягу апошніх 5–10 гадоў. Апрача таго, паводле Коршунава, пратэсты сталі вынікам працэсу станаўлення «лакальнай сацыяльнасці», што фармавалася апошнія 15–20 гадоў: экасістэма лакальнасцей проста выйшла на паверхню пад цяжарам узрушэння ад пандэміі («Гарызантальная сацыяльнасць як вынік першага этапу беларускай рэвалюцыі»).

Робячы высновы, Вольга Шпарага спыняецца на адсутнасці трывалых грамадскіх інстытутаў, а таксама на тым, што пратэсты рух недаацаніў патэнцыял гвалту (Shparaga, 2021, p. 167). Перспектывы яна акрэслівае як шлях у постнацыянальную будучыню і робіць выснову, што патрэбныя новыя ідэі, бо канцэпцыя нацыі

дзеліць на сваіх і чужых (Shparaga, 2021, p. 212). У працэсах 2020 года ролю нацыянальнага кампанента даследчыца акрэслівае як нязначную: «Калі раней гаворка ішла пра моўна-культурныя карані беларускай нацыі, то для ўтварэння шырокіх, пабудаваных на салідарнасці альянсаў нацыянальная ідэнтычнасць не адыгрывала вялікай ролі» (Shparaga, 2021, p. 174).

За гэта аўтарка крытыкуе «старую апазіцыю» і гэтым жа тлумачыць яе беспаспяховасць (Shparaga, 2021, p. 191, 210). На жаль, пры гэтым складаецца недыферэнцыяваны вобраз «апазіцыі» і нічога не гаворыцца пра той кошт, які заплацілі «старыя апазіцыянеры» за сваю дзейнасць. Таксама не ўзгадваецца аб тым, што пасля 1996 года ўся апазіцыя дзейнічала па-за парламентам (што не зразумела нямецкім чытачам, для якіх апазіцыя – гэта абавязковая частка плюралістычнага заканадаўчага органа) і была маргіналізавана (Shparaga, 2021, p. 173). Ідэя адраджэння нацыі крытыкуецца без тлумачэння прычын, якія прывялі да з’яўлення такой ідэі (дзяржаўны тэрор і ўрбанізацыя).

Пафас гэтай кнігі натхняльны, а найбольш пранікнёныя старонкі менавіта тыя, дзе аўтарка дзеліцца сваімі асабістымі перажываннямі і назіраннямі з месца падзей.

У кнізе Эліс Бота «Жанчыны Беларусі» падаецца грунтоўная панарама падзей у краіне. Кніга будзецца на мностве інтэрв’ю з самымі рознымі жанчынамі: валанцёркамі, даследчыцамі, доктаркамі. Асаблівая ўвага надаецца партрэтам трыя палітычных дзяячак Беларусі. У першым раздзеле, прысвечаным Святлане Ціханоўскай, аўтарка параўноўвае яе з Ангelay Меркель, якую напачатку таксама не прымалі за самастойную палітычную фігуру і лічылі «дзяўчом Коля».

Менавіта ў гэтым бачыць аўтарка фемінісцкую гісторыю, якую ўвасабляе Святлана Ціханоўская, – гісторыю «палітычнай Папалушкі». Мільёнам жанчын у свеце знаёмы досвед, калі яны вымушаны выйсці за межы абранай сабе ролі (Bota, 2021, p. 79, 80). Так, падтрымку і натхненне прыняць на сябе палітычную ролю Святлана Ціханоўская атрымлівае ад былой прэзідэнткі Літвы Далі Грыбаўскайце.

У той жа час аўтарка робіць экскурс у становішча жанчын у Беларусі, гісторыю змагання за закон аб хатнім гвалце і развейвае міф пра эмансipaцыю савецкіх жанчын (міф, які перажыў развал СССР). Яна таксама спыняецца на электаральных паводзінах жанчын і гульнях Лукашэнкі з гэтай тэмай.

У пытанні аб жаночым характары рэвалюцыі аўтарка звяртаецца да эксперткі Ірыны Саламацінай, якая мяркуе, што такі характар рэвалюцыі з’яўляецца ілюзорным: ні самі пратэсты, ні трыя не маюць у сабе фемінісцкага складніка (Bota, 2021, p. 130), а апошняе ніколі не тэматызавала правы жанчын. Гэтае меркаванне пацвярджаецца таксама і вынікамі анлайн-апытання ўкраінскай

даследчыцы Вольгі Онух пра каштоўнасці пратэстоўцаў. Паводле апытання «Сацыялогія беларускага пратэсту: чаму і дзеля чаго беларусы выходзяць на вуліцы?», толькі 38% удзельнікаў пратэстаў былі згодныя з тым, што пратэст меў мірны характар дзякуючы ўдзелу жанчын. Сярод тых, хто не ўдзельнічаў у пратэстах, з гэтым былі згодныя 74%. Таксама ў пытаннях пра размеркаванне роляў у грамадстве і аднаполыя шлюбныя людзі, што ўдзельнічалі ў пратэстах, выказвалі больш традыцыйныя погляды (Bota, 2021, р. 135).

Эліс Бота прыводзіць звесткі пра высокую ўдзельную вагу жанчын у турмах і бачнасць жанчын (ніколі раней яны не выступалі як палітычныя актэры) (Bota, 2021, р. 137), але ў выніку падсумоўвае, што гэтае паўстанне ніколі не было чыста жаночай справай і не несла ў сабе фемінісцкай павесткі. Проста гэтым разам жанчыны былі нашмат больш заўважнымі, чым звычайна (Bota, 2021, р. 143).

Эліс Бота падрабязна спыняецца на гвалце як калектыўным досведзе (Bota, 2021, р. 182) і звяртаецца да папярэдняй гісторыі, звязанай са сталінскім тэрорам і гвалтам падчас акупацыі ў Другой сусветнай вайне (Bota, 2021, р. 188).

Спрабуючы аспрэчыць меркаванне Ірыны Саламацінай аб «медыйным эфекце» рэвалюцыі, Эліс расказвае гісторыю дзвюх сябровак, Машы і Каці (імёны зменены), спецыялістак у маркетынгу, якія стварылі канцэпцыю першых жаночых выступаў і распрацавалі іх іканаграфію. Сяброўкі ўпэўненыя, што жаночыя маршы змаглі змякчыць сітуацыю і прыпыніць гвалт. Аднак прыведзены прыклад, хутчэй, гаворыць на карысць тэорыі аб медыйным эфекце.

Эліс Бота задаецца пытаннем, ці можа быць любоў палітычнай катэгорыяй (якая выяўляецца ў празе справядлівасці), і прыходзіць да высновы, што палітычная кампанія альтэрнатыўных кандыдатаў была супрацьлеглай мадэллю да той палітычнай культуры, якая стваралася ў Беларусі на працягу апошніх двух дзесяцігоддзяў (Bota, 2021, р. 263), і менавіта таму атрымала такі водгук у грамадстве.

Асобная ўвага нададзена практыкам гвалту і стварэнню сістэмы беспакаранасці для супрацоўнікаў сілавых ведамстваў. Аўтарка таксама звяртаецца з крытыкай да еўрапейскіх інстытутаў за недастатковую ўвагу да беларускай праблемы.

Калі ў згаданых кнігах мы мелі справу з аналізам падзей і іх медыйнай рэпрэзентацыяй, то ў сваім артыкуле «The gender dimension of the 2020 Belarusian protest: Does female engagement contribute to the establishment of gender equality?» даследчыкі Васіль Навумаў і Вольга Мацвеева звяртаюцца да пытання аб звязаных з гэндарам наступствах пратэсту: якім чынам тыя паўплывалі на публічную сферу? Яны адзначаюць, што адбылася сімвалічная апрапрыяцыя публічнай сферы. Пры гэтым грамадства застаецца патрыярхальным, а ў Global gender gap index за 2021 год Беларусь займае 33-е месца, апусціўшыся на чатыры месцы. Пры адсутнасці

дакладна вызначанай стратэгіі пратэсты не далі доўгатэрміновага эфекту. Таму даследчыкі робяць выснову пра неабходнасць лобінгу гендарнай роўнасці, фармавання інстытутаў і нулявой талерантнасці да гвалту.

У выступе «Comparing the Rhetorics of Femininity in the Belarus Awakening and the Arab Spring» на Кангрэсе даследчыкаў Беларусі (2021) Міхаэла Гранчаёва і Аляксей Кажарскі параўноўваюць жаночыя пратэсты ў Беларусі 2020 года і ў Егіпце ў 2012 годзе. Магчымасць такой захапляльнай гістарычнай паралелі даследчыкі абгрунтоўваюць патэрнітарным характарам абодвух грамадстваў, якім уласціва гегемонная маскуліннасць. Стаўленне да цела як да інструмента выхавання з'яўляецца адной з прыкмет такой грамадскай культуры. Менавіта таму пратэстоўцаў стыгматызуюць як парушальнікаў традыцый, такім чынам апраўдваючы ўжыванне да іх гвалту.

Даследчыкі параўноўваюць розныя стратэгіі рэакцыі грамадства на гвалт, якія шмат у чым аказваюцца аднолькавымі і для Беларусі, і для Егіпта.

У дыскусіі, якой суправаджалася абмеркаванне выступу даследчыкаў, адзначалася плённасць параўнальнага падыходу, які дазваляе асэнсаваць беларускі досвед у больш шырокім тэарэтычным і гістарычным кантэксце. Таксама каментатары адзначылі глыбокія гістарычныя карані ўдзелу жанчын у палітычным жыцці.

Наталля Паўловіч у сваім артыкуле «How Feminist is the Belarusian Revolution? Female Agency and Participation in the 2020» падкрэслівае як ключавы момант менавіта агентнасць жанчын, прычым у асноўным у дыскурсе жаночай маральнай агентнасці, калі якасці самаахвярнасці і альтруізму ўспрымаюцца як неабходныя для дасягнення «агульнага добра», а самі жанчыны разглядаюцца як адказныя за супольны грамадскі дабрабыт. Менавіта ў гэтым і бачыць даследчыца моцны бок пратэсту: удзельніцы ўспрымалі яго як апраўданы, бо ён зыходзіў з моцнага эмацыйнага ўзрушэння ў адказ на гвалт. Урэшце, даследчыца робіць выснову пра тое, што, хаця жаночы пратэст у Беларусі і разгортваецца ў межах патрыярхальнага бачання свету, гэта не значыць, што гэтыя межы не могуць быць перагледжаны і падарваны (што і практыкавалася падчас дэманстрацый, напрыклад, у некаторых крычалках і плакатах). Такім чынам, падрыў гендарных роляў уяўляецца многім жанчынам адзіным спосабам хаця б сімвалічна абараніць сваю годнасць.

Літаратура

- Bota, A. (2021) *Die Frauen von Belarus*. Berlin: Berlin Verlag, 240 p.
- Navumau, V., Matveieva, O. (2021) *The gender dimension of the 2020 Belarusian protest: Does female engagement contribute to the establishment of*

- gender equality? New perspectives, 2021 Available from: <https://doi.org/10.1177/2336825X211029126>. [Accessed 30 October 2021].
- Paulovich, N. (2020) *How Feminist is the Belarusian Revolution? Female Agency and Participation in the 2020. Post-Election Protests*. In: *Slavic Revue*, 80. No. 1.
- Ramanava, I. (2020) *Die Wurzeln der Gewalt*. In: Rostek, A., Weller, N., Weiler, T. and Wünschmann, T., ed. *BELARUS! Das weibliche Gesicht der Revolution*. Berlin: edition.fotoTAPETA, pp. 114–120.
- Shchyttsova, T. (2020) *Der traumatische Weg zu Neubeginn*. In: Rostek, A., Weller, N., Weiler, T. and Wünschmann, T., ed. *BELARUS! Das weibliche Gesicht der Revolution*. Berlin: edition.fotoTAPETA, pp. 55–63.
- Shparaga, O. (2021) *Die Revolution hat ein weibliches Gesicht. Der Fall Belarus*. Berlin: Suhrkamp, 234 p.
- Solomatina, I. (2020) *Die Revolution hat kein feministisches Gesicht*. In: Rostek, A., Weller, N., Weiler, T. and Wünschmann, T., ed. *BELARUS! Das weibliche Gesicht der Revolution*. Berlin: edition.fotoTAPETA, pp. 41–54.
- Grancayova, M., Kazharski, A. *Comparing the Rhetorics of Femininity in the Belarus Awakening and the Arab Spring* (выступ на Міжнародным кангрэсе даследчыкаў Беларусі, Коўна, кастрычнік 2021).
- Коршунаў, Г. Гарызантальная сацыяльнасць як вынік першага этапу беларускай рэвалюцыі (выступ на Міжнародным кангрэсе даследчыкаў Беларусі, Коўна, кастрычнік 2021).

References

- Bota, A. (2021) *Die Frauen von Belarus*. Berlin: Berlin Verlag, 240 p.
- Grancayova, M., Kazharski, A. *Comparing the Rhetorics of Femininity in the Belarus Awakening and the Arab Spring* (presentation at the International Congress of Belarusian Studies, Kaunas, October 2021).
- Korshunau, G. *Garyzantal'naya satsiyal'nasts' yak vynik pershaga etapu belaruskai revaliutsyi* [Horizontal sociality as a result of the first stage of Belarusian Revolution] (presentation at the International Congress of Belarusian Studies, Kaunas, October 2021).
- Navumau, V., Matveieva, O. (2021) *The gender dimension of the 2020 Belarusian protest: Does female engagement contribute to the establishment of gender equality? New perspectives, 2021* Available from: <https://doi.org/10.1177/2336825X211029126>. [Accessed 30 October 2021].
- Paulovich, N. (2020) *How Feminist is the Belarusian Revolution? Female Agency and Participation in the 2020. Post-Election Protests*. In: *Slavic Revue*, 80. No. 1.
- Ramanava, I. (2020) *Die Wurzeln der Gewalt*. In: Rostek, A., Weller, N., Weiler, T. and Wünschmann, T., ed. *BELARUS! Das weibliche Gesicht der Revolution*. Berlin: edition.fotoTAPETA, pp. 114–120.
- Shchyttsova, T. (2020) *Der traumatische Weg zu Neubeginn*. In: Rostek, A., Weller, N., Weiler, T. and Wünschmann, T., ed. *BELARUS! Das weibliche Gesicht der Revolution*. Berlin: edition.fotoTAPETA, pp. 55–63.
- Shparaga, O. (2021) *Die Revolution hat ein weibliches Gesicht. Der Fall Belarus*. Berlin: Suhrkamp, 234 p.
- Solomatina, I. (2020) *Die Revolution hat kein feministisches Gesicht*. In: Rostek, A., Weller, N., Weiler, T. and Wünschmann, T., ed. *BELARUS! Das weibliche Gesicht der Revolution*. Berlin: edition.fotoTAPETA, pp. 41–54.

BELARUSIAN POLITICAL CRISIS:
A COLLAPSE OF PREEMPTIVE
AUTHORITARIANISM

A review of the book:
Belarus: The Last European Dictatorship
by Andrew Wilson. New Haven: Yale University Press, 2021. 499 p.

Viktoryia Sliaptsova

BELARUSIAN POLITICAL CRISIS: A COLLAPSE
OF PREEMPTIVE AUTHORITARIANISM

© Viktoryia Sliaptsova

MA in Social Sciences

An editor and columnist at China news web-portal china.org.cn

Email: vvsleptsova@yandex.ru

After pivotal events witnessed in Belarus during August 2020, British historian and political scientist Andrew Wilson published a new revised edition of his book “Belarus: The Last European Dictatorship”. The study, first published in 2011, is one of the most exhaustive English-language publications that gives a detailed account of Belarus’ historical formation as a nation and its political path after declaring independence in 1991. The reasons why the author returned to the analysis of the Belarusian regime are clear. Lukashenka’s brand of adaptive authoritarianism with its mix of managed pluralism, performance legitimacy, false opposition and faux elections no longer deceives large swaths of the Belarusian people. Following his apparent landslide reelection victory in 2020, thousands of people poured into the streets to denounce the president’s vote as a fraud.

Andrew Wilson, a professor in Ukrainian studies at University College London and a senior policy fellow at the European Council on Foreign Relations, dubbed these massive nationwide actions “the revolution without name”. The protests lasted more than six months and have not yet led to any concrete results. The situation in Belarus is still

characterized as a political crisis, which means it is too early to predict the end result. Under such conditions, Wilson's book has become particularly relevant. It is based on deep academic study and helps to form a comprehensive view of the Belarusian nation and state through the centuries.

The two mutually complementary parts of the new edition are divided into 14 chapters. The writing charts the path of an unstable development and the growing up and strengthening of the Belarusian national movement in the context of linguistic, religious, territorial and political contradictions.

The final new chapters, "The 2010s: Lukashenka's Juggling Act" and "The Revolution Without a Name", are particularly significant for understanding the situation in contemporary Belarus. These sections were published in the new edition of the book in 2021. According to the author, Belarus had no real attempted revolution before 2020, but protests were common. "First were the "Denim protests" in 2006. Then there were protests in 2010, in 2011 and later in 2017. 2020 didn't come out of nowhere" (p. 347), he said. Andrew Wilson analyzes the political circumstances that helped Aliaksandr Lukashenka, who was unknown in political circles, to win the elections in 1994 and hold on to power for more than two decades.

Despite the fact that Lukashenka was labeled an "accidental president" after Pavel Sheremet's book with the same name¹, Wilson concludes that his victory in the 1994 elections was quite natural and fair enough. Aliaksandr Lukashenka's political image and program corresponded to the social circumstances and matched with the cultural code of villages and small towns' residents with a low level of education.

The author quotes A. Martynaw's point, that Lukashenka "found just the right way to side-step the tired four-year-old psychodrama between the nomenklatura and the BNF" (p. 224). On the one hand, the BNF (Belarusian People's Front was the leading opposition party of Belarus) wasn't strong enough to take power. Its political program was too far from ordinary people who felt nostalgia for the Soviet past. On the other hand, the former chairman of a pig farm was underestimated in ruling circles. Due to the Soviet mentality, only representatives of the nomenclature and intelligentsia could be part of the political elite. Meanwhile, the ambitious populist and opportunist Lukashenka managed to clearly meet the expectations of the target audience. The slogan of his election campaign "Neither with the left nor with the right, but with the people" resonated in the hearts of Belarusians, especially the working class and pensioners. Anti-corruption intentions and a pro-Russian position also were tactical and beneficial.

1 Шеремет П. Г., Калинкина С. М. (2003) Случайный президент : [Полит. портрет А. Лукашенко]. Москва : Ньюанс, 2003. 236 с.

The second myth that Wilson dispels is regarding the “Belarusian economic miracle”. The researcher concludes: “Economic recovery in the late 1990s was not due to some unique “Belarusian model”, but to a generous subsidy regime from Russia and to the restoration of the Russian export market under the cover of the “Union State” (p. 324). The author also highlights that Belarus started to take advantage of the Russian crude subsidy and high global oil tariffs to become an “off-shore oil state” in late 2003.

Wilson writes, “before 2010 Belarus outperformed its neighbours economically, after 2010 the opposite was true” (p. 347). As a former reporter for the state TV-channel STV, I can attest that the problems of a planned economy already began to manifest themselves during the so-called “golden period”. Between 2007 and the middle of 2010, some bosses of agricultural companies told me in personal conversations that they had to get rid of unused and unsold grain. According to one of the leaders of a farm I won’t name, rotting sacks of grain were secretly burned in the forest at night. He explained to me of a need to free up warehouses as the annual “battle for the harvest” was elevated to the rank of a key national task. Exceeding government directed production quotas offered appealing financial incentives. Belarusians in the countryside were quite satisfied during that time. The support of the traditional electorate for Lukashenka felt real. Retired people were relatively pleased with their pensions, and farmers with the size of their incomes.

Andrew Wilson explains the situation like this: “Lukashenka’s first big mistake was to stoke the economic fires before the 2010 election – almost as if were actually facing a real competition – which was too soon after Belarus’ weak recovery from the 2007-9 global economic crisis. Public sector wages were increased by 35 per cent: the economy grew by 10.2 per cent in the fourth quarter of 2010. Low productivity in the still-dominant state economy meant a ballooning balance of trade deficit, which reached a massive 16 per cent of GDP by 2010. Servicing the gap meant an annual hard cash bill upwards of \$3 billion, often substantially more, as Belarus has no real domestic capital market. The government’s reserves drained away, falling below \$4 billion in the first half of 2011, but were effectively almost zero, their true level hidden by complex swap schemes with local state banks” (p.348).

Meanwhile, by fulfilling the “social contract” and gaining control over the state’s media apparatus, *bats’ka*’s² thirst for retention of power was not particularly obvious to ordinary people, as the author notes. From the very beginning, when Lukashenka became president, he gradually began to increase authoritarianism by promoting his ideas through referendums. Amendments to the Constitution were

2 Due to his style of rule, Lukashenka is often informally referred to as *бацька* (*bats’ka*, “daddy”).

approved and thus extended Lukashenka's powers and provided ample opportunity to increase his grip on power. The approval of national symbols in the Soviet style and a ban on the Pahonia (Belarus' first national emblem), elevated Russian language to the level of Belarusian. The latter was both a slap in the face of the opposition and an elegant opportunist's curtsy towards Russia.

Among Aliaksandr Lukashenka's other methods for establishing and maintaining authoritarianism the author mentions, are: "faking" opposition (i.e. financially supporting his preferred candidates), closing most NGOs and exercising absolute ideological control over state media and the nation's purse strings. Even at the dawn of his popularity, Lukashenka sought to eliminate any threat to his presidency. Andrew Wilson recalls the term coined by political scientist Vitali Silitski, who called such behavior "preemptive authoritarianism" in his book "Social Contracts in Contemporary Belarus"³. In 2019, the scholar Matthew Frear named it "adaptive authoritarianism", as "...the regime was able to mix various strategies at different times: facade elections, performance legitimacy, patrimonialism and managed pluralism"⁴ (p. 405). In fact, both scholars describe the same style of dictator.

Despite the obvious depth of Wilson's multi-vector research, his writing style is emotional and far from academic. The position of the book's author is entirely unambiguous. He does not hesitate to "reward" Aliaksandr Lukashenka with harsh epithets: "bastard", "neophyte populist", "scourge of corruption", "lord of war", "great survivor", "chameleon", "serial election stealer" and "neo-Soviet nostalgist". Such a collection of "nicknames" succinctly presents not only Wilson's own attitudes to the Belarusian politician as a person, but also the conclusions of his research findings. To some extent, this may lead readers away from forming their own opinions, but it makes it easier to assimilate the information.

So, what exactly led to the biggest civil protests in the history of Belarus in 2020? It was certainly a complex set of reasons. First, the author provides a statistic: according to the IMF, Belarus' public debt was \$25 billion in 2019. The economic crisis was not the main cause of Belarusians' discontent however, with Wilson identifying two key factors that determined Lukashenka's image as a provider of social goods. With five weeks of protests in 2017 against the so-called "social parasite" tax (whereby young mothers and other economically "inactive" people had to pay the state treasury about \$250) and absolute disregard for the pandemic in early 2020, Belarusians no longer felt protected by *bats'ka* and the "social contract" was broken. Not expecting

3 Vitalii Silitski (2009). *Sotsial'nye kontrakty v sovremennoi Belarusi*. St Petersburg: Nevskii prostor, p. 224.

4 Matthew Frear (2019). *Belarus under Lukashenka: Adaptive Authoritarianism*. London and New York: Routledge, p. 202.

help from the government, people demonstrated a high level of social cooperation and unity – first, to crowdfund money for public hospitals unequipped to deal with COVID-19, and then to express their attitude toward the dictator and the ill-treatment of detainees. The official results of the 2020 election, which the author calls “egregious fraud”, was the very last straw for the Belarusian people.

The authorities claimed a “traditional” result of the last two decades of presidential elections in Belarus: Aliaksandr Lukashenka was awarded over 80 per cent of the vote. According to official data, Lukashenka’s main opponent, Sviatlana Tsikhanouskaya, won 10.1 per cent of the vote. That figure differs massively from the results of exit polls and independent surveys, Wilson notes. The author also says, that “we will never know the exact, true result, because there wasn’t one. Votes were miscounted, and in many cases not counted at all. There was massive evidence of fraud, given how crudely it was done” (p. 384).

Wilson’s analysis of the events of 2020 shows that Lukashenka in fact stumbled upon the same thing that once brought him to power – he underestimated a threat to his “own self-appointed role as president for life” in the candidacy of Sviatlana Tsikhanouskaya. At that time, this mother and housewife dared to replace her arrested husband Siarhei Tsikhanousky in the struggle for the presidency. Lukashenka suggested she return to the kitchen to “fry cutlets”. He stated that “our constitution is not [right to be placed] under a woman. And our society is not ripe to vote for a woman” (p. 382). In almost the same way, in the 1994 elections, the former agricultural manager Aliaksandr Lukashenka was not taken seriously by the overconfident first prime minister of independent Belarus, Viachaslau Kebich, who eventually lost the election.

Considering that 53.5 per cent of the population of Belarus was female in 2020, Sviatlana Tsikhanouskaya was well placed to reach the target audience. This is especially true after “the feminisation of the campaign”, as the author calls it. Tsikhanouskaya combined resources with female representatives of other participants in the 2020 presidential race – Tsapkala’s wife Veranika Tsapkala and Babaryka’s campaign manager Maria Kalesnikava. Andrew Wilson notes that “the three women ran a powerful campaign. They attracted huge crowds with warm and simple, positive messaging. There was no detailed manifesto, just the demand for a free and fair election – not this one but the next” (p. 382),

The brutality of the authorities against the demonstrators following the announcement of the election results on Aug. 9, Wilson dubbed the “three nights of terror”. Under threats against her children, Tsikhanowskaya was forced to leave for Lithuania, where she announced the Coordination Council (for the Transfer of Power) on Aug. 14. However, the regime refused to engage in negotiations with the Council, treating its very establishment as a criminal act. Meanwhile, the Lithuanian parliament recognized her as the only elected leader of

Belarus on Sept. 10. And so, the struggle continued. The author is sure: a new civic nation was born, and there is no way back.

Exploring the long-term triggers of the 2020 protests, Wilson concludes that it was Lukashenka who laid the foundation for the awakening of the national spirit as a result of his “soft Belarusianisation” policy in 2014, after the war against Ukraine. According to the author, in those years, an attempt to distance the country from Russia and turn towards the West, China and the Middle East was a manipulation of the regime “not for real dialogue, but as an “attempt to change the geo-political supplier of rents” (p. 412). The old east Slavic unity formula was indirectly marginalized, which made a significant contribution to the new formation of Belarusian national identity.

ІНФАРМАЦЫЯ ДЛЯ АЎТАРАЎ

Шаноўныя аўтары!

Да разгляду ў філасофска-культуралагічны часопіс «Topos» прымаюцца арыгінальныя артыкулы (да 1 др. арк.: 40 тыс. знакаў), рэцэнзіі (да 0,5 др. арк.: 20 тыс. знакаў) і пераклады (пры наяўнасці аўтарскіх правоў), якія адпавядаюць агульнаму тэматычнаму профілю часопіса, а таксама матэрыялы па спецыяльных тэматычных анонсах, якія публікуюцца на сайце <http://journals.ehu.lt/index.php/topos>. Мова матэрыялаў: руская, беларуская, англійская. Матэрыялы дасылайце, калі ласка, па адрасе: journal.topos@ehu.lt (з пазнакай `Topos_Submission`).

У рэдакцыю неабходна даслаць дзве версіі матэрыялаў: поўны варыянт тэксту (фармат назвы `NameSurname_Topos_SubmissionYYYY`, калі ласка, замест `YYYY` пазначайце бягучы год) і ананімізаваны варыянт тэксту для рэцэнзавання (фармат назвы `ShortTitle_Topos_SubmissionYYYY`).

Матэрыялы на рускай/беларускай мовах

1. Назва артыкула, імя аўтара, афіляванне (прыналежнасць да інстытуцыі, пасада, фізічны адрас, E-mail) — на рускай/беларускай і англійскай мовах.

2. Анатацыя (300 слоў; паўтарае структуру артыкула; адзначаныя мэты, задачы, метадалогія і галоўныя вынікі) і ключавыя словы (5–7 значэнняў) — на англійскай мове.

3. Арыгінальны тэкст артыкула (каментары ў падрадкавых заўвагах; спасылкі згодна з узорам Harvard Reference System; ілюстрацыі, табліцы і дыяграмы змяшчаюцца ў тэксце).

4. Спіс літаратуры з крыніцамі на любых мовах, на якія спасылаецца аўтар (афармленне па ўзоры Harvard Reference System; апісанне найменняў на арыгінальнай мове).

5. References на англійскай мове з лацінізаванай версіяй спіса літаратуры (афармленне па ўзоры Harvard Reference System; не англамоўныя найменні транслітаруюцца згодна з правіламі ALA-LC (Library of Congress) Romanization without Diacritics; апісанне не англамоўных найменняў змяшчае таксама і назвы, перакладзеныя на англійскую мову, у квадратных дужках пасля транслітараванай назвы).

Матэрыялы на англійскай мове

1. Назва артыкула, імя аўтара, афіяванне (прыналежнасць да інстытуцыі, пасада, фізічны адрас, e-mail).

2. Анатацыя (300 слоў; паўтарае структуру артыкула; адзначаныя мэты, задачы, метадалогія і галоўныя вынікі) і ключавыя словы (5–7 азначэнняў).

3. Арыгінальны тэкст артыкула (каментары ў падрадкавых заўвагах; спасылкі па ўзоры Harvard Reference System; ілюстрацыі, тэбліцы і дыяграмы змяшчаюцца ў тэксце).

4. References на англійскай мове з лацінізаванай версіяй спіса літаратуры (афармленне па ўзоры Harvard Reference System; не англамоўныя найменні транслітаруюцца згодна з правіламі ALA-LC (Library of Congress) Romanization without Diacritics; апісанне не англамоўных найменняў змяшчае таксама і назвы, перакладзеныя на англійскую мову, у квадратных дужках пасля транслітараванай назвы).

Падрабязней глядзіце, калі ласка, інфармацыю на сайце ў раздзеле «Даслаць матэрыял».

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые авторы!

К рассмотрению в философско-культурологический журнал «Topos» принимаются оригинальные статьи (до 1 п.л.: 40 тыс. знаков), рецензии (до 0,5 п.л.: 20 тыс. знаков) и переводы (при наличии авторских прав), соответствующие общему тематическому профилю журнала, а также материалы по специальным тематическим анонсам, которые публикуются на сайте <http://journals.ehu.lt/index.php/topos>. Язык материалов: русский, белорусский, английский. Материалы отправляйте, пожалуйста, по адресу: journal.topos@ehu.lt (с пометкой Topos_Submission).

В редакцию необходимо выслать две версии материалов: полный вариант текста (формат названия NameSurname_Topos_SubmissionYYYY, просьба вместо YYYY указывать текущий год) и анонимизированный вариант текста для рецензирования (формат названия ShortTitle_Topos_SubmissionYYYY).

Материалы на русском/беларусском языках

1. Название статьи, имя автора, аффилирование (принадлежность к институции, занимаемая должность, физический адрес, E-mail) — на русском/беларусском и английском языках.

2. Аннотация (300 слов; повторяет структуру статьи; выделены цели, задачи, методология и основные выводы) и ключевые слова (5–7 определений) — на английском языке.

3. Оригинальный текст статьи (комментарии в примечаниях в виде постраничных сносок; ссылки по образцу Harvard Reference System; иллюстрации, таблицы и диаграммы размещаются внутри текста).

4. Список литературы с источниками на любых языках, на которые ссылается автор (оформление по образцу Harvard Reference System; описание наименований на оригинальном языке).

5. References на английском языке с латинизированной версией списка литературы (оформление по образцу Harvard Reference System; не англоязычные наименования транслитерируются по правилам ALA-LC (Library of Congress) Romanization without Diacritics; описание не англоязычных наименований включает также названия, переведенные на английский язык в квадратных скобках после транслитерированного названия).

Материалы на английском языке

1. Название статьи, имя автора, аффилирование (принадлежность к институции, занимаемая должность, физический адрес, E-mail).

2. Аннотация (300 слов; повторяет структуру статьи; выделены цели, задачи, методология и основные выводы) и ключевые слова (5–7 определений).

3. Текст статьи (комментарии в примечаниях в виде постраничных сносок; ссылки по образцу Harvard Reference System; иллюстрации, таблицы и диаграммы размещаются внутри текста).

4. References с латинизированной версией списка литературы (оформление по образцу Harvard Reference System; не англоязычные наименования транслитерируются по правилам ALA-LC (Library of Congress) Romanization without Diacritics; описание не англоязычных наименований включает также названия, переведенные на английский язык в квадратных скобках после транслитерированного названия).

Подробнее смотрите, пожалуйста, информацию на сайте в разделе «Отправить материал».

AUTHOR GUIDELINES

Dear authors!

Journal for Philosophy and Cultural Studies “Topos” regularly accept material in the form of original articles (up to 40 000 characters), reviews (up to 20 000 character) and translated works (providing author license only), which correspond to the thematic scope of the journal, as well as materials for special calls published on the website: <http://journals.ehu.lt/index.php/topos>. Submissions can be provided in Russian, Belarusian and English. To make your submissions, please, send your material to: journal.topos@ehu.lt (marking it with Topos_Submission).

The Editorial Board requires that two versions of the submission be sent: the full text (please, name your document as follows: NameSurname_Topos_SubmissionYYYY, and change YYYY for the current year), and the anonymized text for double peerreviewing (please, name your document as follows: ShortTitle_Topos_SubmissionYYYY).

Materials in Russian/Belarusian:

1. Title of the article, author’s full name, affiliation (institution, position, post address, E-mail) – in Russian/Belarusian and English.

2. Summary (300 words; structured as the original article; the object, main tasks, methodology and conclusions highlighted) and key words (5–7 terms) – in English.

3. Original text of the article (all comments be made in footnotes; Harvard Reference System citation; illustrations, charts and tables be placed in the text).

4. Literature List with references in all languages used (Harvard Reference System citation; all references be made in the original language).

5. References in English including the full list of the literature referenced in Roman script (Harvard Reference System citation; non-English items be transliterated according to the rules of ALA-LC (Library of Congress) Romanization without Diacritics; transliterated references should include translated titles of the works in square brackets following the transliterated version).

Materials in English:

1. Title of the article, author's full name, affiliation (institution, position, post address, E-mail).

2. Summary (300 words; structured as the original article; the object, main tasks, methodology and conclusions highlighted) and key words (5-7 terms).

3. Original text of the article (all comments be made in footnotes; Harvard Reference System citation; illustrations, charts and tables be placed in the text).

4. References in English including the full list of the literature referenced in Roman script (Harvard Reference System citation; non-English items be transliterated according to the rules of ALA-LC (Library of Congress) Romanization without Diacritics; transliterated references should include translated titles of the works in square brackets following the transliterated version).

For more details, please see the guidelines on the website in "Make a Submission" section.